

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И
АНТРОПОЛОГИИ ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Семенова Ольга Владимировна

**КРОССНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ
ОТЦОВСКОГО ВКЛАДА И УРОВНЯ РОДСТВЕННОЙ ЗАБОТЫ
В СОВРЕМЕННЫХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВАХ
НА ПРИМЕРЕ РОССИИ, США И БРАЗИЛИИ**

Специальность: 03.03.02 — Антропология

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

член-корреспондент РАН, доктор исторических наук,

М. Л. Бутовская

Москва — 2021

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
Актуальность темы исследования.....	4
Степень изученности темы.....	6
Цели и задачи	21
Научная новизна	22
Методология.....	26
Материалы и методы	26
Теоретическая и практическая значимость	30
Положения, выносимые на защиту	31
Апробация результатов.....	32
Степень достоверности.....	32
ГЛАВА 1. Особенности родительства и детства как отражение специфики черт жизненного цикла у человека.....	35
1.1. Родительская забота как отличительная черта человеческих обществ ...	35
1.2. Совместная забота о потомстве	39
1.3. Совместное воспитание и основы социальности	39
1.4. Теория родственного отбора.....	41
1.5. Помощь старших детей.....	43
1.6. Помощь старшего поколения	47
1.7. Различие в уровне родственного вклада матрилинейных и патрилинейных родственников.....	52
1.8. Локальность брачных поселений.....	54
1.9. Патрилокальные общества	57
1.10. Матрилокальные общества	60
1.11. Отцовский вклад.....	63
1.12. Мужские брачные стратегии и конфликт полов.....	68
1.13. Соотношение полов и брачные стратегии	74
ГЛАВА 2. Соотношения полов и родительский вклад	85

2.1. Биодемографические и географические параметры исследуемой кросснациональной выборки.....	85
2.2. Оценка надежности шкалы отцовский родительских усилий	89
2.3. Анализ влияния параметра соотношения полов на отцовский вклад в заботу о детях.....	90
2.4. Следствия, выводы и дальнейшие перспективы исследований.....	98
ГЛАВА 3. Анализ конструктивной надежности и валидности анкетных вопросов, формирующих латентные группирующие факторы влияния на параметры родственной и родительской заботы.....	101
3.1. Моделирование совокупных взаимодействий участников заботы о потомстве у человека	101
3.2. Доступность прямой заботы прародителей	103
3.3. Шкала фенотипического сходства ребенка и родителя	106
3.4. Родительский вклад и экономические параметры	108
ГЛАВА 4. Структурная модель взаимодействия участников воспитательного процесса в расширенной трёхпоколенной семье. Кросскультурный анализ.....	113
4.1. Общая структурная модель.....	113
4.2. Структурные модели <i>SEM</i> для трех изучаемых культур	115
4.3. Результаты и выводы <i>SEM</i> анализа структурными уравнениями	122
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	132
Список благодарностей	143
Список ключевых понятий	145
Список сокращений и условных обозначений	149
Список иллюстрированного материала	151
Список используемой литературы	154
ПРИЛОЖЕНИЕ №1	197
Список работ автора, опубликованных по теме исследования	203

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Индустриализация и результирующая урбанизация сопровождаются интенсивными процессами изменения репродуктивного поведения человека, что является следствием продолжающегося в общемировом масштабе демографического перехода (Капица, 1999; Массе, 2008). В результате этого в современном обществе быстрыми темпами происходит структурная трансформация традиционной модели большой расширенной семьи. Современная семья всё чаще определяется как нуклеарная, что связано не только с отдельным функционированием домохозяйств, но и с выраженными демографическими изменениями, протекающими в постиндустриальных обществах (Вишневский, 2015). Эти изменения прежде всего проявляются в существенном сокращении круга ближайших родственников, родных и двоюродных братьев и сестёр. Уже начиная со второй половины XX вв. происходит серьёзная редукция таких семейно-родственных связей: молодежь и дети растут в малодетных семьях, а совместное воспитание, предполагающее близкий психологический контакт с братом или сестрой или несколькими сиблингами, становится редким явлением, вследствие чего нивелируется родственная помощь сиблингов. При этом двоюродных братьев и сестёр у современного поколения зачастую также нет, или их количество сведено к минимуму. Частое отсутствие родственных отношений с кузенами обусловлено тем, что процессы редукции семьи и сокращение рождаемости начались ещё в поколении родителей современных детей или даже ранее. Ещё одной особенностью современной семьи явилось увеличение временной дистанции между поколениями: в подавляющем большинстве стран, совершающих демографический переход, возраст первых родов у женщин продолжает неуклонно возрастать, а это означает, что родительско-детская связь, а

также межпоколенческие отношения бабушек и дедушек с внуками слабеют пропорционально увеличению возрастной дистанции между поколениями. В современных постиндустриальных обществах разница в возрасте между родителем и ребёнком все чаще соответствует естественному временному интервалу, характерному для разницы в возрасте между внуками и прауродителями в традиционных обществах (Kramer, 2010). Родственные связи подвергаются еще одному испытанию — увеличивающемуся психоэмоциональному разрыву между поколениями, а также проявлением черт так называемого «цифрового раскола» (Солдатова, Рассказова, 2017; Жеребин, Махрова, 2015).

Наблюдаемые в крупных постиндустриальных обществах резкие процессы значительной функциональной и структурной перестройки института семьи, традиционно выполнявшей основную роль воспитания подрастающего поколения, как никогда объективируют давний и, казалось бы, хорошо проработанный исследовательский предмет — родительско-детские взаимоотношения и, в частности, тематику родительского вклада в ребёнка. Актуализируются насущные задачи фиксации количественных изменений материнской и отцовской доли заботы о ребёнке, появляется потребность в анализе родственных вложений в подрастающее поколение в реалиях высокоурбанизированных постиндустриальных обществ, в том числе и в связи с возникновением новейших экологических вызовов современности (см. Semenova et. al., 2021a; б).

Воспитание подрастающего поколения — одна из важнейших задач, стоящая как перед родителями и широким кругом родственных и неродственных членов расширенной семьи, так и перед всем обществом в целом. Инвестиции в подрастающее поколение, в человеческий капитал во многом определяют будущую судьбу молодых людей; при этом человеческий капитал — это один из важнейших источников экономического роста всего общества в целом и, можно без преувеличения сказать — это богатство нации (Беккер, 1993). Как показывают многочисленные кросскультурные исследования, усилия воспитателей, учителей и родителей, направленные на образование и развитие детей, на защиту и охрану их

здоровья, на комфортную домашнюю обстановку, на благоприятное социальное окружение во многом определяют будущее благосостояние человека, его материальный достаток, будущий социальный статус, уровень образования, а также оказывают всестороннее влияние на дальнейшую судьбу человека в целом (Smith et. al., 2011).

В диссертационной работе исследуются текущие процессы, происходящие в семейных отношениях и влияющие на их структуру в постиндустриальных обществах, прошедших второй демографический переход. Наше исследование демонстрирует актуальный срез динамики изменений противоположно направленных сил, представленных, с одной стороны, сокращением и распадом внутрисемейных связей, территориальным удалением друг от друга частей большой расширенной семьи, которая служила главной опорой в воспитании подрастающего поколения, а с другой — всё ещё актуальной потребностью в многоплановой помощи, касающейся заботы о потомстве. Предлагаемое сравнительное исследование позволит выявить структурные особенности и связи, присутствующие внутри современной семьи и определяющие уровень родительско-родственных инвестиций в рамках расширенной семьи.

Важное достоинство предлагаемого к защите исследования современного института семьи и брака — кросскультурный подход, предполагающий масштабное сравнительное исследование современной семьи и структуры родительско-родственного вклада в трёх крупных постиндустриальных обществах: в России, США и в Бразилии.

Степень изученности темы

Гуманитарные и социальные дисциплины, и прежде всего педагогика, социология и психология широко освещают проблематику внутрисемейных

отношений. Как первичные социальные образования и неотъемлемая часть повседневной жизни людей, брак и семья на протяжении всей истории вызывали интерес у исследователей, учёных и философов (см. Зритнева, 2019). Философские размышления на тему организации семьи и общества, осмысление семейных и социальных ролей человека, нравственных ориентиров брачно-семейных отношений прослеживаются у крупных мыслителей ещё со времён античности (см. Лосев, Тахо-Годи, 1993). Несмотря на то, что процесс научного познания феномена семьи и брака имеет давнюю историю, изучение внутрисемейных отношений находится в постоянном развитии и обновлении. Это касается и расширения темы, и определения предметных областей науки, занятой вопросами семьи, и уточнение понятийно-категориального аппарата, что отражается в многогранном понимании объекта исследования.

Трудно перечислить все предметные области внутри дисциплин, исследующих брак и семейные отношения. Между тем среди научных направлений, анализирующих феномен семейной жизни, можно выделить наиболее распространённые школы и дисциплины. В первую очередь, это психология детско-родительских отношений (см. Выготский 1929, 1930, 1931), где особое место занимает этнографический подход И. С. Кона к развитию ребёнка (см. Кон, 2003, 2000). Далее, ключевым по значению предметом научной дисциплины, исследующей современный брак, является психология супружества (см. Belsky, 1984; Bernard, 1974; Henderson, 2013; Алешина, Волович, 1991; Алёшина, Борисов, 1989; Кован, Кован, 1988). Существенное научное развитие за прошедшие два столетия получила социологическая школа семьи, основателями которой считаются французский исследователь Ф. Ле-Пле(й). Именно он впервые сделал семью центральным объектом социологического анализа, и О. Конт, сторонник социологического подхода к исследованию общественных явлений и процессов, согласно которому семья — это основной посредник, существующий между человеком и обществом, смягчающий воздействие общества на личность. В отечественной социологии в 1990-е годы А. И. Антонов и В. М. Медков в своих

работах обосновали посредничество семьи как основную предметную область социологии семьи. Социально-психологические исследования семьи раскрывают основные феномены семьи как малой социальной группы (Обозов, Обозова, 2000; Голод, 2008), а также образ жизни семьи и ее ценностные ориентиры (Рассел, 2004; Вишневский, 1992; Преснякова-Осипова, 2013). При этом стоит выделить междисциплинарные историко-психологические и историко-демографические исследования эволюции семьи и брака (см. Нефедов, 2005; Долгов, 2017; Рябов, 2000; Мухина, 2012; и другие). Исторический анализ повседневности русской семьи, вопросы родительства и материнства освещаются в работах Н. Л. Пушкаревой, в которых анализируется положение женщины в семье, ее отношения с мужем и детьми, имущественные и социальные права женщин различных исторических периодов (Пушкарева, 1989, 1996).

В социальной антропологии и этнологии тематика изучения семейно-родственных отношений представляет одну из центральных тем и является своего рода визитной карточкой этих дисциплин (Артемова, 2011). До второй половины XIX в. господствовала «патриархальная теория» семьи, по которой именно такая форма семьи считалась исконной и незыблемой, проходящей через все века, ячейкой человеческого общества (Ковалевский, 1939: 3). Начало историческому анализу первобытного общества положила монография американского этнографа Льюиса Генри Моргана «Древнее общество» (1877 г.). В дальнейшем, как пишет М. Ковалевский, с выходом в 1884 г. эпохальной работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», патриархальная теория получает жесточайший удар, возникают идеи изначального промискуитета, группового брака, двух последовательных ступеней в развитии родового строя: матриархата и патриархата, — всё это находит широкое признание в науке того времени. Идеи эволюционизма о постепенном развитии брака и семьи были представлены в работах И. Бахофена, Дж. Мак-Леннана, Л. Моргана, Ф. Энгельса, М. Ковалевского и других авторов.

В первой половине прошлого века и в его середине был сделан значительный рывок в теоретическом осмыслении структурных основ систем родства в широком круге обществ (см. Рэдклифф-Браун, Леви-Стросс и другие). Массовое распространение получили лингвистические и этнографические исследования терминологии родства, являющейся ценным источником информации при анализе традиций семейно-брачных отношений. Фиксация и классификация этой терминологии в значительной мере способствовала реконструкции истории социальных и семейных институтов у изучаемых народов. Классическим и уникальным в своём роде сборником терминологии родства является монография классика культурной антропологии Дж. Мёрдока, исследовавшего социальную организацию семьи, родственную организацию и их влияние на взаимоотношения полов и брак с применением методов математического анализа (Murdock, 1949). В 2003 году монография «Социальная структура» вышла на русском языке в переводе А. Коротаяева.

В отечественной антропологии после долгой идеологической монополии этнографический марксизм и идеи эволюционизма советского периода подверглись переоценке и существенному переосмыслению в конце XX в. Новая волна научной критики существенно отличалась от положений, высказываемых противниками эволюционизма рубежа XIX — XX вв., в частности, представленных в переведённых на русский язык работах датского этнолога К. Старке, который доказывал изначальность патриархальной семьи и моногамии (Старке, 1901). В постсоветской России прежде всего началось преодоление *«главного порока моргановско-энгельсовской схемы — однолинейного эволюционизма»*, в пользу *«...единства в многообразии и многоликости форм, при однотипности сути...»* (см. Артемова, 2004: 116). Происходит тщательный анализ всей эмпирики наблюдаемой этнографической реальности с акцентом на встречаемом в антропологическом «поле» многообразии форм брачного поведения. Смена исследовательского ракурса от общего к частному закономерно привела к ослаблению научного интереса к анализу стадияльных форм развития общества.

Тем не менее многие этнологи и социальные антропологи продолжают сложившуюся историческую традицию исследования особенностей локальных систем родства и в наше время. В современной российской антропологической школе огромный вклад в изучение родства внесли работы О. Ю. Артемовой. На австралийском материале ей исследуется биосоциальный феномен родства, который выступает в роли скрепляющего института в бесписьменных культурах, именно в таких простых обществах родство может выступать структурообразующим началом всей социальной жизни (Артёмова, 2007, 2011).

Институт этнографии (далее Институт этнологии и антропологии) традиционно уделял много внимания изучению семьи и брака, как у народов СССР, так и зарубежной Европы, Азии, Африки, Австралии, Северной, Центральной и Южной Америки (см. С. Н. Абашин; М. А. Агларов; К. Д. Басаева; И. В. Власова; Н.Н. Грацианская; Р. А. Григорьева; М. В. Золотухина; Ю. М. Иванов; К. Кан Дэ; Г. А. Комарова; Т. В. Лукьянченко; Э. С. Львова; А. И. Першиц; А. И. Пушкарева; Ш. А. Богина; О. А. Ганцкая; З. П. Соколова; А. Е. Тер-Саркисянц; Е. А. Шервуд).

В то же время в российских исследованиях семейных отношений в рамках этих дисциплин незаслуженно мало внимания уделялось количественному анализу родительского и родственного вкладов и их взаимному влиянию друг на друга в процессе воспитания подрастающего поколения, в то время как в западных работах эта тема интенсивно разрабатывалась в последние десятилетия (Du, Mace, 2018; Antfolk, Sjölund 2018; Yu et. al., 2017; Von Rueden, Jaeggi, 2016; Sorokowski, et al., 2017).

Исследователи количественных показателей приспособленности, прежде всего работающие в рамках дисциплин поведенческой экологии и этологии, подчёркивали центральную роль вложений в воспитание подрастающего поколения многочисленных родственных и неродственных помощников (Burkart et al., 2017; Vogin et al., 2016.; Hofer et al., 2019; Vogin, Varea, 2020; Ben Mocha, 2020). Длительный период детства у человека, продолжительная зависимость детей от старших родственников и родителей, большие энергетические затраты, требуемые

на выращивание и развитие одного ребёнка, входят в число отличительных особенностей человека (Hrды, 2006: 27). Предполагается, что в эволюционном прошлом человека именно эти сверхвысокие затраты на воспитание подрастающего поколения стали предпосылками развития таких ключевых наших качеств, как социальность, сотрудничество и кооперация (Royle et. al, 2012: 339). Чарльз Дарвин в своей книге «Половой отбор и происхождение человека» отметил, что родительская забота представляет собой основу социального поведения человека (Darwin, 1871). Таким образом, родительская забота и родственное помощничество могут служить важнейшим этапом в эволюции сложных социальных обществ, в первую очередь у видов с совместной заботой о потомстве.

Понятиям «родственная забота» и «совместная забота о потомстве» посвящена бóльшая часть представленной диссертационной работы. Теоретическое же объяснение эволюционных основ помощи родственников основывается на теории родственного отбора (англ. *«kin-selection»*), представляющей фундамент эволюции социального поведения. Впервые термин родственный отбор ввел Мейнард Смит (Maynard Smith, 1964: 1145—1147). Важнейший вклад в понимание теории родственного отбора внесли в разное время два великих биолога: Рональд Эйлмер Фишер (Fisher 1915, 1930) и Уильям Гамильтон (Hamilton, 1964). Модели совместной заботы о потомстве включают в себя понятие родственной помощи (родственной заботы). Такие модели были первоначально разработаны для описания поведения родительской заботы у некоторых насекомых, птиц и млекопитающих (Brown, 1974, Emlen, 1991, Skutch, 1987, Solomon, French, 1997).

Количественный сравнительный анализ уровня родственного помощничества в контексте совместного воспитания потомства — относительно новый исследовательский подход в антропологии. Впервые термин *«совместная забота о потомстве»* в антропологию введён в 1988 году в исследовании П. Тюке (Turke, 1988), в котором была произведена первая количественная оценка влияния

присутствия помощников нерепродуктивного возраста на приспособленность матери и на количество рождённых ею детей.

Появление нового исследовательского подхода было продиктовано успехами в социобиологии, этологии и генетике середины прошлого столетия и в целом отвечало потребностям и задачам развития научного знания этого периода. В результате в антропологии второй половины XX в., главным образом на Западе, произошло активное внедрение методов, ориентированных на исследование фундаментальных основ жизни, на познание человека как части единой структуры «природа — человек — общество». При этом сугубо социальные и гуманитарные проблемы и процессы все чаще стали анализироваться путём обращения к естественным наукам, внутри которых человек представляется своего рода продуктом антропогенеза — части единого эволюционного процесса жизни на Земле. В частности, в антропологию внедряются количественные методы оценки доли генетического родства (Гамильтон, 1963), происходит переосмысление базовых причин альтруистичного поведения и взаимопомощи в контексте семейных взаимоотношений, анализируется доля родительских вкладов каждого из родителей; вводится понятие родственного отбора (Maynard Smith, 1964: 1145—1147), задавшего теоретические рамки для определения весовой доли участия родственников в каждом конкретном случае проявления родственно-родительской заботы и помощи.

На сегодняшний день накоплен обширный пул теоретических и эмпирических работ этнологов и антропологов, исследующих модели совместной заботы о подрастающем поколении и родственной помощи у человека в различных культурных контекстах (Lahdenperä, 2004, Leonetti et al., 2005; Voland, Beise, 2002, Sear et al., 2002, Kramer, 2010). В представленной работе нами использованы прежде всего теоретические соображения эволюционного антрополога Карен Крамер (Kramer, 2004, 2005, 2006, 2007, 2009). Она специализируется на изучении эволюции социальных основ общества, исследует модели совместной заботы о потомстве у человека, а также изучает родительство и детство в разных культурных

контекстах (Kramer, 2010: 417—436). В построении аналитических выводов в представленной работе мы пользовались также опубликованными материалами американского антрополога и приматолога Сары Хрди. Вопросы, освещаемые ею в многочисленных публикациях и монографиях (Hrdu, 2007, 2009), затрагивают темы материнства, родительской заботы и родственной помощи. В 2001 году вышла её книга «Мать и другие», в которой С. Хрди уделяет особенное внимание вопросу совместной заботы о потомстве у человека. По её мнению, семейные связи и совместная забота о потомстве представляют характерные особенности социального устройства семьи и общества у нашего вида; предположительно эти социальные и репродуктивные адаптации появились в эволюционном прошлом человека ещё в эпоху плейстоцена (Hrdu, 2000, 2005, 2007).

Хотя количественные исследования совместной заботы имеют большую общественную и социальную значимость, в российской науке лишь ограниченное количество работ поднимает эту тематику. В отечественной антропологии значительный научный вклад в понимание эволюционных составляющих структуры брачных отношений, родительского вклада и расстановки половых ролей внесли работы М. Л. Бутовской (Бутовская, 2004; Бутовская и др., 2010; Бутовская 2011; Бутовская, Буркова 2011; Бутовская и др. 2012; Weisfeld et al., 2011; Weisfeld et al., 2012; Dillon et.al., 2014; Butovskaya et.al., 2009; Butovskaya, Smirnov, 2005; Butovskaya et.al., 2017; Butovskaya, 2012; Conroy-Beam et al., 2019). М.Л. Бутовская одна из первых в отечественной антропологии представила понятия пола и гендера как комплексный биосоциальный феномен. В обобщающей монографии 2013 года «Антропология пола» М.Л. Бутовской показана специфика мужского и женского поведения в традиционных обществах, даны теоретические предпосылки стратегий сексуального и родительского поведения (Бутовская, 2013). Дизайн представленного диссертационного исследования строится на теоретическом и эмпирическом фундаменте указанных выше работ.

Традиционно предполагалось, что изучение эволюционных основ репродуктивного поведения, включая стратегии брачного поведения и

родительства, а также помощничества, следует проводить среди представителей стратифицированных и нестратифицированных доиндустриальных обществ. Антропологи, этологи и эволюционные психологи второй половины XX — начала XXI вв. собрали впечатляющие полевые материалы в поддержку теорий репродуктивного успеха (Mulder, 1989; Mace, 1996; Mace, Sear, 1997; Scelza, 2011; Llaurens et al., 2009), значимости родительского и родственного вкладов для выживания потомства (Lancaster, 1997; Gibson, Sear, 2010; Crittenden, Marlowe, 2008; Kramer, 2010; Meehan, 2008; Meehan, 2009; Hawkes et al., 2018; Page et al., 2019). Другим значимым источником послужили исторические документы, переписи и книги регистраций браков и рождений (Jamison et al., 2002; Boone 1986; Voland et al., 1997).

По большей части, «запаздывание» с количественными исследованиями родительских вложений в современном обществе было связано с тем фактом, что в 1980-х годах в среде этологов и эволюционных антропологов стали преобладать научные представления о том, что поведение человека неизбежно вступает в противоречие с современной окружающей средой (Confer et al., 2010; Deaner, Winegard, 2013, Geher, 2013; Tooby, Cosmides, 2015; Van Vugt et al., 2008). Предполагалось, что последние культурные изменения были слишком стремительными и генетическая эволюция отстала от быстрых темпов изменений окружающей среды. Резкие антропогенные трансформации окружающей цивилизованного человека действительности привели к несоответствию между имеющимися древними адаптациями человека и современными промышленными средами (Stulp et al., 2016; Семенова, Бутовская 2019). Указанные теоретические взгляды часто присутствуют в работах эволюционных психологов, постулирующих, что различия между эволюционными поведенческими механизмами у человека, развившимися в эпоху плейстоцена, и запросами окружающей среды периода «пост-плейстоцена», и тем более современным постиндустриальным миром, непреодолимо глубоки. Это несоответствие может проявляться как своего рода рассогласованность между нашей психологией,

являющейся продуктом адаптации к древним условиям окружающей действительности, и вызовами современного мира. В результате подобные глубокие несоответствия служат частым источником неадаптивности поведения людей современности. В рамках такого подхода теоретические положения классической дарвиновской концепции о приспособленности зачастую признаются неприменимыми к моделям репродуктивного поведения современного человека. Согласно такой точке зрения, высказываемой эволюционными психологами, особенности репродуктивного поведения, структура семьи и распределение родительского вклада между её членами в современных обществах не подлежат анализу с позиций классического представления об адаптивном поведении внутри научной парадигмы естественного отбора, а значит, анализ этих важнейших процессов должен быть по большей части направлен на феноменологическое изучение психологических аспектов репродукции современного человека (Stulp et al., 2016). На практике такой подход реализуется преимущественным переходом самого предмета исследования (родительско-родственного вклада в подрастающее поколение) под протекторат эволюционной психологии и психологии в ее классическом виде.

Между тем, ряд исследователей не торопится отбрасывать саму идею естественного отбора и его присутствие в современных постиндустриальных обществах. Были высказаны теоретические предположения, что естественный отбор мог даже усилиться со времени появления сельского хозяйства, и прежде всего за счёт выраженного культурного сдвига (Cochran and Harpending, 2009; Stulp et al., 2016). Как известно, важные мутации возникают редко в небольших популяциях; поэтому в ранней истории человечества могли требоваться тысячелетия для того, чтобы такие полезные мутации возникли и закрепились в генофонде *Homo sapiens*. Но как только популяции стали достигать эффективных размеров, полезные мутации могли появляться все чаще (Cochran, Harpending, 2009). Рост популяции мог способствовать возникновению и новых идей, а также быстрому обмену этими культурными достижениями, что значительно изменяло

окружающую действительность человека. Преображённый человеком мир неизбежно создавал новые факторы давления естественного отбора на него самого. Наиболее значительные воздействия этой новой среды происходили совместно с изменением пищевого рациона человека. А всё увеличивающаяся плотность популяции, с одной стороны, и процесс одомашнивания животных, с другой, совместно могли привести к масштабированию сил отбора посредством появления новых инфекционных заболеваний, часто протекающих в форме эпидемий в густонаселённых частях света (Cochran, Harpending, 2009).

Между тем не только физиология человека могла подвергаться значительному влиянию естественного отбора последних тысячелетий, но и поведение людей в новых условиях оседлой жизни земледельца, вероятно, испытывало воздействие новых факторов окружающей действительности (Woodley, 2017). По мнению некоторых исследователей, во время голоцена в антропогенезе могли происходить ускоренные процессы отбора (Cochran, Harpending, 2009), что могло, безусловно, сказаться на всех сферах поведения человека, в том числе и на репродуктивном поведении (Beauchamp, 2016; Conley et al., 2016; Kong et al., 2017; Woodley, Schwartz et al., 2016).

Эмпирические работы последних лет, анализирующие наличие естественного отбора в современных постиндустриальных обществах, подтверждают присутствие направленного отбора на различные физиологические черты современного человека, включающие такие характеристики как: уровень холестерина, уровень артериального давления, возраст первых родов и средний рост (Byars et al., 2010; Stearns et al., 2010; Stulp et al., 2012, 2015).

Таким образом, в поведенческой экологии многими признанными специалистами обосновывается состоятельность эмпирической оценки репродуктивного поведения человека в доиндустриальных и современных постиндустриальных популяциях, так как анализ количественных показателей рождаемости позволяет лучше оценить экологические сигналы, влияющие на принятие различных репродуктивных решений, независимо от того, оказывается

ли это решение адаптивным или неадаптивным в долгосрочной перспективе. Утверждается, что если приспособленность не будет подвергаться достоверной оценке, то идея о том, что поведение в постиндустриальном мире является по своей сути неадаптивным, окажется ничем не подкреплённым предположением (Stulp, Barrett, 2016). Современные эволюционные и поведенческие экологи настаивают на внедрении в качестве оценок репродуктивного поведения более конкретных измерений поведенческих актов, потенциально влияющих на индивидуальную приспособленность, и призывают не ограничиваться исключительно теоретическим предположением о незыблемости присутствия таких различий между предполагаемым миром предков плейстоцена и современными средами обитания (Smith et al., 2001; Zuk, 2013).

Следует признать, что в последнее десятилетие наблюдается заметный рост числа эмпирических исследований родственного и родительского вклада как в исторических популяциях недавнего прошлого, так и в постиндустриальных обществах. Наиболее значимые исследования последних лет основаны на изучении исторических записей, а также демографической информации, которая включает, помимо прочего, статистику выживаемости внуков в присутствии прародителей. Считается, что исторические популяции в наибольшей степени советуют задачам анализа родственного вклада, так как на результаты выживаемости детей в прошлом не оказывали влияние современная медицина и контрацепция. Использование исторической и демографической информации позволяет применить наиболее объективные методы оценки влияния прародителей на выживание внуков, такие как жизнь или смерть. На сегодняшний день имеются многочисленные исследования родственной заботы, проведённые в различных обществах, которые подтверждают взаимосвязь присутствия бабушки в семье и её последующее позитивное влияние на снижение детской смертности и рост рождаемости у потомков в нескольких поколениях. Например, метод исторического демографического анализа позволил проанализировать уникальные базы демографических данных по нескольким поколениям в Швеции (Nettle et al.,

2013; Goodman et al., 2012). В результате этого анализа было обнаружено негативное влияние большого количества детей, воспитываемых в одном домохозяйстве, на социальный статус потомков: внуков и правнуков, у которых фиксировался относительно низкий уровень образования. К похожим выводам пришли и британские исследователи (Lawson, Mace, 2010). Предполагается, что присутствие нескольких братьев и сестёр в семье ассоциировано со значительным сокращением времени родительского внимания, уделяемого каждому ребёнку в отдельности. Другое исследование этих авторов 2011 года показало, что даже в стране с бесплатным образованием и медицинским обслуживанием дети из многодетных семей ниже ростом по сравнению со сверстниками из малодетных семей, при этом у первых фиксировался так же более низкий уровень успеваемости в школе. Такого рода конкуренция между братьями и сёстрами присутствует даже в более значительных масштабах в наиболее обеспеченных семьях в экономически развитых странах (Lawson, Mace, 2011).

Огромное значение приобретают генетические исследования последних лет, проводимые как с целью оценки полезности родственного и родительского вклада, так и для составления объективной картины сексуального поведения человека в современных и исторических популяциях. Эти исследования, как правило, проходят с привлечением большого количества добровольцев, предоставляющих свои генетические данные; параллельно проводится масштабная архивная работа по составлению родословных жителей исследуемой местности. В этих случаях анализируемая база данных исчисляется тысячами родственных пар из общих семейных групп однофамильцев, на основе ДНК которых ведётся поиск и фиксация фактов внебрачных беременностей в истории таких семейных линий. В результате данных изысканий были получены свидетельства о превалирующей системе моногамных брачных отношений в целой серии исторических обществ, где процент внебрачных беременностей по расчётам генетиков составил лишь порядка ~1% (Larmuseau et. al., 2016, 2019), что означало на практике высокую степень кооперации двух полов в предоставлении родительского вклада.

С другой стороны, исследовательские подходы, основанные на опросе современного населения, дают возможность фиксации более тонких различий в уровнях родительской и родственной заботы. И хотя методы анкетирования и опросов респондентов могут иметь некоторую степень субъективности, так как испытуемых просят оценить заботу родственников на основе воспоминаний детства, сегодня становится всё более очевидно, что исследовательская практика применения опросов выросших детей более эффективна для выявления разницы инвестиций в ребёнка, чем опрос самих родителей, бабушек и дедушек, так как последние склонны давать социально одобряемые ответы (Hoffman, 1980). В то же время в многочисленных работах в западной и отечественной психологии из фокуса исследования зачастую исчезает сам респондент, а исследовательские методы, основанные на опросах, концентрируются вокруг позиции родителя, его субъективного понимания и представления о том, как «должна» выглядеть семья, ее структура, какими «должны» быть вложения различных членов семьи в воспитательный процесс, что, безусловно, вносит определённую долю претенциозности в такие опросники (например, Безрукова и Самойлова, 2019; Шевченко, 2015; Римашевская, Малышева и Писклакова-Паркер, 2017). В частности, один из крупнейших отечественных информационных ресурсов, включающий ответы более 297 тысяч респондентов из России «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ), главным объектом исследования родительского вклада в опроснике указывает взрослого респондента, донора такой заботы, а не реципиента.

Исследовательский ракурс, ориентированный на ребёнка, представляется наиболее объективным, исходя из требований соблюдения критерия репрезентативности выборки, по которому, результаты, полученные при исследовании экспериментальной выборки, должны соответствовать социально-демографическим характеристикам генеральной совокупности. Однако в многочисленных исследованиях родственной заботы и отцовства в качестве респондентов зачастую выступают сами отцы или родственники, что

автоматически выражено снижает репрезентативность выборки, так как в ней по объективным причинам не присутствуют те отцы или те бабушки и дедушки, которые на момент проведения опроса не контактировали с семьёй и ребёнком, в том числе и те биологические отцы, которые участвовали исключительно только в процессе зачатия ребёнка, или же те прародители, которые могли прекратить свой родственный вклад еще во время взросления поколения родителей у опрашиваемого респондента или уйти из жизни в силу возраста или по другим причинам.

Стоит помнить, что отцовский вклад может быть существенно снижен (или абсолютно элиминирован) в любой момент времени роста, развития (в том числе в период пренатального развития) и взросления ребёнка, а значимость присутствия вложений отца (в том числе экономических и ресурсных вложений, а также участия отца в поддержке и продвижении детей по социальной и общественной лестнице) не теряет своей актуальности ни для подростка, ни для юноши и девушки, ни для уже взрослого человека (Масе, 2008).

Таким образом, опросы, ориентированные на отцов, безусловно превосходны, как инструмент сиюминутной фиксации событийного взаимодействия ребёнка и родителя по «горячим следам», тем не менее, такой исследовательский ракурс не позволяет выявить один из самых злободневных аспектов современного отцовства — абсолютную утрату отцовских вложений в ребёнка на одном из этапов взросления последнего. По данным федеральной службы государственной статистики РФ за первое полугодие 2017 года на 1000 человек было заключено 4,9 брака, количество разводов при этом — 4,1, что составляет 83,67 % от числа заключённых браков в этом временном интервале¹. Л. С. Ржанцина в монографии 2012 года указывает, что в международном рейтинге Российская Федерация занимала в указанном году лидирующие позиции по разводимости среди развитых стран; в процентном выражении уровень разводов в

¹ URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/prez_love0707.pdf, дата обращения: 26.10.2020.

РФ в 2 раза выше, чем в странах Европейского союза (Ржаницына, 2012). За последние десятилетия успехи всей социологической школы семьи, как и усилия психологов, работающих на местах, на общенациональном уровне не привели ни к каким позитивным сдвигам в области укрепления брачных отношений, если не сказать жёстче: институт семьи слабеет, а «...коэффициент разводимости на протяжении последних 80 лет неизменно растёт. При этом самыми благоприятными периодами были 40-е и 50-е года XX века. Пик расторжения пришёлся на начало 2000-х годов. Он составил 5,9».²

Удручающие статистические данные указывают на явные признаки присутствия застарелого кризиса теоретического и методологического подходов в дисциплинах, специализирующихся на вопросах семейного уклада и воспитания подрастающего поколения. Ряд исследователей заявляют о практическом отсутствии работы по укреплению института семьи (см. Абушева и Шамилев, 2013). Для отечественных исследователей это должно служить сигналом к внедрению передовых научных подходов, в том числе основанных на комплексном, междисциплинарном анализе сложившейся ситуации в современной семье.

Объект нашего исследования — родительский и родственный вклад в подрастающее поколение.

Предметом исследования являются взаимосвязи внутри расширенной трёхпоколенной семьи, возникающие в процессе совместной заботы о детях.

Цели и задачи

² URL: <https://rosinfostat.ru/braki-razvodi/#i-10> , дата обращения 26.10.2020.

Основная цель исследования — исследовать взаимное влияние на воспитательный процесс различных членов расширенной семьи: матери, отца, прародителей по обеим сторонам родства и старших сиблингов в трёх культурных контактах: в России, США и Бразилии.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие научные **задачи:**

1. изучить присутствие родственной помощи в современном постиндустриальном обществе на примере трёх изучаемых культур;
2. количественно проанализировать родственный и родительский вклад с позиции экономических возможностей семьи;
3. изучить влияние фактора фенотипического сходства ребёнка с отцом и матерью на родительские инвестиции, а также на инвестиции патрилинейных и матрилинейных родственников;
4. провести сравнительный анализ родительских инвестиций отца и матери;
5. проанализировать зависимость отцовского вклада от фактора соотношения полов в исследуемых странах.

Научная новизна

В мировой антропологической науке современные постиндустриальные общества в отличие от традиционных получили недостаточно исследовательского внимания (Sear et al., 2007) в контексте эволюционной интерпретации репродуктивного поведения людей. При этом на протяжении длительного времени большинство работ в антропологии и эволюционной экологии, посвященных вопросам изменения репродуктивного поведения современного человека, оперировали по большей части исключительно теоретическими доводами и концепциями при объяснении происходящих внутрисемейных структурных

трансформаций (см. Boone, Kessler, 1999, Hill, Reeve. 2005, Rogers, 1990). Представленная работа частично восполняет этот пробел и представляет анализ эмпирических количественных данных и оценок характера взаимодействия членов семьи в контексте воспитательного процесса подрастающего поколения в современных постиндустриальных обществах.

В работе применён междисциплинарный подход, прежде всего ориентированный на научные парадигмы синтетической теории эволюции (СТЭ), что позволяет автору исследовать динамику репродуктивных решений населения не только с точки зрения протекающих социальных изменений в постиндустриальных обществах, но и с позиций универалистских биосоциальных процессов. В результате проведённого исследования нами обнаружено и показано, что независимо от культурного контекста, родители и прародители демонстрируют значительный уровень фаворитизма к воспитываемым детям на основании черт фенотипического сходства между родителем и ребёнком. Мы предполагаем, что обнаружение общих черт в моделях родительского и родственного поведения во всех исследуемых культурных контекстах, может свидетельствовать об универсальности паттернов репродуктивных поведенческих ответов на признаки фенотипического сходства. Такие универсалии по всей видимости не подлежат серьёзной внешней культурной и социальной корректировке.

В многочисленных социогуманитарных исследованиях неоднократно подчёркивался позитивный культурный сдвиг и изменение специфики современного отцовства, возникновение культурного идеала «нового» или «вовлеченного» отца, участвующего в домашней работе и уходе за детьми (см. Lengersdorf, Meuser, 2016; Johansson, Andreasson, 2017; Гусенко, 2019). Между тем в представленном диссертационном исследовании автором было показано отсутствие положительной динамики в участии отцов в заботе о детях и низкая эффективность принимаемых общественных и государственных мер в этом направлении, что отражается в зафиксированных автором существенно более низких уровнях отцовского родительского вклада россиян по сравнению с

уровнями участия отцов из двух других исследованных культурных контекстов. Благодаря применённой методике сравнительного количественного анализа автор выявил объективное состояние отцовства в нашей стране. Такие количественные методы оценки часто недооцениваются в аналитических отчётах и исследованиях гуманитарной и социальной направленности; лонгитюдные методы анализа и/или кросскультурные количественные сравнения реальных показателей родительских трудозатрат, а не декларируемые в подобных отчетах намерения родителей, либо не применяются вовсе, либо «тонут» под грузом теоретических рассуждений о прогнозируемых позитивных культурных сдвигах в наступающей парадигме «нового» отцовства в российском обществе.

Применение методов кросснационального количественного сопоставления изучаемых обществ позволило автору представить реальную картину расстановки сил в российской современной семье с крайне низким участием отца в воспитании, несмотря на все прилагаемые усилия, в том числе, и меры, применяемые на государственном уровне (см. Кодекс законов о труде РФ от 22 декабря 1992 г., ст.167; Трудовой кодекс РФ 2001 г. с учётом изменений и дополнений от 7 июня 2013 г., ч. 3, ст. 256) .

Теоретический материал, приводимый автором в работе, указывает на ключевой с позиций биосоциального научного знания фактор дисбаланса полов в популяции, участвующий в формировании культуры такого низкого отцовского вклада в нашем обществе. Исходя из представленных теоретических доводов, значительный авторский научный вклад в проблематику внутрисемейных отношений заключается в новаторском междисциплинарном подходе, практически отсутствующем на сегодняшний день в российском научном дискурсе, хотя именно в нашей стране фактор присутствия длительного дисбаланса полов должен был быть проанализирован со всей серьёзностью.

Полученные в работе выводы являются приращением научного знания в сфере семейных отношений, они выявляют базовый набор тех трудностей, с которыми сталкивается современная семья с детьми.

К прорывным методологическим шагам, представленным в данном исследовании, можно с уверенностью отнести гармоничный исследовательский дизайн, при котором сравнение внутрисемейных отношений и родительско-родственного вклада было проведено среди трех крупнейших постиндустриальных национальных единиц, сопоставимых как по численности населения, так и по темпам демографических изменений внутри них; в то же время каждая из исследуемых культур обладает определённой спецификой происходящих в ней изменений. Выраженная территориальная удалённость, существенные языковые барьеры, низкая миграционная динамика населения трёх стран — в совокупности эти факторы оказываются серьёзным аргументом в пользу универсальности обнаруженных в нашем исследовании общих биосоциальных процессов, так как вышеназванная географическая дифференциация исследуемых стран предполагает низкий процент заимствований моделей семейно-брачного поведения.

Автор видит новизну полученных результатов в том, что обширный эмпирический кросскультурный материал был проанализирован с использованием современных методов многомерного статистического анализа и анализа корреляционных структур в рамках новой, но уже получившей признание техники моделирования структурными уравнениями. Предыдущие антропологические исследования, не имея в арсенале методов агрегации данных с последующим анализом казуальных связей, получали разрозненные оценки взаимовлияния каждой из сторон большой расширенной семьи на воспитательный процесс. Метод SEM позволил автору охватить все основные пути связи между участниками воспитательного процесса. Благодаря применению этой современной статистической методики, диссертационная работа и результаты, полученные в ней, представляют фактически первый комплексный научный анализ структуры семьи и взаимоотношений множества сторон внутри неё.

Методология

В работе использованы широко применяемые в этологии человека и эволюционной психологии методики, основанные на принципах кросскультурного и кросснационального сравнительного статистического анализа количественных показателей ряда поведенческих черт и личностных характеристик, в частности, был проанализирован уровень родительского вклада и родственного помощничества. Применение методов кросскультурного и кросснационального сопоставления изучаемых биосоциальных процессов кардинальным образом расширяет горизонты научного поиска и может способствовать получению неординарных исследовательских результатов.

Материалы и методы

Материалом для настоящего исследования послужили данные анонимного, анкетного онлайн опроса, проведённого в 2019 году в трёх культурных контекстах: в России (N= 302), Бразилии (N = 603), и в США (N= 315). Сравнительный анализ ретроспективно охватывает исследовательский период между 1994 и 2010 гг. (средний возраст респондентов на момент опроса составил $M = 24,96$, медиана $Me = 21$).

Бразилия. Данные были собраны в два этапа. На первом этапе выборка была получена у студентов национального университета Сан-Паулу, в штате Сан-Паулу, Бразилия. Вторая часть выборки была собрана у студентов колледжа федерального университета Эспириту-Санту в штате Эспириту-Санту, в Юго-Восточной части Бразилии.

Россия. Данные собирались в режиме онлайн посредством платформы Google Forms преимущественно у студентов МФТИ и РГГУ. Участники были приглашены через серию объявлений в российском сегменте интернета через социальную сеть VK.

Соединенные Штаты Америки. Данные были собраны преимущественно в двух штатах: в Аризоне и Калифорнии. Выборка из штата Аризона была собрана у студентов университета Аризоны в Тусоне. Калифорнийская выборка была собрана у студентов колледжа университета Редлендса в г. Редландс, штат Калифорния.

Все участники исследования получили уникальные идентификаторы с целью обеспечения полной анонимности личности респондента. Студенты и участники в России и в Бразилии не получали компенсации, тогда как студенты в Аризоне и в Калифорнии получали компенсацию за участие в виде оценок за тематические курсы.

Репрезентативность выборки удовлетворяет основным критериям проводимого исследования.

В программу опроса вошли следующие разработки и шкалы:

Опросник «Родительский и родственный вклад» (Приложение 1) впервые был разработан и внедрен в 2017 году в магистерской работе О. В. Семеновой «Родственный вклад в воспитание детей: российская специфика» (Семенова, 2017).

Текущая версия опросника была дополнена шкалой сходства между родителями и ребёнком. Для оценки степени фенотипического сходства между ребёнком и родителем наша исследовательская команда разработала шкалу из 5 пунктов (Semenova, Figueredo, Tokumaru, Pereira, Lucci, Salmon, Butovskaya, 2019).

В итоговый опросник также вошла шкала экономических параметров, состоящая из 10 вопросов, которая была заимствована из опросника «Ранние средовые влияния» (англ. «*Early Environment Questionnaire*»; Black, Gable, 2012). Особое место в нашем исследовании отведено анализу и сравнению отцовского

родительского вклада в трёх культурах. С этой целью итоговый опросник дополнен шкалой родительских усилий отца (Cabeza de Vaca, Figueredo, Ellis, 2012). Эта шкала была сформирована для оценки относительной частоты действий по родительскому участию в важных аспектах воспитательного процесса в детстве респондента. Элементы данной шкалы представляют вопросы, характеризующие эмоциональную и функциональную поддержку ребёнка, в том числе и через выполнение стандартных родительских задач, предполагающих разную частоту от раза в день или в неделю (например, такие как приготовление пищи для ребёнка, встреча ребёнка из школы) до редких функциональных обязанностей, таких как обучение ребёнка вождению автомобиля или знакомство ребёнка с мировой литературой или политикой. Частота выполнения всех этих заданий после стандартизации полученных баллов суммируется для определения общего количества родительских усилий, приложенных родителем. В предыдущих исследованиях показана высокая надёжность и внутренняя согласованность вопросов указанной шкалы (Cronbach's $\alpha = .98$; Sotomayor-Peterson, Marcela, et al., 2013).

Все вопросы итоговой анкеты (Приложение 1) были переведены и адаптированы с учётом культурной специфики к языку каждой страны с использованием стандартной процедуры обратного перевода для кросскультурных исследований (Brislin, 1970).

Статистическая обработка данных. Статистический анализ проведен с использованием следующих методов: дисперсионный анализ, линейная регрессия с одной и несколькими независимыми переменными, расчёт ожидаемых значений с применением метода распределения χ^2 (Хи-квадрата) и T -критерием Стьюдента. Расчёты проводилась с использованием программы *SPSS*, а также с применением методов общих линейных моделей, реализуемых посредством статистических пакетов *Lavaan* и *Lme4* в программной среде *R*.

Чтобы проследить весь спектр изучаемых взаимодействий внутри семьи, мы реализовали моделирование структурными уравнениями (*SEM*). Моделирование

структурных уравнений (*SEM*) является одним из наиболее быстро развивающихся статистических методов в эволюционной психологии и поведенческой экологии. В традиционных структурных уравнениях отношения между переменными — то есть их линейные коэффициенты оцениваются одновременно в одной дисперсионно-ковариационной матрице. Указанный метод представляет собой весьма серьёзное развитие многих методов многомерного анализа. Именно здесь получили естественное развитие и были объединены множественная регрессия и факторный анализ. Основными задачами, для решения которых используются структурные уравнения, являются причинное моделирование или анализ путей связи, при проведении которых предполагается, что между переменными имеются казуальные взаимодействия. При этом осуществляется проверка гипотез и подгонка параметров казуальной структурной модели, описываемой линейными уравнениями. Метод предоставляет новый способ изучения и количественной оценки взаимосвязей в разнообразии взаимодействий различных систем, что позволяет исследователям потенциально воспроизводить сложные объекты взаимодействий в окружающей действительности (Schreiber et al., 2010; Grace, 2007, 2010). Моделирование структурными уравнениями для проверки определённых гипотез о структуре факторных нагрузок и корреляций между факторами внутри общей структуры изучаемых в общей модели связей между переменными включает подтверждающий факторный анализ.

В данном исследовании методика *SEM*, многомерный статистический анализ и факторный анализ послужили отправными точками для проверки теоретической концепции присутствия совместного воспитания потомства в контексте современной семьи. А также эти методы позволили исследовать взаимоотношения между различными членами семьи, проявляющиеся посредством объединения их усилий при решении общей задачи — совместного воспитания детей.

Таким образом, **методы** работы включали:

1. Разработку и валидизацию опросника и шкал, позволяющих произвести измерения интересующих параметров.
2. Представление конечного варианта опросника на русском, португальском и английском языках с использованием процедуры обратного (реверсивного) перевода, обязательной для психологических и социальных исследований в различных языковых контекстах.
3. Сбор эмпирических данных в трёх культурных контекстах преимущественно через онлайн-формы, распространяемые по интернет.
4. Анализ полученного эмпирического кросскультурного материала с использованием современных методов многомерного статистического анализа и анализа корреляционных структур.
5. Обобщённая всесторонняя оценка полученных статистических результатов.

Теоретическая и практическая значимость

Нами был разработан и внедрён гармоничный дизайн кросснационального исследовательского проекта, в котором сравнивались сопоставимые по населению, крупные постиндустриальные страны в контексте прицельного анализа взаимоотношений членов семейной группы. Одним из ключевых теоретических результатов, полученных в ходе реализации исследовательского проекта, на наш взгляд, является обнаружение особенностей расстановки функциональных ролей членов трёхпоколенной российской семьи. По результатам проведённого исследования неожиданным выводом стало получение статистически достоверно более низких показателей участия российских отцов в воспитании детей в сравнении с отцами из США и Бразилии. Благодаря применённой методике кросснационального сравнительного количественного анализа мы смогли выявить вышеназванную культурную особенность, долго находящуюся в тени, а также

проанализировать количественные параметры обнаруженных различий. Полученные результаты высветили базовые, первоочередные трудности, с которыми сталкивается российская семья с детьми, а именно: низкий уровень родительского вклада, причём как отцов, так и матерей.

Исходя из вопросов практического применения полученных в исследовании выводов, исключительный интерес представляют статистические выводы о том, что экономические сложности, с которыми сталкивается российская семья, являются второстепенными по отношению к вопросам культурного и нравственного воспитания в обществе. Полученные результаты указывают на назревшую необходимость уделить повышенное внимание вопросам отцовства и материнства в предлагаемых правительственными и неправительственными организациями социальных и образовательных программах защиты семьи и детства. Включение в образовательные и культурно-просветительские программы материала, в значительной степени ориентированного и на мужскую аудиторию, позволит переломить сложившуюся негативную тенденцию минимального включения отцов в процесс воспитания подрастающего поколения. Повышение роли отца в семейной жизни и воспитание чувства ответственности в подрастающем поколении, на наш взгляд, даст все основания рассчитывать на положительную демографическую динамику в российском обществе уже в ближайшей перспективе.

Положения, выносимые на защиту

1. На примере трёх исследованных культур обнаружено позитивное влияние фактора фенотипического сходства ребёнка и родителя на уровень участия родителей и прародителей в заботе.

2. На примере трёх исследованных культур выявлен механизм комплементарного (компенсаторного) участия в воспитательном процессе двух важнейших членов семьи: отца ребёнка и бабушки по материнской линии.

3. Выявлены достоверно более низкие оценки участия российских отцов в воспитании детей по сравнению с бразильскими и американскими респондентами (последние сообщали о достоверно наиболее высоких баллах в уровне отцовского вклада в заботу о собственных детях).

4. Присутствие дисбаланса полов в исследованных популяциях, в которых фиксируется преобладание женского взрослого населения над мужским, достоверно снижет роль отцов в воспитании детей.

Последнее положение приобретает особую значимость для России, где, по данным всемирного банка (*World Bank*), на протяжении длительного периода времени присутствует выраженный дисбаланс соотношения полов с численным перевесом взрослого женского населения над мужским.

Апробация результатов

Первые результаты исследования родственного вклада в современном российском обществе были представлены в июне 2017 г. на международной 6-й летней школе *ISHE*, проходившей в Айдахо, в США, где тематическая презентация «Родительский вклад и участие в воспитании прародителей в современной России как отражение теории родительского фаворитизма» (англ. *Parental care and grandparenting in modern Russia as a reflection of discriminant parental investment theory*), по решению авторитетного жюри международного общества этологии человека, получила первое место. В сентябре 2018 г. автор участвовала в международном конгрессе общества этологии человека в г. Сантьяго, в Чили, где она представила презентацию кросскультурного исследования о влиянии

урбанизации на репродуктивное поведение человека (англ. *Urbanization and reproductive behavior in modern Russia: comparative analysis of five ethnic groups*, ISHE Congress, Santiago, Chile). Тематика изменений моделей семьи и брака в современной России была раскрыта автором в устном докладе в сентябре 2019 г. на международной конференции *PTNCE* в Праге, в Чешской Республике. Тема доклада звучала так: *Links between urbanization in modern Russia and the intensity of sexual selection and polygyny among males*.

Часть важных промежуточных результатов в отношении родительского вклада были представлены на научно-практической конференции молодых учёных (КМУ) «Актуальные вопросы этнологии и антропологии», проходившей в Москве 10–12 декабря 2019 г. в ИЭА им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. В устном докладе автора «Отцовская забота о детях: биологические универсалии и социально-экономические факторы в контексте трёх культур (Россия, США, Бразилия)» обсуждалось влияние экономического фактора на родительское поведение отцов в трёх культурных контекстах.

Степень достоверности

Степень достоверности представленных в исследовании доказательств определялась на основе высокого уровня надёжности количественных характеристик исследования, таких как: 1) репрезентативность выборки, 2) достаточность её размеров, 3) существенная величина обнаруженных эффектов. Количественные характеристики указывают на высокую степень уверенности в том, что выявленные в исследовании закономерности не были случайными. Согласованность доказательств определялась как высокой степенью совпадения эффектов в каждой из исследуемых групп, так и согласованностью итоговых

результатов с выводами, полученными в аналогичных исследованиях других авторов. Качественными характеристиками достоверности является оптимальный дизайн исследования, предполагающий статистическую проверку гипотез методами математической статистики, а также применяемый автором кросснациональный сравнительный анализ.

ГЛАВА 1.

Особенности родительства и детства как отражение специфики черт жизненного цикла у человека

1.1. Родительская забота как отличительная черта человеческих обществ

История человечества неразрывно связана с его репродуктивным и демографическим потенциалом (Kramer, 2010). К физиологическим особенностям *Homo sapiens*, обусловившим неуклонный поступательный рост его популяционной численности, эволюционные экологи относят ряд черт и особенностей жизненного цикла. У большинства крупных приматов интервалы между родами у самок составляют от четырёх до восьми лет (Kennedy, 2005; Kaplan et al., 2000; Van Bavel, Kok, 2004; Jones, 1986). Физиология же женщины репродуктивного возраста предусматривает интервалы между рожденьями детей в два — четыре года (Van Bavel, Kok, 2004, Jones, 1986), при этом у человека существенно снижена детская смертность; в традиционных обществах дети в два раза чаще доживают до репродуктивного возраста по сравнению с ныне живущим и генетически наиболее близким нам видом — шимпанзе (Bogin, Smith, 1996; Hill, 1993; Kaplan et al., 2000; de Magalhaes, 2006). На индивидуальном уровне такая высокая плодовитость, в большинстве случаев предполагает наличие у родителей сразу нескольких зависимых детей. Множественное потомство у человека нуждается в особой заботе со стороны взрослых на протяжении большей части периода роста, развития и взросления, что занимает значительный промежуток времени, так как длительность периода детства человека увеличена в онтогенезе, а сексуальная зрелость наступает довольно поздно (Kaplan et al., 2000). В течение

всего этого длительного периода дети остаются чрезвычайно зависимы от заботы и помощи взрослых, прежде всего в вопросах, связанных с пропитанием (Bogin, Smith, 1996). Ребёнка, уже отлучённого от груди, родители продолжают обеспечивать питанием, предоставляют кров, защиту, заботятся о тепле и наличии одежды, оказывают широкий спектр других видов заботы. У человекообразных обезьян подросшим особям может быть позволено кормиться в незначительном удалении от матерей, получать от них поддержку в спорных вопросах социальной иерархии, но подростки уже самостоятельно добывают себе пропитание. У человека же питание и другая забота о подросших детях продолжается в течение всего периода их взросления (Hrды, 2006). Кроме того, родительские затраты на ресурсное обеспечение непропорционально высоки из-за развитого крупного мозга и более позднего наступления зрелости, присутствующих у нашего вида (Gould, 1977; Somel et al., 2009). Укороченные интервалы между родами с одной стороны и длительная зависимость ребёнка после отлучения от груди с другой — создают отличительные условия, при которых матери часто растят детей разных возрастов одновременно. Хотя забота о множественном потомстве из одного приплода — довольно частое явление среди млекопитающих, у человека родительская забота представляет в своём роде уникальное явление, так как воспитывающиеся в семье дети в большинстве случаев имеют различный возраст (Hewlett, 1991; Hill, Hurtado, 1996). У человека, как правило, именно матери оказывают большую часть заботы о потомстве (Hames, 1988; Hurtado et al., 1985, 1992; Kramer, 2015; Marlowe, 2003). Такая специфика родительства у нашего вида требует от матери различных временных и энергетических затрат, трансформирующихся с течением времени в соответствии с изменением возраста воспитываемых детей. Так, новорождённый ребёнок появляется на свет абсолютно беспомощным. Его физические возможности минимальны: элементарные пространственные перемещения, например переворот со спины на бок или на живот, младенец начинает выполнять только к третьему месяцу жизни. Внушительную часть времени младенец проводит на руках кормящей матери, буквально физически ограничивая свободу её действий

в пространстве, что, безусловно, предполагало в нашем эволюционном прошлом определённые сложности с поиском и добычей пропитания для неё самой (Hurtado, 1992). Однако весь этот ранний постнатальный период выживаемость младенца зависит от наличия у матери достаточного и сбалансированного питания, ведь именно оно гарантирует наличие у неё жизненно необходимого младенцу грудного молока (Hrды, 2006).

Маленькие дети, у которых ещё не сформирован зубной ряд, а в то же время быстрорастущий мозг требует высококалорийных питательных веществ, нуждаются в энергоёмкой, но легко перевариваемой пище (Bogin, 1999). Старшие дети питаются с «общего» стола наравне со взрослыми, но забота о них предполагает дополнительные временные затраты на их профессиональное обучение и на приобретение важнейших социальных навыков, необходимых для полноценной социализации подростков в будущем (Kramer, 2010).

Из-за этих разноплановых энергетических и временных затрат в течение всей своей репродуктивной жизни матери сталкиваются с дилеммой распределения времени: как обеспечить полноценный уход за маленькими детьми, не жертвуя временем на занятия, необходимые старшим детям (Hewlett, 1991; Hill, Hurtado, 1996; Hill, Kaplan, 1988; Hrды, 2001).

Как было показано в многочисленных антропологических исследованиях, при распределении этих зачастую взаимоисключающих временных затрат матери не сокращают длительность времени ухода за самыми маленькими детьми. Вместо этого, они корректируют время, требуемое на другие виды деятельности. Было установлено, что длительность материнского ухода за младенцем является кросскультурной универсальной величиной. Независимо от того, насколько занята мать другими важными делами, минимум ~ 50% всего требуемого младенцу ухода обеспечивается именно матерью и никем иным. Эта закономерность отчасти отражает тот факт, что грудное вскармливание представляет собой определённую временную константу, поэтому в большинстве случаев время, которое мамы тратят

на занятие с младенцами, не подлежит существенной корректировке независимо от наличия или отсутствия помощников (Kramer, 2010).

Балансируя между заботой о младенцах и воспитанием подросших детей, матери склонны сокращать количество часов, проводимых за работой по хозяйству, снижают временные затраты на поиск пропитания, на работу в поле, а также на занятия, которые напрямую связаны с развитием старших детей (Hames, 1988; Hurtado et al., 1985, 1992; Kramer, 2004; Marlowe, 2003). Сокращение времени на эти важные домашние обязанности поставило перед антропологами ряд вопросов, связанных с определением круга помощников и доли их участия в помощи матерям в различных культурных контекстах (Kramer, 2010). Феномен матерей, в одиночестве воспитывающих детей без признаков присутствия посторонней помощи, не является нормой ни в одной традиционной культуре (Mace, 2018). Нуклеарная семья редко бывает абсолютно автономной: многочисленные кросскультурные исследования задокументировали наличие множественных помощников, которые помогают в воспитании детей матерям (Kramer, Russell, 2015; Sear, 2017). Поскольку воспитание нескольких детей может быть сложной и энергозатратной задачей, матери обычно полагаются на помощь нескольких членов расширенной семьи (Kramer, Russell, 2015). Матерям, как правило, бывают доступны различные виды родственной и неродственной помощи, но она обычно в большей или меньшей степени полагается на помощь своего супруга, поддержку старших детей и на помощь своих родителей или родителей мужа (Kramer, 2010). Такая родственная помощь прародителей, обеспечивающая связь трёх поколений, была зафиксирована во всех известных антропологам обществах (Sear, 2017).

1.2. Совместная забота о потомстве

В 80-х годах XX в. антропологи ввели в научный тезаурус понятие совместной заботы о потомстве; в англоязычной литературе применяется термин *cooperative breeding* — *кооперативное размножение*. В широком понимании этот термин применим для описания такой социальной системы, при которой члены социума помогают в воспитании генетически неродных детей. Стоит отметить, что в научном сообществе применение этого термина в отношении людей всё ещё широко дискутируется (Clutton-Brock, 2006; Cockburn, 1998; Russell, 2004; Strassman, Kurapati, 2010), при этом в зарубежной литературе также часто используется термин «социальное воспитание».

В традиционных обществах многочисленные родственники и другие члены группы, не связанные генетическим родством, разных возрастов и разного пола вносят свой вклад как в заботу о маленьких детях, так и в воспитание детей старшего возраста. У человека совместная забота о детях часто ассоциирована с дележом пищей, однако помощь различных членов группы может выражаться и через сотрудничество в процессе совместного труда. Таким образом, двумя теоретическими моделями, объясняющими присутствие у человека совместного воспитания, являются, во-первых, теория родственного отбора (Maynard Smith, 1964; Hamilton, 1963) и, во-вторых, концепция развития совместной заботы о потомстве в рамках социального сотрудничества и кооперации.

1.3. Совместное воспитание и основы социальности

Как уже было отмечено, демографический рост играет одну из значимых ролей в эволюционной истории человека как биологического вида (Kramer, 2010).

Рост народонаселения также в значительной степени определяется особенностями родительской заботы и высокой социальностью нашего вида. Модель совместной заботы о потомстве является своего рода социальной системой, в которой члены группы, не являющиеся биологическими родителями, помогают в воспитании потомства. У человека во множестве обществ широко представлена как родственная забота, так и совместная неродственная забота о подрастающем поколении в рамках обширного комплекса воспитательно-образовательных мероприятий, предоставляемых государственными и разнообразными общественными учреждениями.

Теоретические модели совместной заботы о потомстве были первоначально разработаны для описания поведения родителей у некоторых насекомых, птиц и млекопитающих (Brown, 1974; Emlen, 1991; Skutch, 1987; Solomon, French, 1997). Как известно, совместная забота о потомстве присутствует у таких видов животных как: гиеновидные собаки, слоны, сурикаты, мартышки и другие. Таким образом, этот вид заботы о потомстве был выявлен примерно в 3% млекопитающих и от 8 до 17% видов птиц (Heinsohn, Double, 2004). Помощники могут охранять, кормить, защищать границы территории, строить или чистить гнёзда. Возникновение этих видов помощи в различных таксонах варьируется от весьма редких до вполне закономерных.

Исследование 1988 года, проведённое Паулом Тьюке (Turke, 1988), впервые ввело термин совместной заботы о потомстве в антропологию. П. Тьюке показал, что матери, у которых на ранних этапах репродуктивной карьеры первыми рождались девочки, являющиеся, по сути, ценными помощниками своим матерям, имели бóльший репродуктивный успех, по сравнению с матерями, у которых первенцем становился мальчик. С тех пор этологи и антропологи стали уделять пристальное внимание человеку и вопросам совместной заботы о потомстве у нашего вида (Kramer, 2010).

Сара Хрди, выдающийся американский антрополог и приматолог, даёт такое определение модели совместной заботы о потомстве: «это система воспитания

потомства, в которой члены группы, не являющиеся биологическими родителями, далее именуемые "помощники" (англ. «*alloparent*»), помогают одному или обоим родителям воспитывать потомство» (Hrdy, 2007: 10). Поскольку лишь в редких случаях достоверно известен биологический отец, то в роли помощника может выступать второй родитель мужского пола. Таким образом, помощник (в английском оригинальном варианте часто применим термин *allomother*), может быть самцом (мужчиной) или даже генетическим отцом (Hrdy, 2007: 10). Помощь особей мужского пола в животном мире может иметь весьма сложную природу. Например, в случае с мармазетками или дикими собаками, где может наблюдаться забота не одного «отца», бывает, что несколько самцов могут фактически выполнять роль социальных отцов в помётах от так называемого множественного отцовства. Предполагается, что самцы с различными параметрами вероятности биологического родства корректируют свой уровень заботы в соответствии с предшествующей историей спаривания с матерью (Davies, 1992).

1.4. Теория родственного отбора

До того, как Мейнардом Смитом была сформулирована теория совокупной (включённой) приспособленности, в научном обороте не существовало разработанной теоретической концепции, объясняющей феномен совместной заботы о потомстве особями, не являющимися биологическими родителями. Зачастую такая помощь рассматривалась биологами как загадочное проявление альтруизма. Теория родственного отбора (англ. *kin selection*), впервые сформулированная Мейнардом Смитом в 1964 году, вводит в научный оборот понятие совокупной (включённой) приспособленности особи; такой родственный отбор направлен на сохранение признаков благоприятствующих выживанию близких родственников (Maynard Smith, 1964). В тот же период было

сформулировано правило В. Гамильтона, задавшего теоретические рамки, в которых оказание этой помощи стало рассматриваться как адаптивное поведение (Brown, 1987; Emlen, Wrege, 1991; Vehrencamp, 1978). В. Гамильтон показал, что помощь является предпочтительной и с большей вероятностью будет возникать среди близких родственников. Согласно расчётам Гамильтона, стоимость вклада помощника-родственника в потомка не превышает итоговой приспособленности, получаемой таким донором, а размер предоставляемой помощи напрямую сопоставим с уровнем генетической связи помощника и потомка. Таким образом, родитель или близкородственный помощник действует исключительно адаптивно, так как он (она), оказывая альтруистическую помощь родственным индивидам пропорционально присутствующей биологической связи между донором и реципиентом, тем самым повышает собственную включённую приспособленность. Родные братья и сёстры имеют даже большую генетическую связь друг с другом, нежели с каждым из биологических родителей по отдельности.

С позиций эволюционного знания помощь родителей (бабушек и дедушек) в воспитании потомства своих детей интерпретируется как типичный пример родственного отбора. Согласно В. Гамильтону (1963), у социальных видов, к которым по праву относятся и люди, индивидуумы могут повысить свою включённую приспособленность, оказывая поддержку своим родственникам. Следовательно, и альтруистические инвестиции в генетически родственных потомков явно адаптивны. Предполагается, что естественный отбор может активно способствовать распространению генов, которые обуславливают поведенческие модели поддержки репродукции родственных индивидов (Hamilton, 1963).

Хотя бабушки, отцы, братья и сёстры часто представляются в качестве альтернативных источников помощи, различные классы помощников могут быть важны на разных этапах женской репродуктивной карьеры и при различных экологических и демографических условиях.

1.5. Помощь старших детей

Роль помощников долгое время оставалась в тени, это было связано с тем обстоятельством, что социологи и психологи были сосредоточены на изучении западных постиндустриальных популяций с низким уровнем детской смертности. И только к концу 80-х годов XX века антропологи, будучи под впечатлением от громких успехов в социобиологии, занятой анализом поведения птиц и других социальных видов животных, начали интересоваться вопросами того, насколько важную роль играет в репродукции человека помощь окружающих людей. В результате в 1988 году П. Тьюке (Turke, 1988) обнаружил стойкую положительную связь между присутствием родственного участия в воспитании потомства с выраженным ростом репродуктивного успеха матери. Своё первое исследование родственной помощи Тьюке провёл в матрилинейных, матрилокальных обществах на атолле Ифалик в Тихом океане. Примерно в то же время М. Флинн (Flinn, 1988) работал в островном государстве Тринидад и Тобаго, где обнаружил, что присутствие помощников нерепродуктивного возраста в домохозяйствах (чаще всего это были дочери), значительно повышало репродуктивный успех матерей. Эти работы конца 80-х годов XX века послужили началом масштабных исследований вопросов совместной заботы о потомстве у человека (Hrdy, 2007).

Важнейшим выводом этих работ стали доказательства о значительном вкладе несовершеннолетних детей, чья помощь, однако, часто упускается из вида исследователя-антрополога (Kramer, 2002, 2005). Несмотря на то что дети нуждаются в заботе и потребляют ресурсы, передаваемые им матерями или другими членами семейно-родственной группы, несовершеннолетние помощники во многих традиционных обществах с самого раннего возраста вносят свой экономический вклад, заботясь о своих потребностях и потребностях своих братьев и сестёр (Flinn, 1988; Hames, 1988; Kramer, 2005; Weisner, Gallimore, 1977; Whiting, Edwards, 1988; Бутовская и др. 2011, 2012). Помимо заботы о питании сиблингов,

несовершеннолетние дети участвуют в выполнении целого ряда других функций в домашнем хозяйстве. Время, затрачиваемое детьми на эти виды деятельности, значительно варьирует от одной культуры к другой (Kramer, 2005). При этом возраст, когда ребёнок помогает заботиться о младших членах семейной группы, отличается от возраста, когда ребёнок уже участвует в экономической жизни семьи. Таким образом, именно младшие, а не старшие дети выделяют наибольшее количество времени на присмотр и уход за малышами. К. Крамер указывает также на взаимовыгодность и двунаправленность помощи, которая возникает в традиционной семье. Акцент на детей только как на получателей помощи не учитывает важный фактор совместного пользования ресурсами и трудового сотрудничества в натуральном хозяйстве. Ресурсы и помощь направляются от старшего поколения к младшему, но также и от детей к взрослым. Поскольку зависимость детей от взрослых распространяется и на период юности, часто полагают, что, взрослея, дети все ещё требуют значительных затрат и поддержки от членов семьи. В то время как воспитание и образование детей в промышленно развитых странах действительно обходятся родителям дорого с экономической точки зрения, в традиционных обществах этот процесс не столь затратен, как принято считать.

Во многих традиционных обществах подростки значительную часть своего времени посвящают именно экономической и ресурсной составляющей помощи семье, а не только осуществляют присмотр за младшими детьми (Kramer, 2005, 2009). Это важный момент, поскольку большая часть исследований, посвящённых хозяйственной деятельности детей в семье, ориентирована именно на функции заботы и присмотра за младшими детьми, что в результате нивелирует всю полноту экономического вклада ребёнка в бюджет семейной группы.

В большинстве традиционных обществ дети сами занимаются поиском и сбором существенной части потребляемой ими пищи. Например, в определённые сезоны у хадза Танзании (англ. *the Hadza*) дети, начиная с пятилетнего возраста, удовлетворяют до 50% своих потребностей в пересчёте на калории (Jones et al.,

1989). Девочки народа майя добывают 50% потребляемой ими пищи с шестилетнего возраста (Robinson et al., 2008). Анализ данных о распределении времени и ресурсов внутри семейной группы убедительно показывает то, что несовершеннолетние дети способны производить большую часть продуктов, которые они сами потребляют, а в определённых случаях, дети добывают различные ресурсы и продукты питания в объёмах, превышающих их личные потребности. Сбор урожая, поиск фруктов, снабжение водой, охота на мелких животных, рыбалка и сбор ракообразных — это неполный список функций ребёнка в традиционной семье, ведущей натуральное хозяйство. Дети могут удовлетворить собственные энергетические потребности в питании через перечисленные виды деятельности, а избыток их труда обычно перераспределяется среди других членов семейной группы при совместном ведении натурального хозяйства. Тем не менее лишь в немногих исследованиях ведутся скрупулёзные подсчёты соотношения времени и энергетических затрат, которые дети тратят на эти домашние и трудовые обязанности. В тех исследованиях, где учитывалась двунаправленная помощь и передача продуктов труда между матерями и детьми, было показано, что детский труд, направленный как минимум на поддержание собственных энергетических потребностей в питании, эффективно позволял их матерям повышать свою включённую приспособленность. У таких матерей зафиксировано большее число детей, в сравнении с семьями, где отсутствовала такая детская вовлечённость в трудовую деятельность (Kramer, 2005; Lee, Kramer, 2002; Kramer, 2010).

Социальные антропологи подчёркивают вклад различных возрастных классов в помощь матерям. В традиционных обществах доступ к ряду разновозрастных помощников имеет стратегическое значение для матери. В соответствии с динамикой смертности в доиндустриальных обществах, у женщин в молодом возрасте выше вероятность получения помощи от своих матерей. Позже в своей репродуктивной карьере, когда сильнее всего над матерью довлеет многозадачность, связанная с заботой и о старших, и о младших детях

одновременно, у матери, скорее всего, уже присутствуют помощники из числа подросших детей (Kramer, 2010).

Считается, что старшие дети получают бóльшую часть родительских инвестиций и часто становятся наследниками семейных ценностей и ресурсов, в то время как младшим братьям и сестрам уделяется меньше внимания. Действительно, во многих азиатских обществах при наличии нескольких старших братьев и сестёр присутствует высокий риск инфантицида ребёнка женского пола собственными родителями еще при рождении, особенно если её семья уже имеет старших дочерей (Hausfater, 1984). Однако исследователи родительского фаворитизма склонны игнорировать тот факт, что в менее стратифицированных традиционных обществах старшие братья и сёстры могут служить своеобразным «активом» для младших детей. Например, в земледельческих обществах, проживающих в районах Гамбии в Западной Африке, дети, у которых присутствовали старшие сестры, имеют выше шансы дожить до совершеннолетия, нежели дети того же возраста без старших сестёр (Sear et al., 2002: 58). В некоторых обществах определённые преимущества наличия старших братьев и сестёр не проявляется до момента, пока сами выросшие дети не начинают вступать в репродуктивную фазу жизни (Draper, Hames, 2000). Механизмы, лежащие в основе этой положительной корреляции между наличием старших сиблингов и индивидуальной приспособленностью, остаются пока не до конца ясными. Предполагается, что взрослые братья и сёстры могут предоставлять сиблингам кров и/или пищу в периоды кризисов, что, безусловно, благоприятствует выживанию их племянниц и племянников. Стоит отметить, что братья и сестры в наименьшей степени разделены по времени протекания их жизненных циклов, поэтому именно их родственная помощь остаётся наиболее актуальной и доступной на протяжении всей жизни индивида (Hrды, 2007).

1.6. Помощь старшего поколения

В 1957 году Д. Уилльямс предположил, что менопауза у женщин может представлять определённую эволюционную адаптацию. Как известно, менопауза в выраженном виде отсутствует у современных приматов, и появление нерепродуктивной фазы в жизненном цикле женщины представляет собой заметную отличительную черту репродукции и особенностей жизненной истории человека (Бутовская, 2004). Появление менопаузы в эволюции человека, по мнению Дж. Уилльямса, может быть связано с тем, что на каком-то этапе антропогенеза человека женщины стали переориентировать репродуктивные усилия на заботу об уже рождённых детях и сокращать энергетические траты, направляемые на увеличение числа потомства за счёт дополнительных рождений. Поскольку со смертью женщины зависимое от неё потомство с высокой вероятностью могло погибнуть, Д. Уилльямс предположил, что «в какой-то момент в эволюции человека женщине сорока пяти или пятидесяти лет стало выгодно прекратить распределение усилий между заботой об имеющемся потомством и рождением нового» (Williams, 1957: 407).

Свободные от заботы о собственных маленьких детях женщины в постменопаузе начали помогать ухаживать за потомством своих дочерей и других близких родственниц (Hawkes et al., 1998). Вследствие этих теоретических умозаключений была высказана так называемая «гипотеза о заботливой бабушке» (Hawkes et al., 1997; Hawkes, 2003; Lahdenperä et al., 2004). Согласно этой гипотезе, энергичные и опытные пожилые женщины могли вносить существенный вклад в заботу о внуках и тем самым гарантировать выживаемость детей прежде всего благодаря обеспечению их пропитанием (Hawkes et al., 1998; Hawkes, 2003). Согласно расчётам В. Гамильтона (Hamilton, 1966), бабушки делят приблизительно четверть своей ДНК с внуками, и поэтому через заботу о внуках и внучках, сохраняемых в добром здравии, женщина может существенно увеличить свой

генетический вклад в последующие поколения. Сторонники этой гипотезы часто ссылаются на хадза, традиционное общество в Танзании. Во время плейстоцена (1,7–1,9 млн лет назад) климат африканской саванны стал более засушливым и клубни стали представлять существенный компонент рациона гоминид (Vrba, 1985; Foley, Lee, 1991). Извлечение клубней из земли требовало силы и сноровки, поэтому недавно отнятые от груди дети нуждались во взрослом опытном помощнике. Мать, как правило, выполняла эту роль, но, когда она была занята новорождённым, помощь бабушки становилась очень востребована. Предполагается, что в то время, пока мать кормила грудью младенца и была не в состоянии обеспечить достаточное количество питания маленьким детям, уже отлучённым от груди, бабушка могла стать тем помощником, который оказывал важную помощь в питании подросших внуков, помогая извлекать питательные клубни из сухой земли (Hawkes, 2003; Hawkes, Jones, 2005). Таким образом, именно социальные и ресурсные факторы, позволили более энергичным женщинам в фазу постменопаузы способствовать активной репродукции своих дочерей (Hawkes, 2003).

Ключевая роль бабушек в повышении рождаемости у дочерей и способствующая снижению смертности внуков (Hawkes et al., 1998) ассоциирована с эволюцией удлинения жизни человека в пострепродуктивной фазе (Hamilton, 1966; Kirkwood, 1977; Ricklefs, 1998). Эта взаимосвязь трёх поколений предположительно благоприятствовала отбору на долголетие с одной стороны (Hawkes et al., 1997; Hawkes, 2003; Kuzawa, Bragg, 2012), а с другой стороны, ресурсный вклад пожилых женщин мог способствовать ослаблению отбора на акселерацию, пролонгируя период детства у человека, и тем самым благоприятствовать более медленной жизненной истории у нашего вида (Mehmet Somel et al., 2009). Показательно, что половая зрелость у самок шимпанзе наступает в интервале между 8—9 годами, в то время как у человека менархе происходит позже — в 13—14 лет (Gould, 1977; de Magalhães, 2006). Исследования сравнительной морфологии приматов ещё в XIX веке показали, что онтогенез

человека протекает медленнее, чем у других приматов. Этот тип гетерохронного сдвига известен как неотения. Неотении приписывается центральная роль в эволюции человека (Montagu, 1955); в частности, она выступает как возможное объяснение появления специфических для человека когнитивных способностей, предположительно связанных с более длительным периодом детства — фазой жизненного цикла с высокой нейронной пластичностью клеток мозга (Langer, 2012; Gould, 1977; Johnson, 2009).

За прошедшие более половины века с момента первого упоминания гипотезы о благотворной роли бабушки в росте приспособленности у человека, было накоплено множество эмпирических данных по широкому кругу различных обществ, подтверждающих гипотезу о значимости присутствия старшей родственницы в вопросе выживания детей. Такие данные тем более примечательны, что положительная корреляция между двумя этими параметрами обнаруживается в обществах с различными хозяйственными типами. Данные поступают как из традиционных обществ охотников-собирателей, так и из земледельческих обществ Африки (Sear et al., 2002). Положительная роль бабушки прослеживается в популяциях с самой широкой географией и фиксируется в различных исторических обществах. Так, благотворное влияние присутствия матрилинейной бабушки было показано и у немецких крестьян XVIII века (Volland, Weise, 2002), и среди рисоводов Японии в период сёгуната Токугава XIX века (Jamison et al., 2002). В 2004 году были проанализированы записи нескольких поколений из двух выборок XVIII—XIX вв. в финских и канадских общинах. Было показано, что в обеих этих группах продолжительность жизни женщины существенно влияла как на репродуктивный успех её детей, так и на выживаемость внуков. Работа в архивах позволила сделать вывод о том, что долголетие женщины положительно влияло на то, что и у её сыновей и дочерей дети рождались раньше и через более короткие временные интервалы, а также большее их число доживало до совершеннолетия (Lahdenperä, 2004). Среди патрилокальных обществ бенгальцев, населяющих северо-восток Индии, наличие бабушек также было

связано с сокращением временных интервалов между родами (Leonetti et al., 2005; Voland et al., 2004). Для немецких крестьян (Voland, Beise, 2002) и гамбийских мотыжных земледельцев (Sear et al., 2002) было показано снижение детской смертности. Благотворное влияние проживанием поблизости бабушки по матери на выживаемость потомства, проявлялось в возрасте отлучения ребёнка от груди — особенно уязвимую фазу жизни малыша, ассоциированную с наличием эмоционального стресса с введением новых продуктов. Интересно отметить, что Гамбия, население которой преимущественно исповедует ислам, имеет патрилокальный тип поселения, и жёны проживают в доме своего мужа. Это обстоятельство, на первый взгляд, неявно иллюстрирует наличие связи между присутствием бабушки по матери и выживаемостью внуков. Однако антропологами было обнаружено широкое распространение традиции «выселения» детей во время отъёма от груди для того, чтобы дети быстро «забывали грудь» (Sear et al., 2002). Можно предположить, что самым заботливым помощником, который не живёт в семье, но проживает неподалёку от домохозяйства, будет именно бабушка по материнской линии родства. Наличие бабушки по материнской линии значительно снижало стресс отлучения от груди для малыша (Hrды, 2007).

Такой тип проживания, когда бабушки и дедушки часто живут в непосредственной близости от младшего поколения, зачастую даже совместно, является характерной чертой для многих традиционных обществ, что позволяет бабушкам участвовать в прямой заботе о детях, в то время как дочери заняты ресурсным обеспечением семьи вне дома, решая насущные экономические задачи. Во многих случаях матери с новорождёнными детьми сокращают время работы по хозяйству, в то время как бабушки берут под свою ответственность эти вспомогательные виды деятельности (Hawkes et al., 1989, 1997; Hurtado et al., 1992; Leonetti et al., 2005). На сегодняшний день существуют лишь разрозненные эмпирические данные о распределении трудового времени между различными возрастными группами внутри семейной группы. Эти немногочисленные исследования

указывают на то, что пожилые люди до конца жизни продолжают вести хозяйственную и трудовую деятельность (Hawkes et al., 1989, 1997; Kaplan, 1994; Kramer, 2005b; Turke, 1988). Так исследование распределения временных затрат с указанием уровня потребления продуктов по возрастам, показывает, что у пиро (Piro) и мачигенга (Machiguenga) из Южной Америки пожилые члены семейной группы производят больше ресурсов, чем потребляют. Таким образом, пожилые люди не только продолжают обеспечивать себя, но и производят излишки, которые могут быть в дальнейшем перераспределены между другим членами семьи, в частности, переданы несовершеннолетним детям (Lee et al., 2002).

Предполагается, что с эволюцией нашего вида старшие родственники стали играть важную роль при воспитании, кормлении и заботе о детях, что напрямую способствовало снижению детской смертности, а естественный отбор начал действовать в отношении черт жизненного цикла человека, определяющих продолжительность жизни. Это постепенно привело к тому, что матрилинейные помощники становились всё более доступными через такие биосоциальные механизмы как: выраженная филопатрия, удлинение сроков наступления половой зрелости, а также через увеличение продолжительности жизни помощников. В частности, К. Хокс с коллегами (Hawkes et al. 1998) показали, что пролонгированный период активной жизни женщин в постменопаузе мог развиваться в результате самовоспроизводящегося эволюционного процесса. Так, женщины после завершения репродуктивной фазы помогали своим родственникам, это способствовало выживанию детей родственных индивидов, а такие дети в качестве помощников имели тётушек и бабушек, в свою очередь, генетически склонных к долголетию (Hrды, 2007).

В последние годы гипотеза заботливой бабушки всё чаще интерпретируется как всесторонняя помощь, оказываемая женщинами, и способствующая повышению приспособленности их внуков, в отличие от первоначальной гипотезы К. Хокс, основывающейся, прежде всего, на пищевом компоненте обеспечения потребностей детей (Cant, Johnstone, 2008). Стоит отметить, что среди всех

возможных вариантов родственных помощников именно бабушки играют наиболее значительную роль в оказании всесторонней помощи матерям в заботе о детях, и поэтому участие бабушки в воспитании детей может серьёзно повлиять на вероятность выживания ребёнка (Hrdy, 2009). Тем не менее присутствует и критика этой гипотезы (см. Pecesí, 2001; Zeller, 2004).

1.7. Различие в уровне родственного вклада матрилинейных и патрилинейных родственников

Старшее поколение, а именно четыре старших родственника (две бабушки и два дедушки) имеют разную степень уверенности в генетическом родстве со своими внуками. В зависимости от принятых культурных норм семьи и брака в различных обществах процент внебрачного зачатия или отсутствие биологического родства между главой семейства (мужем) и воспитываемым им ребёнком, может значительно колебаться. Так, работы 2000-х годов указывали на довольно высокий процент детей, зачатых вне брака как в современных, так и в традиционных обществах — от 10% до 30% (см. Bellis, 1995, 2005; Baker, Bellis, 1990). Однако позднее специалисты (Bellis, et al. 1993; Anderson, 2006) пришли к выводу, что этот показатель был несколько завышен, и уровень внебрачных зачатий в современном западном обществе с большей вероятностью составляет приблизительно 2—3% (Voracek, 2008). На сегодняшний день многочисленные генетические исследования указывают на то, что уровень зачатия ребенка вне супружеской пары может сильно колебаться, при этом он фиксируется в пределах от 1 до 49% (Larmuseau et al., 2016, 2019, Simmons et al., 2004; Anderson, 2006; Voracek et al., 2008; Scelza et al., 2020). Таким образом, процент таких рождений всё же может достигать довольно высоких значений, в связи с чем сторонники гипотезы «заботливой бабушки» часто предполагают, что помощь бабушки

наиболее эволюционно адаптивна по материнской линии из-за давления фактора неопределённости отцовства на патрилинейных родственников (Hawkes et al., 1998; Ragsdale, 2004). В то время как бабушки по материнской линии могут быть уверены в собственном материнстве, а также в материнстве своих дочерей, у деда по отцовской линии уверенность в генетическом родстве будет минимальной. Он не может быть уверен ни в своём отцовстве, ни в отцовстве своего сына (Euler, Weitzel, 1996). Бабушка по отцовской линии, и дед по материнской линии имеют одинаковую степень неопределённости в родственной связи с внуками. Эти различия в степени уверенности в присутствии генетического родства с потомками могут оказывать соответствующее влияние на инвестиции дедушек и бабушек во внуков, рождённых либо от дочерей, либо от сыновей. Поэтому, как правило, считается, что родственные инвестиции со стороны прародителей эволюционно адаптивны по материнской линии. Впервые эволюционное объяснение различного уровня заботы о детях и внуках обосновал Р. Докинз (Dawkins, 1976), предложив гипотезу о предпочтении инвестиций в наиболее достоверно родственное потомство (англ. «*preferential investment in more certain kin*»).

Таким образом, родственная помощь напрямую связана с достоверностью родства. Другими словами, для старших родственников по мужской линии этот вопрос переходит в плоскость определения вероятности присутствия биологического родства их сыном и внуками.

Фундаментальные различия в уровнях родственной заботы матрилинейных и патрилинейных родственников — бабушек и дедушек были обнаружены и зафиксированы во многих обществах. Так называемый дифференциальный вклад матрилинейных и патрилинейных прародителей был задокументирован в ряде исторических обществ (Beise, Voland, 2002; Jamison et al., 2002; Kemkes-Grottenthaler, 2005), а также был показан и среди современных постиндустриальных обществ (Gibson, Mace, 2005; Sear, Mace, MacGregor, 2000; Strassman, Kurapati, 2011; Laham et al., 2005; Michalski, Shackelford, 2005; Cabeza de Baca et al., 2014; Fox et al., 2010; Sear et al., 2000; Voland, Beise, 2002).

Как уже отмечалось выше, мужчины и женщины имеют разную степень уверенности в своём родстве с ребёнком. Можно предположить, что физическое сходство может выступать одним из маркеров наличия такого родства (Alvergne, Faurie, Raymond, 2010). Если отец и ребёнок имеют сходные черты лица, демонстрируют общие поведенческие и личностные характеристики, отец, проводя сознательное или неосознанное сравнения этих качеств и черт у себя и ребёнка, может быть в большей степени уверен в своём отцовстве и, следовательно, он будет склонен вкладывать больше ресурсов в такого ребёнка (Alvergne, Faurie, Raymond, 2009, 2010). В исследованиях эволюционных психологов было показано, что физическое сходство ребёнка и отца (Apicella, Marlowe, 2004; Yu et al., 2019), а также сходство их черт личности (Gallup et al., 2016; Van Tuijl et al., 2005) действительно оказывают положительное влияние на рост отцовских инвестиций в такого ребёнка. Это предположение о позитивном влиянии фенотипического сходства между ребёнком и отцом может в полной мере относиться и к инвестициям всех патрилинейных родственников в ребёнка.

1.8. Локальность брачных поселений

В то время как помощь со стороны различных членов расширенной семейной группы является кросскультурной универсалией, антропологические исследования указывают на присутствие выраженных культурных особенностей того, кто будет выполнять роль основного помощника матери. И, прежде всего, для женщины, воспитывающей детей, может различаться наличие и доступность помощи матрилинейных или патрилинейных родственников в зависимости от социальных, культурных и индивидуальных контекстов. Этнология и антропология, как известно, исторически уделяют пристальное внимание таким особенностям формирования счёта родства, так как большинство обществ прослеживают свою

родословную преимущественно через материнскую или отцовскую сторону. Это обычно находит отражение в приоритете либо патрилинейной, либо матрилинейной линии родства в вопросах наследования как фамилий (титулов), форм материального богатства, так и в особенностях проживания семей (Масе, 2018).

В социальной антропологии изучение территориальных особенностей брачных поселений занимает одно из центральных мест. Переход индивидов в другие социальные группы при вступлении в брак с точки зрения этнологии является экзогамией. Такое изменение места локации с перемещением индивидов на определённое расстояние, а также уход из нательной территории или же выход из нательной группы в другую группу, может сопровождаться и выраженным территориальным перемещением. Расстояния, на которые уходит тот или иной пол в процессе создания брачных союзов, обозначаются термином «дисперсия», и часто используются в биологических и этологических исследованиях. Различные общества демонстрируют некоторую степень вариативности в паттернах дисперсии, при которой один пол (мужской или женский), в зависимости от типа общества остаётся в своей нательной зоне, а другой уходит для вступления в брак, и в дальнейшем проживает на территории родственников своего партнёра или рядом с ними (Масе, 2018). Такие модели поло-специфической дисперсии отражают особенности культурных практик экзогамии, и в итоге формируют принятые в обществе нормы и типы брачных поселений.

Типы брачных поселений общества, такие как патрилокальность, матрилокальность, билокальность, неолокальность, амбилокальность и некоторые другие формы, являются отражением определённых культурных практик общества. В то же время особенности территориальных поселений могут служить важным практическим целям. Изучение форм брачных поселений тесно связано с культурно-хозяйственным типом, особенностями наследования собственности, а также с созданием союзов и альянсов, направленных, в том числе и на решение биологических и практических задач по воспитанию потомства. Считается, что

важным фактором, ингибирующим дисперсию определённого пола, будет выступать показатель присутствия в обществе сложившихся группировок и альянсов из представителей этого пола; такие группировки, как правило, обладают ключевыми функциями в решении социальных, экономических и биологических задач внутри натальной группы. Таким образом, дисперсии будет в меньшей степени подвержен тот пол, чьи социальные связи и альянсы на натальной территории наиболее актуальны и востребованы в данном обществе (Watson et al., 1994).

Большинство современных обществ демонстрируют гибкие нормы проживания, это означает, что брачная пара может проживать на территории родственников мужа (патрилокальность), либо оставаться рядом с роднёй жены (матрилокальность). Таким образом, в быту мать имеет различную частоту контактов с разнообразными членами родственников, что в первую очередь обусловлено принятыми нормами брачного поселения. Даже соблюдая принятые нормы поселений в каждом конкретном обществе, особенности проживания каждой конкретной семьи, а значит и частота контактов с родственниками, могут существенно варьировать. Например, в патрилокальных обществах молодая семья может селиться неподалёку от домохозяйства родителей мужа. Но нередко семья, состоящая из нескольких поколений, проживает совместно в рамках одного домохозяйства, состоящего из расширенной трёхпоколенной семьи, хотя и такие формы проживания могут принимать различные вариации (Sear, 2017). В то же время в современных обществах часто бывают распространены домохозяйства, состоящие только из нуклеарной семьи, когда старшие родственники по обеим сторонам родства проживают на определённом, значительном расстоянии друг от друга (Kramer, Russell, 2015).

1.9. Патрилокальные общества

Около 70% обществ практикуют выраженную форму патрилокальности, при которой мужчины остаются на своих natalных территориях, а женщины при вступлении в брак покидают родительское домохозяйство, клан, род, деревню или какую-либо другую социально-пространственную единицу, относящуюся к группе людей, имеющих общую культуру и язык (Murdock, White, 1980).

В системах счёта родства патрилинейность является наиболее распространённой формой устройства общественной жизни во всём мире. Мужская линия наследования фамилии и богатства, как правило, встречается вместе с патрилокальной формой проживания (Mace, 2018). Патрилокальность большинства человеческих обществ явно коррелирует с наличием земледелия, с появлением юридического понятия собственности на землю и стада, с возникновением прибавочного продукта и богатства (Alvarez, 2004; Marlowe, 2004; Wilkins, Marlowe, 2006). Генетические данные, собранные в традиционных аграрных обществах Африки, подтверждают их большую патрилокальность и мужскую филопатрию (Destro-Bisol et al., 2004; Wood et al., 2005).

Американский антрополог Франк Марлоу проанализировал данные по 186 обществам этнографического атласа Мёрдока и получил статистически значимую положительную корреляцию между вирилокальностью брачных поселений и присутствием экономической стратификации в обществе (Marlowe, 2000). У племён охотников-собирателей, ведущих кочевой образ жизни, вирилокальность присутствует менее чем в 48% случаев, а счёт родства идёт билатерально. «Как только появляется богатство, тип брачного поселения приобретает тенденцию к вирилокальности» (Marlowe, 2000: 48). Согласно обнаруженному им тренду, чем больше выражена стратификация в обществе, тем вероятнее брачное поселение будет патрилокальным. Характерной особенностью в таких обществах является обнаруженная антропологами положительная корреляция между

вирилокальностью и временем, которое мужчина уделяет поиску пропитания и на другие виды деятельности, связанные с ресурсными вложениями в семью (Whyte, 1980).

Д. Уилкинс в качестве основных функций вирилокальности указывает на процесс передачи земли и богатства по мужской линии, так как именно от наличия такого рода ресурсного потенциала напрямую зависит мужской репродуктивный успех (Wilkins, Marlowe, 2006). У людей, как и у других млекопитающих, мужской репродуктивный успех может значительно превосходить биологические возможности репродукции представительниц женского пола. При этом вариативность мужского репродуктивного успеха у млекопитающих гораздо шире женского репродуктивного успеха. Таким образом, логика дарвиновской приспособленности согласуется с обнаруженными чертами гендерной дискриминации при передаче земли по наследству родителями: во множестве обществ родители предпочитают передавать наследство, землю и богатство именно сыновьям, а не дочерям. Без такого ресурса сын может испытывать трудности в поиске жены, а значит, рискует остаться бездетным. В то же время репродуктивные возможности дочери в меньшей степени зависимы от наследуемой ей собственности и от богатства. Неравенство в пользу мужского типа наследования земли означает, что мужчины оказываются в большей степени привязаны к месту рождения и к наследуемой земле, а женщины, выходя замуж, свободнее перемещаются в другое место жительства. Патрилокальность предпочтительна даже среди кочевников-скотоводов (88% скотоводов), поскольку мужчина, который наследует стадо своего отца, имеет больше шансов обзавестись женой (жёнами), и также потому, что защита наследуемого им стада, вероятно, будет более продуктивной в случае сохранения единства и нерушимости уже сформированных в детстве и юности мужских союзов. Данные закономерности хорошо изучены на примере скотоводов Восточной Африки (Калиновская 1982). Так, молодые *маасаи* (англ. *Maasai*) переходя в класс взрослых мужчин с возможностью жениться и завести детей, сохраняют дружественные и

кооперативные отношения с членами своего возрастного класса на всю жизнь. Правила, вытекающие из возрастной организации скотоводов, касаются в первую очередь прав собственности, разделения труда, половых отношений и кодекса поведения (Бутовская, Буркова, Карелин, 2019). Тогда как мобильные группы охотников-собираателей, не занятые сельским хозяйством и не имеющие как собственности, так и потребности в охране богатства и ресурсов, таких как стада и земли, не сформировали мужского типа наследования, что в результате и не способствовало образованию патрилокальности в этих обществах (Wilkins, Marlowe, 2006; Бутовская, Буркова, 2011).

Многими авторитетными социологами и антропологами постулируется теоретическая концепция о том, что родительские инвестиции мужчин в своё потомство, в том числе через наследованное семейных и родственных форм собственности и богатства, явились, по всей видимости, ключевыми факторами культурного феномена, закрепившего брачные нормы моногамии как главенствующей формы семейной структуры во множестве сельскохозяйственных обществ (Масе, 2018). *«Моногамия возникла вследствие сосредоточения больших богатств в одних руках — притом в руках мужчины — и из потребности передать эти богатства по наследству детям именно этого мужчины, а не кого-либо другого»* (Энгельс, 1929: 56). Однако и для женщин преимущества моногамного брака явно очевидны, поскольку дети от законного брака пользуются исключительными правами на наследование семейного богатства мужа, его социального статуса и всего объёма усилий мужчины по жизнеобеспечению своей легитимной семьи. Надо признать, что укрепление моногамии, как главенствующей брачной нормы внесло существенный вклад в последующий рост человеческой популяции, так как абсолютный минимум совокупных мужских усилий в обществе в итоге тратился на внутриполовую конкуренцию между мужчинами или на дополнительные попытки внебрачных копуляций. Все усилия и вложения мужчин перенаправляются в таком обществе на увеличение суммарного репродуктивного успеха легитимной моногамной брачной пары (Rankin, Kokko,

2007). Таким образом, поступательный рост численности населения и строгие моногамные нормы долгое время шли рука об руку в истории нашего вида. Недавние генетические исследования принятых норм сексуальной верности и моногамии, анализирующие уровень внебрачного отцовства (англ. «*extra paternity rate*», *EP*) как в современных, так и в исторических популяциях, подтвердили эти теоретические положения. В результате обширного генетического исследования был выявлен очень низкий уровень внебрачных зачатий в большинстве исторических исследованных обществ Европы. Этот процент составил примерно от 1% до 2% всех рождений (Larmuseau et al., 2013, 2016, 2017; Greeff, Erasmus, 2015; Larmuseau et. al., 2013, 2017; King, Jobling 2009; Strassmann et. al., 2012). Полученные результаты, указывающие на стабильно низкий уровень внебрачных зачатий, могут быть объяснены присутствием строгих религиозных норм в исследуемых генетиками христианских общинах в недалёком прошлом. Строгость таких брачных норм могла способствовать моногамии и служить гарантом сохранения супружеской верности (Strassmann et. al., 2012). В то же время истоки патриархального уклада и моногамных форм брака стоит искать в гораздо более ранних эпохах. Так, филогенетический лингвистический сравнительный метод показал, что моногамия и часто сопутствующая этой форме брака традиция передачи приданого с невестой фиксировались у индоевропейцев задолго до появления христианства (Масе, 2018).

1.10. Матрилокальные общества

Значительное меньшинство (около 17%) всех систем родства, описанных в этнографическом атласе Мёрдока, являются матрилинейными (то есть родословная семей в таких обществах ведёт счёт родства по женской линии). Эти 17% обществ

в подавляющем большинстве случаев также демонстрируют и матриликальные формы брачных поселений (Murdock, 1967). Такой тип проживания даёт возможность женщине рассчитывать на помощь матрилинейных родственников, что позволяет ей справляться со сложной задачей воспитания детей, так как сёстры в таких матриликальных домохозяйствах воспитывают потомство совместно. С эволюционной точки зрения, чем больше сестёр или родственников женского пола совместно растят потомство, тем более благоприятными становятся именно матрилинейные инвестиции в потомков, поскольку любые отцовские и патрилинейные вложения в ребёнка рискуют быть разделены между потребностями общей семейной группы внутри домохозяйства совместно проживающих сестёр, воспитывающих общих племянников. Такие инвестиции отца редко доходят до прямого адресата — биологически родного ребёнка отца (Wu et al., 2013; Ji et al., 2013). С другой стороны, брачные узы довольно слабы в матрилинейных системах, причём на протяжении жизни женщины часто имеют несколько мужей, а средние показатели женской полиандрии выше в популяциях с матриликальной формой брачных поселений, где титул, богатство, наследуемые ресурсы и инвестиции обычно передаются по женской линии (Starkweather, Hames, 2012; Hartung, 1981; Mace, 2018).

Мосо (англ. the *Mosuo*) — традиционное общество на юго-западе Китая — одно из самых матрилинейных обществ, когда-либо описанных антропологами. У мосо отсутствует дисперсия как мужчин, так и женщин, а братья и сёстры живут вместе на протяжении всей жизни, работая на общих сельхозугодьях. Сексуальные отношения у Мосо описываются как «гуляющие» или «посещающие браки», когда мужчины остаются со своими партнёршами лишь на ночь и возвращаются домой по утрам. При этом отцы инвестируют мало в собственное потомство, и гораздо более существенным становится вклад дяди (брата матери; Wu et al., 2013).

В некоторых обществах наблюдается разделение обязанностей отцовства между несколькими мужчинами. Таким образом, не один, а сразу несколько мужчин заботятся зачастую о генетически неродном потомстве, как это

практикуется у некоторых коренных народов Южной Америки, например, у народа аравете (англ. *the Araweté*). У аравете существует поверие, что для зачатия ребёнка требуется сперма от нескольких мужчин (Beckerman et al., 1998; Hrdy, 2001). «Трудно найти человека, у которого есть только один признанный биологический отец...», потому что «...больше, чем один осеменитель могут вступать для этой цели в сотрудничество ... Идеальное же количество биологических отцов, кажется, два или три» (de Castro, 1992, 142:180). У народов, говорящих на языке тапирапе, языке группы тупи-гуарани — группы бразильских индейцев, проживающей в сотне километров к югу от аравете, американист Чарльз Уогли зафиксировал следующие представления об отцовстве: «Половая жизнь должна продолжаться во время беременности, но необязательно с тем же мужчиной. Однако все мужчины, имевшие половой акт с женщиной во время её беременности, считаются родителями ребёнка, а не просто социальными отцами. Поэтому часто бывает так, что у ребёнка существует два-три или более биологических отцов» (Wagley, 1977:134).

Такие системы заботы о детях несколькими мужчинами также были обнаружены у химба (англ. *the Himba*) — народа, проживающего на северо-западе Намибии. Сексуальные традиции химба могут представлять крайние, пороговые значения в известном антропологам диапазоне вариаций коэффициента зачатия вне супружеской пары у человека. Полученный недавно генетиками показатель зачатий детей от нелегитимного партнёра, рассчитанный как процент детей, воспитываемых не биологическим отцом, составил порядка 49% (Scelza et al., 2020). В то же время мужчины химба более чем на 70% точны в отношении того, воспитывают ли они своего или неродного ребёнка. Сочетание высокой осведомлённости о наличии или об отсутствии отцовства и высокого уровня внебрачных зачатий, означает, что мужчины народа химба могут реализовывать заботу о неродных детях как часть своих социальных обязанностей (Hill, Hurtado, 1996; Beckerman, Valentine, 2002; Walker, Flinn, Hill, 2010). Мы полагаем, что такие примеры разделённой или частичной мужской заботы о ребёнке можно с высокой

долей уверенности отнести к аллопарентальной и социальной помощи, а не к классическим отцовским инвестициям в потомство. Хотя, на первый взгляд, такая форма семьи и брака может показаться довольно экзотичной современному человеку, тем не менее по своей форме она не столь отлична от часто наблюдаемой житейской ситуации в современных постиндустриальных обществах, когда дети воспитываются как своим биологическим отцом, так и отчимом, либо сожителем матери в случае развода или распада парного союза (Marlowe, 2000). Последствиями таких нестабильных, пластичных брачных связей является выраженное снижение вклада биологического отца в заботу и в ресурсное обеспечение своего собственного потомства, поскольку возникающий в таком обществе половой конфликт неминуемо возрастает с увеличением динамики полового отбора и ведёт к повышенной внутривидовой конкуренции среди мужчин. Однако такая конкуренция преимущественно происходит на арене брачного рынка, и закономерно отвлекает существенную долю ресурсов мужчин от матримониальных инвестиций в семью и детей в целом (Kokko, Jennison, 2012, 2014). Последнее обстоятельство не позволяет нам прогнозировать позитивный рост итоговых суммарных инвестиций от всех аллопарентальных помощников в среднестатистического ребёнка в таком обществе, даже если, на первый взгляд, они, казалось бы, должны увеличиться, так как у ребёнка появляется вместо одного отца сразу несколько социальных отцов.

1.11. Отцовский вклад

Появление ресурсной поддержки мужчинами партнёрши и потомства является ключевым этапом в эволюции человека, так как отцовская забота отсутствует у большинства млекопитающих, в том числе и у представителей филогенетически наиболее близких к человеку родственных видов —

человекообразных обезьян (Marlowe, 2000, 2003; Kaplan et al., 2009, 2003). Устойчивые связи между самцами и самками распространены у птиц, однако социальная моногамия редка у млекопитающих, где больший вклад самки в заботу о потомстве во многом связан с внутренним оплодотворением, беременностью самки и последующей лактацией детёнышей. Эти биологические особенности репродукции млекопитающих значительно снижают как вероятность биологического родства самца с потомством, так и постнатальную потребность в контакте между ними. При этом самцы могут добиваться более высокого репродуктивного успеха, если им удастся преуспеть в конкуренции среди других самцов; победа же во внутривидовом соперничестве открывает для представителя мужского пола возможности к оплодотворению сразу нескольких самок вместо того, чтобы реализовывать родительство с единственной партнёршей, что в разы увеличивает параметры дарвиновской приспособленности для успешных самцов (Loo, Hawkes, Kim, 2017).

Но в отличие от большинства млекопитающих, в том числе от больших человекообразных обезьян, люди определённо склонны к образованию парных связей. Стабильность этих отношений широко варьирует как среди различных культур и обществ, так и внутри них. Этнографические данные из стандартной кросскультурной общемировой выборки (Murdock, White, 1969) хоть и указывают на широкий спектр вариативности брачных норм, тем не менее большинство зафиксированных этнологами сексуальных контактов на практике реализуются через моногамные отношения, что справедливо даже для полигинных обществ (Murdock, White, 1969; Flinn, Low, 1986; Kramer et al., 2017; Gavrilets, 2012). Полигинный брак (один мужчина, несколько женщин) санкционирован почти в 85% обществ, тем не менее, при ближайшем рассмотрении, в таких полигинных обществах большинство браков представляют классическую моногамную связь одного мужчины и одной женщины (Marlowe, Verbesque, 2012; Kramer et al., 2017). Стоит отметить, что и в современных, и в традиционных обществах повторный брак является достаточно распространённым явлением в случае смерти одного из

супругов и/или в случае развода. Это приводит к феномену серийной моногамии, когда у мужчин и женщин последовательно присутствует несколько партнёров в течение их репродуктивной карьеры (Fisher, 1989; Hill, Hurtado, 1996; Бутовская, 2013).

Считается, что появление парной связи между мужчиной и женщиной явилось важнейшей адаптацией в эволюции человека (Marlowe, 2000, 2003; Kaplan et al., 2009; 2003). Эта форма гетеросексуальных отношений в антропологии часто описывается термином «социальная моногамия», она признаётся одной из широко представленных специфичных адаптаций, возникшей, как предполагается, еще на заре эволюционной истории нашего вида (Lovejoy, 1981). Хотя типичные для человека брачные стратегии, наблюдаемые сегодня, разнообразны как в разных культурах, так и внутри каждого общества в отдельности, в большинстве наблюдаемых сегодня антропологами обществ в том или ином виде присутствует отцовский вклад в ребёнка (Marlowe, 2000, 2003; Kaplan et al., 2009; 2003).

Характерно, что в традиционных обществах мужчины оказывают относительно мало помощи в вопросах прямой заботы о детях. Заметным исключением являются отцы ака (англ. *the Aka*). Народ ака — типичные охотники-собиратели, проживающие в центральной Африке), у которых зафиксирован высокий уровень прямой отцовской заботы о младенцах (Hewlett, 1988). Хотя мужчины обычно мало помогают с детьми, они являются важными источником экономического и ресурсного вклада во многих традиционных обществах (Draper, Hames, 2000; Hewlett, 1991; Hurtado, Hill, 1991; Irons 1983; Kaplan et al., 2000; Marlowe, 1999).

В исследовании 2000 года было показано, что в перерасчёте на калории мужчины в большинстве традиционных обществ обеспечивают существенный вклад в рацион семьи преимущественно посредством белковой пищи. Мужская помощь и поддержка матери с ребёнком может быть особенно важна во время лактации (Hurtado et al., 1992; Quinlan, Quinlan, 2008). Женщины хадза Танзании, например, меньше занимаются собирательством, а их мужья, напротив, больше

заняты вопросами обеспечения семьи пропитанием в периоды, когда в семье присутствуют грудные дети (Marlowe, 2003). Хотя мужчины преимущественно вносят ценный вклад в пищевой рацион, тем не менее он может быть весьма разнообразным. В ряде исследований подчеркивается, что родительский вклад отца часто бывает чувствителен к тому, как другие члены семьи или группы участвуют в воспитании (Fouts, 2008; Griffin, Griffin, 1992; Quinlan, Quinlan, 2008).

Например, Фоутс (Fouts, 2008) считает, что присутствие бабушки ассоциировано с уменьшением усилий мужчины, направленных на воспитание детей. Среди аэта (англ. *the Aeta*, Филиппины) отцы больше времени проводят в заботе о детях на ранних этапах брака, пока у матери не подрастёт дочь-помощница (Griffin, Griffin, 1992). В других исследованиях подчеркивается, что вариативность мужской помощи матерям демонстрирует саму ценность их помощи. Отцы ака, например, видоизменяют свои стратегии инвестиций в зависимости от наличия альтернативных вариантов затрат и возможностей для распределения своего времени наиболее выгодным для семьи способом. Отцы ака, у которых в наличии скудные экономические ресурсы, больше времени проводят со своими детьми и обеспечивают больше непосредственной заботы о них, чем более состоятельные отцы, с более высоким социальным статусом (Hewlett, 1988). Антропологи убедительно показали, что, например, у аче (англ. *the Ache*, Парагвай) забота отца о пропитании даёт более высокий прирост приспособленности, чем время, потраченное на другие виды деятельности, такие как уход и присмотр за детьми (Hill, Kaplan, 1988).

Тем не менее отцовские инвестиции не должны восприниматься как безусловная данность. Антропологические изыскания свидетельствуют о том, что инвестиции отца могут быть довольно низкими в определенных обществах. Так, сокращение отцовских вложений в ребёнка — это одна из издержек в обществах с выраженном промискуитетом и принятыми нормами сексуальной свободы для женщин. При этом вклад биологического отца имеет исключительную значимость в некоторых культурах. Например, смерть отца может являться серьёзным

основанием для инфантицида у народа аче, так как другие семьи не готовы помогать содержать сирот или детей, оставшихся без попечения отцов (Масе, 2018).

Случаи жестокого обращения с детьми нередки и в новых браках матери. Подчас деструктивная роль отчима или нового полового партнёра матери для пасынков и падчериц связана с ростом безнадзорности, но может проявляться и в жестоком обращении с ребёнком и даже привести к убийству детей от предыдущих браков матери, как было показано в работе Дайли и Уилсона в 1988 году (Daly, Wilson, 1988). Шокирующие результаты этого исследования были воспроизведены в различных обществах по всему миру с единственным заметным исключением, обнаруженным антропологами в Швеции (Масе, 2018). Инфантицид, безусловно, является экстремальным негативным последствием отсутствия биологического отца в жизни ребенка, тем не менее, даже когда речь не идет о явном насилии, стресс или конфликтные ситуации в семье для ребёнка статистически значимо чаще ассоциированы с появлением отчима. В ряде случаев негативные последствия ухода (смерти) биологического отца из семьи также могут быть связаны с тем, что мать отвлекает значительную долю своего внимания на поиск нового партнёра, либо преимущественно посвящает всё своё время и внимание новому избраннику или же проявляет фаворитизм в отношении детей, рождённых от нового партнёра (Масе, 2018).

Дети постарше, оставшись без биологического отца, могут испытывать определённую дискриминацию с точки зрения экономических инвестиций и наследования семейных ценностей и богатства, что может оказать дальнейшее негативное влияние на перспективы их брака, как было показано в одном из исследований ранней смерти отцов в Индии (Shenk, Scelza, 2012).

Все эти негативные эффекты утраты отцовской заботы имеют непосредственное отношение к эволюционным предпосылкам появления моногамного брака у человека, так как развод и распад семьи, несомненно, несёт потенциальные издержки для уровня включённой приспособленности

биологического отца вследствие возникновения ущерба его репродуктивным перспективам или через повышение вероятности смертности детей, рождённых в предыдущем браке. Покидая семью с детьми, в биологическом смысле слова отцы должны компенсировать вышеназванные затраты на приспособленность и сопоставлять возможные риски с преимуществами в репродуктивном успехе, открывающиеся с созданием новой семьи (Mace, 2018). Тем не менее, хотя общепризнанным является факт того, что потомство, безусловно, увеличивает свою приспособленность за счет присутствия отца и через его родительский вклад, особенно когда мужские ресурсы важны для пропитания, мотивация мужчин в оказании отцовской заботы может быть объяснена альтернативно в русле реализации брачных стратегий размножения.

1.12. Мужские брачные стратегии и конфликт полов

Как известно из работ по социобиологии и этологии человека, родительская забота требует колоссальных ресурсных затрат (Kramer, 2010; Sear, 2017; Kaplan, 2000). И хотя оба родителя имеют общие репродуктивные интересы в рождении и воспитании совместного потомства, в биологическом смысле слова между ними неизбежно возникает конфликт, так как каждый из них выиграет в большей степени, если его партнёр проявит максимум родительского участия (Royle, 2016; Houston et al., 2005; Lessells, 2006, 2012; Klug et al., 2012). Кейт Лесселлс так формулирует эволюционную основу этого конфликта: *«Конфликт является способом естественного отбора, который действует одновременно на оба пола. При этом каждый пол приобретает различные оптимальные значения в родительском участии. Между двумя этими оптимумами, антагонистичными друг другу, и действует отбор»* (Lessells 2012:1056).

Конфликт двух агентов в биологии со времён Мейнрада Смита описывается математически на примере игры. Эволюционная теория игр широко используются для объяснения распределения родительских инвестиций (Smith, 1982; McNamara, Weissing, 2010). А математическая симуляция полового конфликта и его эволюционной динамики является широко распространённым в биологии методом изучения оптимальных репродуктивных решений каждого из полов (McNamara, 2003, 2000; Johnstone, Hinde, 2006). В эволюционной теории игр половой конфликт можно представить в виде «спора» на эволюционной временной шкале между самцами и самками одного вида о том, какую долю заботы каждый родитель вынужден оказывать общему потомству, что и является основой имманентного конфликта полов (Lessells, 2006; Houston, Szekely, McNamara, 2005). Специалистам в области этологии и биологии известно, что отказ от заботы о рождённом потомстве одним из родителей и делегирование этой функции партнёру экономят достаточный объём энергетических ресурсов у покинувшей приплод особи и увеличивает её(его) шансы на дополнительную репродукцию с другим партнёром (партнёрами), это в результате может способствовать росту итогового репродуктивного успеха у покинувшего родителя, следовательно, и увеличению его(её) приспособленности. С другой стороны, покинутый партнёр, оставшись один, несёт весь груз ресурсной ответственности за рождённое потомство, что, напротив, может существенно снижать его/её суммарный репродуктивный успех.

Таким образом, совместная парная забота о потомстве обоими родителями хоть и не представляется для каждого из родителей максимально выгодным исходом репродуктивной сделки, так как требует достаточно высоких затрат на родительские инвестиции, тем не менее такая форма заботы предполагает экономию усилий на воспитании потомства за счёт кооперации с партнёром, и является гораздо более выгодным решением, нежели монозабота одного из родителей. Парная забота о потомстве обоими родителями на условиях социальной моногамии представляет в таком случае яркий пример кооперации двух агентов разного пола; она способствует взаимовыгодному разрешению имманентного

конфликта полов (Kokko, Jennions, 2014). Однако родительский конфликт, разрешаемый в теории, не всегда удаётся нивелировать в реальном биологическом мире. В том или ином виде конфликт продолжает действовать даже в исключительно моногамных популяциях. Даже если присутствует совместная забота обоих родителей, в реальных условиях живой природы всё равно повсеместно фигурирует конфликт полов, *a priori* отнимающий энергетические ресурсы родителей. Если выразить действие этого конфликта математическим языком, то получится, что два заботливых родителя необязательно вырастят в два раза больше потомства, чем один родитель, тем более что формирование яйцеклеток остаётся по-прежнему только задачей самки. Это замечание было проиллюстрировано в исследовании 980 биологических видов птиц, где элиминация заботы самца привела только к 20%, а не к 50% снижения продуктивности самки (Sibly et al., 2012). В результате такого давления сил полового отбора и конфликта полов груз родительской ответственности неравномерно ложится на плечи того или другого пола. Более того, дуальные отношения конфликта полов могут иметь сложную цикличную взаимосвязь, меняющуюся с течением эволюционного времени. И понимание особенностей распределения нагрузки полового отбора между самцами и самками далеко не праздный вопрос; ведь в зависимости от силы давления этой нагрузки на представителей каждого из полов могут изменяться демографические показатели численности представителей всего вида (Kokko, Jennions, 2012).

Известный эволюционный биолог Х. Кокко, используя современные методы математического моделирования динамики конфликта полов, предсказывает снижение демографических показателей и совокупной приспособленности в популяциях, в которых самки несут большую нагрузку, нежели самцы, и где женский пол «проигрывает» в перманентном конфликте полов. Ведь именно представители женского пола, как правило, определяют демографический успех популяции. Другими словами, популяция, преимущественно состоящая из самцов, как ожидается, в следующем поколении даст меньше потомства, чем популяция,

состоящая преимущественно из самок (Rankin, Kokko, 2007). Так, Х. Кокко утверждает, что если бы самцы всегда вкладывали всю свою энергию в потомство, обеспечивали его выживание и поддержку, а не концентрировали максимум своих усилий на внутривидовом соперничестве (англ. *male-male competition*), представляющем собой, по сути, игру с нулевым результатом, в которой одни самцы извечно вынуждены стремиться превзойти других самцов, демографический рост такой популяции теоретически удвоился бы (Kokko, Jennions, 2012; Семенова, Бутовская 2020с). В то же время безудержно нарастающий половой конфликт может приводить не только к тому, что самцы перестают обеспечивать заботу общему потомству и перераспределяют максимум своих усилий на соперничество, но и дополнительно набравший силу половой отбор может начать поддерживать поведенческие и фенотипические признаки, потенциально снижающие способности самок к деторождению и выращиванию потомства. Потери популяции в таком случае могут быть более чем двукратными (Lehtonen et al., 2012). В последнем примере возможен демографический коллапс и вымирание всего вида (Le Galliard et al., 2005; Kokko, Jennions, 2014).

Предполагается, что многие биологические виды пришли бы к более выдающемуся эволюционному и демографическому успеху, если усилия их самцов могли быть перенаправлены на обеспечение и поддержание плодовитости самки внутри каждой пары (Kokko, Jennions, 2014). Самцы, однако, ограничены игровыми условиями социальной дилеммы, суть которой состоит в том, что если часть самцов вместо поиска новых партнёров и соперничества с другими самцами за репродуктивный успех перенаправит все свои усилия на родительскую заботу и инвестиции в потомство, эти благие начинания неминуемо послужат базисом для явного наращивания преимуществ у их конкурентов — полигамных самцов, которые избегают родительской заботы, не создают моногамных пар, но активно конкурируют на брачном рынке, инвестируя все свои ресурсы в поиск и привлечение всё новых и новых партнёров. При этом представительница женского пола, вступая в половые связи с полигамными самцами вне сложившейся пары, но

продолжая полагаться в вопросах заботы о рождённом потомстве на своего моногамного партнёра, увеличивает издержки заботливого самца, в то же время рождённые от такой связи потомки и есть инструмент роста приспособленности самцов, специализирующихся вместо заботы на полигамии. В терминах математической игры такие полигамные самцы, не несущие никаких расходов, но эксплуатирующие преимущества социальной кооперации, поддерживаемой другими игроками, именуется «безбилетниками». В условиях социальной игры «Дилемма заключённого» согласно математическим расчётам Дж. Нэша у «безбилетников» присутствует явное преимущество в единицах дарвиновской приспособленности. В результате такие «безбилетники» активно распространяют свои гены, оставляя больше потомства, нежели заботливые отцы. Таким образом, сама логика эволюции не позволяет закрепиться моделям родительской заботы у самцов (Howkes, Rogers, Charnov, 1995; Hirshleifer, 1991; Konrad, 2009; Gavrilets, 2012).

Многочисленные математические модели эволюции конфликта полов явно указывают на то, что независимо от уровня полезности отцовской заботы для роста выживаемости потомства до тех пор, пока отсутствуют чёткие гарантии генетического родства между донором отцовской заботы и потомством, забота самца и его ресурсная поддержка потомства не является достаточным основанием для эволюции социальной моногамии, предполагающей возникновение стабильной парной связи между родителями. Для самцов инвестиции в потомство будут являться стабильной эволюционной стратегией только тогда, когда заботящиеся отцы имеют высокие гарантии своего биологического родства с реципиентом такой помощи. Таким образом, в настоящий момент предполагается, что изначально в масштабах эволюции самцы развивают черты заботливого родителя и моногамного партнёра только в ответ на возникающие биосоциальные маркеры уверенности в своём родстве с потомством (Loo, Hawkes, Kim, 2017) или для того, чтобы обеспечить такую уверенность, прежде всего, через охрану верности партнёрши (Kvarnemo, 2006; Norwood et al. al., 2015), а вовсе не по причинам роста

выживаемости такого потомства в более благоприятных условиях бипарентальной заботы обоих родителей, как предполагалось в эволюционной биологии ранее (Stockley, Hobson, 2016; Gonzalez-Voyer et al., 2008; Remeš et al., 2015; Gilbert, Manica 2015; Royle et al., 2016).

У человека в полигинных обществах биологические отцы демонстрируют весьма незначительный уровень заботы о детях и часто совершенно теряют всякий контакт со своим потомством. В связи с этим женщины в таких обществах в основном индифферентны к инвестициям мужчин и предпочитают победителей внутриполовой конкуренции. Такая победа, с одной стороны, является для женщин сигналом более высокого генетического качества полового партнёра, а с другой, гарантирует в будущем максимальный репродуктивный успех её сыновьям, наследующим гены победителя. Логика такого брачного поведения женщин была описана в знаменитой работе Р. Фишера (1915), где он математически описал этот процесс, и определил его суть в терминах ускорения и нарастания силы полового отбора (убегающий половой отбор от англ. *runaway selection*). Если женщины не получают от мужчин ничего, кроме спермы, то следует ожидать, что они будут выбирать мужчин на основе таких генетических качеств, и полиандрия будет следствием такой расстановки брачных сил (Marlowe, 2000).

Динамика численности населения и социально-экономическая структура также могут рассматриваться как важный фактор, определяющий вариативность полового и родительского поведения. В традиционных обществах, которые полагаются на собирательство и садоводство, женщины вносят существенный вклад в ресурсное обеспечение семьи, что принято связывать как с матрилокальным проживанием, так и с более высоким уровнем полигинии (Marlowe, 2000). В то же время соотношение полов среди репродуктивной части населения и длительные периоды отсутствия супругов (Starkweather, Hames 2012; Hartung, 1981) можно рассматривать как ключевые факторы, влияющие на изменение репродуктивного поведения у людей.

1.13. Соотношение полов и брачные стратегии

В современной художественной и даже научной литературе существует устойчивое стереотипное представление о негативных последствиях численного преобладания мужского пола над женским в обществе. Подобное умозаключение строится порой на основе ряда данных и даже на основе интуитивных представлений о присущей сильному полу повышенной агрессии. В литературе и кинематографе агрессия, сам агрессор, и нередко его жертва зачастую иллюстрируются именно посредством включения персонажей мужского пола, часто имеющих выраженные маскулинные черты и характерное для мужчин ролевое поведение. Предположительно в самом культурном коде агрессия ассоциируется с принадлежностью именно к мужскому полу (Hudson, den Boer, 2002).

В результате социогуманитарные дисциплины часто заимствуют этот базовый социокультурный стереотип без должной эмпирической проверки. Это обстоятельство создаёт в научном дискурсе устойчивое представление о том, что количественное преобладание мужчин среди населения будет сказываться на общем повышении уровня насилия в обществе (Brooks, 2012), что неминуемо приведёт к росту частоты конфликтных ситуаций, возникающих между мужчинами в ситуациях, преимущественно связанных с поиском и охраной половых партнёров. Дисбаланс в соотношении полов в итоге, как предполагается, может привести к сложностям в поиске брачной пары, так как столкновения интересов соперничающих мужчин автоматически могут послужить причиной подрыва семейного уклада и матримониальных ценностей. А это обстоятельство может привести уже к изменению самой структуры долгосрочных брачных отношений в обществе (Hesketh, Xing, 2006; Brooks, 2012). В естественно-научных дисциплинах подобные предположения находят отражения в следующих теоретических концепциях: представители более распространённого в популяции пола будут

вынуждены направлять максимум своих усилий на внутривидовую конкуренцию с многочисленными соперниками, что будет способствовать развитию у них черт агрессивного соперничества. в связи с этим представители наиболее распространённого в популяции пола будут в меньшей степени заинтересованы в заботе о потомстве, так как получают меньший выигрыш от участия в воспитании потомства в сравнении с представителями менее распространённого пола, благополучно миновавшего реалии такой конкурентной среды. Следуя этой логике, более распространённый в популяции пол будет снижать своё участие в родительских инвестициях, а редкий пол —, напротив, станет заботливым (Trivers, 1972, Clutton-Brock, Parker, 1992).

Между тем десятилетия эмпирических исследований антропологов в различных культурных контекстах и обществах не подтверждают вышеупомянутые предположения (Messer, Sampson, 1991; Schacht et al., 2014, 2015). Например, работа американских антропологов 2016 года, исследовавших агрессивное поведение и случаи насильственных преступлений в различных штатах США, показала, что в населённых пунктах, где имеется дисбаланс полов с преобладанием женского населения, мужчины чаще, а не реже демонстрируют склонность к противоправным актам и агрессивному поведению, что часто связано с различного рода соперничеством и прямым противостоянием мужчин друг с другом. В этих штатах фиксируется рост нарушений закона, насильственных преступлений, в том числе и сексуального характера, а также зафиксирован рост особо тяжких преступлений, включая убийства (Schacht et al., 2016). Исследователи также показали, что количество случаев нарушения закона, ассоциированное с торговлей сексуальными услугами и насилием, такими как: проституция, сексуальные домогательства, оскорбления и дискриминация женщин по признаку пола, достоверно выше в штатах с преобладанием женщин (Schacht et al., 2016).

Исследование 2017 года, проведённое в Северной Ирландии, показало, что мужчины в населённых пунктах, где высока конкуренция за брачных партнёров

склонны реагировать на возросшую внутривидовую конкуренцию вовсе не через brutальную агрессию, а посредством ресурсных, монетарных и экономических рычагов, в том числе и через родительские инвестиции и усиленную заботу о детях. Антропологами была проанализирована разница в родительских инвестициях отцов в зависимости от места жительства семьи. Вся выборка была поделена в соответствии с имеющимися данными о соотношения полов на 4 группы; где первый квартиль соответствовал значениям с крайне низким соотношением полов в регионе 0.64—0.93, второй квартиль соответствовал значениям 0.94-0.98; третий квартиль имел соотношение полов от 0.99 до 1.05; четвертый квартиль соответствовал высоким значениям соотношения полов, свыше 1.06-2.08³. Для оценки уровня родительских инвестиций отцов исследователи ввели параметр длительности совместного проживания отца с матерью и детьми. Результаты показали, что в тех населённых пунктах Северной Ирландии, где присутствует недостаток мужского населения, только 39% мужчин проживали совместно с женой и детьми. В то же время в областях, где присутствует количественный перевес мужского населения, уже 52% мужчин вели совместное хозяйство со своей женой и детьми. Однако мужчины с высоким уровнем образования и дохода проживали со своими семьями в 95% случаев независимо от уровня соотношения полов в регионе. Таким образом, авторы заключают, что разводы и снижение показателей включенности отца в воспитание детей более вероятны среди ирландцев в областях с преобладанием женского населения, что особенно ярко проявляется в наименее защищённых слоях населения (Ugglá, Mace, 2017).

Многочисленные кросскультурные исследования указывают на то, что преобладание мужчин в популяции соотносится с отложенной репродукцией, низким числом матерей-одиночек в обществе, а также со снижением предпочтений краткосрочных сексуальных связей и относительно меньшим количеством

³ В демографии и экологии человека численный параметр соотношение полов соответствует частному от деления количества мужского населения на количество женского. Сбалансированным соотношением полов признаются величины близкие к единице.

сексуальных партнёров как у мужчин, так и у женщин (Guttentag, Secord, 1983; Pedersen, 1991; Barber, 2001; Adimora et al., 2013; Pouget et al., 2010; Ugglá, Mace, 2016; Schacht, Mulder, 2015). Фактор соотношения полов в обществе может иметь существенное влияние на модели репродуктивного и брачного поведения, а также на количество внебрачных сексуальных связей, что может даже отражаться в эпидемиологических показателях распространения заболеваний, передающихся половым путём, включая вирус иммунодефицита человека (Adimora et al., 2013; Guttentag, Secord, 1983). Относительный дефицит мужчин в социальном окружении женщин подчас ограничивает возможности представительниц прекрасного пола влиять на ситуацию в семье, затрудняет реализацию полноценных партнёрских отношений (Adimora et al., 2013). При выраженном дисбалансе полов в обществе мужчины имеют повышенные шансы на создание новых отношений и легко реализуют этот сценарий, если считают, что их основные отношения являются проблематичными (Aral, 1999). Кроме того, мужчины с несколькими параллельными сексуальными связями могут быть уверены в том, что их основной партнёр не прекратит отношения даже в явных случаях нарушения брачной верности, так как повторное вступление в брак для женщины — чрезвычайно трудная задача в условиях имеющегося в обществе дефицита партнёров (Thomas, Thomas, 1999).

В связи с вышесказанным лонгитюдные и прогностические исследования и модели влияния очагов дисбаланса полов на особенности семейных отношений в обществе представляет особый научный интерес. В исследовании австралийских авторов 2017 года приводятся убедительные доказательства того, что современное состояние удовлетворённости браком для жителей австралийского континента статистически значимо выше в тех областях, в которых в прошлом фиксировался избыток мужского пола. Как свидетельствуют исторические документы, заселение австралийского континента европейцами в XVIII и XIX веках не было однородно с точки зрения количества переселенцев мужского и женского пола. Дисбаланс половозрастного состава общества времён колониальной Австралии, как оказалось,

всё ещё имеет существенное влияние на современные социальные процессы жителей этого континента. Модели брачного поведения и специфика взаимоотношений полов, по всей видимости, могут сохраняться в культурном коде длительное время, даже после того, как дисбаланс полов исчезает (Grosjean, Brooks, 2017). Исследователями было обнаружено, что определённые культурные и социальные эффекты избытка мужского населения сохраняются 150—180 лет спустя. Полученные выводы явно указывают на то, что несбалансированное соотношение полов может оказывать стойкое пролонгированное влияние на динамику брачных отношений в общественном культурном коде. Результаты проведённой работы показали, что женщины имели и по-прежнему имеют более выгодные позиции на так называемом «брачном рынке» в регионах, в которых в прошлом имелся избыток мужского населения. В частности, было установлено, что в таких регионах гораздо меньше женщин оставались незамужними. Представительницы слабого пола из этих мест чаще вступали в законный брак по сравнению с данными, поступающими из других регионов. Характерно, что женщины в этих областях были реже заняты работой вне дома. Результаты проведённого опроса указывают на то, что современные женщины, проживающие в регионах с фиксируемым в прошлом высоким соотношением полов, в среднем счастливее в своих брачных союзах, и они сообщают о большей удовлетворённости жизнью в целом. Неожиданным результатом данного исследования было, однако, и то, что мужчины в этих областях также давали высокие баллы удовлетворённости своим браком и жизнью. Авторы исследования предполагают наличие феномена «слияния» или синхронизации мужских и женских представлений о счастье в случае деэскалации конфликта полов.

Детально разработанная концепция влияния числового соотношения мужского и женского населения на результаты конфликта полов, а также на особенности брачных позиций и возможностей мужчин и женщин в обществе в целом впервые была представлена Марсией Гутентаг и Паулом Секордом в 1983 году (Guttentag, Secord, 1983). В книге «Слишком много женщин» (*англ.* «Too many

women») авторы проводят обширный исторический экскурс во времена античных государств, в Средневековую Европу, анализируют литературные источники, переписи населения и археологические данные о половозрастном составе этих обществ, сопоставляют имеющиеся данные о расстановке половых ролей в исторических и современных обществах. Теоретическая ценность данной работы заключается в том, что в ней авторы впервые описали популяцию мужчин и женщин в виде своего рода брачного рынка, функционирующего на основе известного в экономике принципа спроса и предложения. На интуитивном уровне этот биосоциальный закон взаимоотношения полов, заимствованный из базовых основ экономической теории, довольно прост и понятен. Так, если у представителей одного пола присутствует богатый выбор партнёров, а у другого пола выбор количественно ограничен, более редкий пол может предъявлять повышенные требования к избраннику или избраннице. Таким образом, для того чтобы найти себе пару, представители численно превосходящего пола, вынуждены угодить запросам противоположного пола. Как правило, женщины, как основные опекуны своим рождённым детям, а также по причине длительного пренатального развития ребёнка в утробе матери с последующим многомесячным периодом лактации и в силу других биосоциальных причин, нуждаются в помощи и поддержке, в связи с чем они высоко ценят качества заботы и поддержки в потенциальном партнёре — отце будущих детей. В то же время брачное и репродуктивное поведение мужчин варьирует в зависимости от наличия и доступности потенциальных половых партнёрш. Когда женщины имеют выраженный численный перевес в популяции, мужчины предпочитают инвестировать в краткосрочные сексуальные отношения и склонны к полигамии, при этом они не готовы жертвовать значительное количество усилий на матримониальные и родительские инвестиции. И напротив, когда имеется недостаток женщин в обществе, мужское брачное поведение может резко измениться. В таком случае мужчины будут предпочитать краткосрочным связям

долгосрочные союзы, предполагающие ресурсные инвестиции в семью и детей и большую верность своим партнёрам (Noë et al., 2001).

В современной концепции брачного рынка, предложенной М. Гуттентаг и П. Секордом в 80-х годах XX века, и впоследствии дополненной ключевыми понятиями из теории полового отбора (Darwin, 1871), активно применяются математические методы теории игр, что позволяет исследователям прогнозировать в терминах дарвиновской приспособленности определённые бонусы и затраты, возникающие для каждого из полов в ответ на относительную нехватку партнёров противоположного пола или же, напротив, в ответ на избыток партнёров. Внедрение исследовательских методов математической симуляции расстановки половых ролей убедительно показало, что для представителей мужского пола в большинстве случаев целесообразность инвестиций в попытки полигинных связей возрастает, когда присутствует больше, а не меньше доступных репродуктивных возможностей, то есть присутствует большее число свободных женщин в популяции (Loo et. al., 2017). Когда же в популяции имеется дефицит женщин репродуктивного возраста, мужчины, разрывающие контакт с имеющейся половой партнёршей с целью наращивания своей приспособленности за счёт увеличения числа половых контактов на стороне, могут столкнуться с проблемой возрастающих временных интервалов вне репродуктивных событий (вне секса). Тогда как противоположная стратегия сохранения парной связи, когда мужчина остаётся со своим первоначальным партнёром и предоставляет родительскую заботу общему потомству или практикует охрану партнёра, становится более выгодной тактикой. Таким образом, только если представители мужского пола количественно превосходят женский пол, они будут вынуждены сокращать свои энергетические траты и усилия, направленные на попытки установления полигинных связей. У тех биологических видов, у которых при выборе партнёра присутствует избирательность особей женского пола, представители мужского пола вынуждены подстраивать своё поведение в соответствии с ожиданиями потенциальных партнёрш, и поэтому в условиях возросшей внутривидовой

конкуренции, мужской пол предлагает слабому полу наиболее востребованный у него продукт — заботу и опеку общему потомству, жертвуя при этом своими нереализованными возможностями по поиску дополнительных репродуктивных перспектив. Предполагается, что оптимальное репродуктивное поведение зависит от динамики коэволюции обратных связей между дефицитом партнёров, преимуществами в стратегиях спаривания, временем обеспечения родительской заботы, а также смертностью, связанной как с родительской заботой, так и с конкуренцией за половых партнёров (Schacht, Mulder, 2015; Loo et. al., 2017).

Для определения предпосылок к возникновению моногамии в эволюции человека С. Лу и К. Хокс с соавторами, используя методы математического моделирования, предложили исследовать три конкурирующие модели репродуктивного поведения у мужчин: (1) заботливый отец, (2) полигамный мужчина и (3) ревнивец, охраняющий свою подругу. Здесь и далее под охраной (англ. *guarding*) подразумевается поведение, направленное на пресечение всякой возможности копуляции партнёрши с другими представителями мужского пола (Loo, Hawks, Kim, 2017). Согласно их расчётам, возникновение охранного поведения у мужчин вероятно тогда, когда присутствует избыток представителей мужского пола в популяции, что с одной стороны, идёт рука об руку с эволюцией возникновения парных связей у нашего вида, а с другой стороны, напрямую ассоциировано с появлением менопаузы в жизненном цикле женщин. Предполагается, что возникающий в связи с менопаузой дефицит фертильных женщин увеличивал приобретаемую выгоду (выраженную в единицах приспособленности) от охраны партнёра; такая охрана эффективно предотвращала попытки соперников к спариванию. Указанная расстановка сил могла в итоге привести к победе этой стратегии над другими поведенческими стратегиями у мужчин ещё на заре эволюции человека.

В популяциях с выраженным дисбалансом полов в сторону численного перевеса мужчин, отбор будет благоприятствовать закреплению у мужчин поведенческих черт, так или иначе связанных с целями охраны и монополизации

партнёрши. Такое охранное поведение мужчины может проявляться через смесь дуалистических качеств: через защиту и опеку партнёрши, через сексуальную и личностную привязанность, преданность. В результате объективированное у человека чувство влюблённости, в некотором роде, является манифестацией на психоэмоциональном уровне этого, казалось бы, сугубо биологического вида поведения охраны. В то же время охрана партнёрши может выражаться и через ревность и контроль за поведением женщины и даже иногда проявляться в экстремальных формах семейного насилия (Buss, Shackelford, 1997). Все эти поведенческие и психоэмоциональные акты в итоге способствуют сохранению сексуальной верности партнёрши прежде всего ценой неотступного физического присутствия поблизости или посредством монопольного контроля над её репродуктивной функцией. Такое поведение охраны должно ознаменоваться возникновением стабильной пары, которая обладает определённым набором сложных внутренних психологических механизмов, способствующих сохранению и поддержанию этого союза в течение длительного временного промежутка. При этом формирование долгосрочных парных отношений логически ассоциировано с отцовским вкладом и последующим ростом репродуктивной эффективности партнёрши — ростом её плодовитости (Norwood et al., 2015; Royle et. al., 2016).

Среди изменений в брачном поведении мужчин, возникающих в случае дисбаланса полов, хотелось бы ещё раз выделить изменения родительского поведения последних. Многочисленные математические модели показали, что численный перевес индивидов мужского пола способствует отбору поведенческих черт и качеств заботливого родителя у представителей сильного пола (Yamamura, Tsuji, 1993; McNamara et al., 2000; Houston, McNamara, 2002; Kokko, Jennions, 2008). Как отмечалось выше, репродуктивные усилия мужчин в случае избыточного количества представителей противоположного пола, закономерным образом смещаются в сторону краткосрочных сексуальных отношений за счёт снижения ценности длительных моногамных отношений и, прежде всего, за счёт снижения инвестиций в партнёра и общее потомство. Аналогичным образом сохранение

длительной моногамной связи с имеющимся половым партнёром и забота об общих детях становится более адаптивным репродуктивным решением для мужчин в случае, если в популяции присутствует много конкурентов мужского пола, при этом полигиния более не поддерживается отбором (Carroll, Corneli, 1995; Fromhage et al., 2005, 2008). При этом в обществах с развитой экономикой социальные последствия изменений родительского поведения мужчин не могут остаться незамеченными.

Можно предположить, что при изменении модели репродуктивного поведения мужчин в сторону приоритета краткосрочных сексуальных отношений за счёт снижений инвестиций в семью, стоит ожидать, прежде всего, и пропорциональное изменение (снижение) экономических вложений, которые будет направлять мужчина на нужды своих детей, так как экономические, монетарные возможности, доступные мужчине, представляют собой ограниченный ресурс. При увеличении удельного веса затрат, направляемых мужчиной на цели укрепления его позиций на брачном рынке, на привлечение (и даже покупку) новых партнёш, оставшиеся у него в распоряжении денежные ресурсы и временной потенциал естественным образом сокращаются. Предполагается, что на общенациональном уровне подобные смещённые приоритеты будут негативно отражаться на суммарном уровне отцовских родительских инвестиций, а, следовательно, и на итоговом уровне человеческого капитала следующего поколения (Backer, 1993).

Как указывает Рут Мейс — британский антрополог и эволюционный биолог, крупнейший исследователь вопросов демографии, на сегодняшний день существует ряд профессий, обучение которым требует значительных инвестиций и многолетней подготовки. Подобные инвестиции в воспитание и учёбу ребёнка позволяют ему в дальнейшем конкурировать со сверстниками в том числе, и за брачных партнёров, и за рабочие места, как за средство экономической поддержки будущей семьи. А если растущее население глобального мира теоретически

наращивает общемировую конкуренцию, воспитание будет требовать увеличения родительских вложений, а никак не снижения этих вложений в детей (Масе, 2008). При этом финансовое благополучие (богатство), забота и образование могут рассматриваться как полноценные родительские инвестиции и как проявления родительской заботы (Масе, 2008).

ГЛАВА 2.

Соотношения полов и родительский вклад

2.1. Биодемографические и географические параметры исследуемой кросснациональной выборки

В Таблица 1 приведены биодемографические параметры исследуемых выборок.

Таблица 1. Демографические параметры выборки в трёх исследуемых культурных контекстах

	Бразилия	Россия	США
<i>N</i>	601	302	314
Возраст, среднее (<i>M</i>)	25.5	29.1	18.9
Возраст, стандартное отклонение (<i>SD</i>)	9.28	9.82	1.37
Возраст, (<i>min- max</i>)	16-67	17-67	18-30
Женщины, <i>n</i>	468 (78%)	214 (71%)	77 (70%)
Мужчины, <i>n</i>	133 (22%)	88 (29%)	32 (29%)

Обширная география участников опроса с указанием количества респондентов, принявших участие из каждой из стран, показана на рисунке 1.

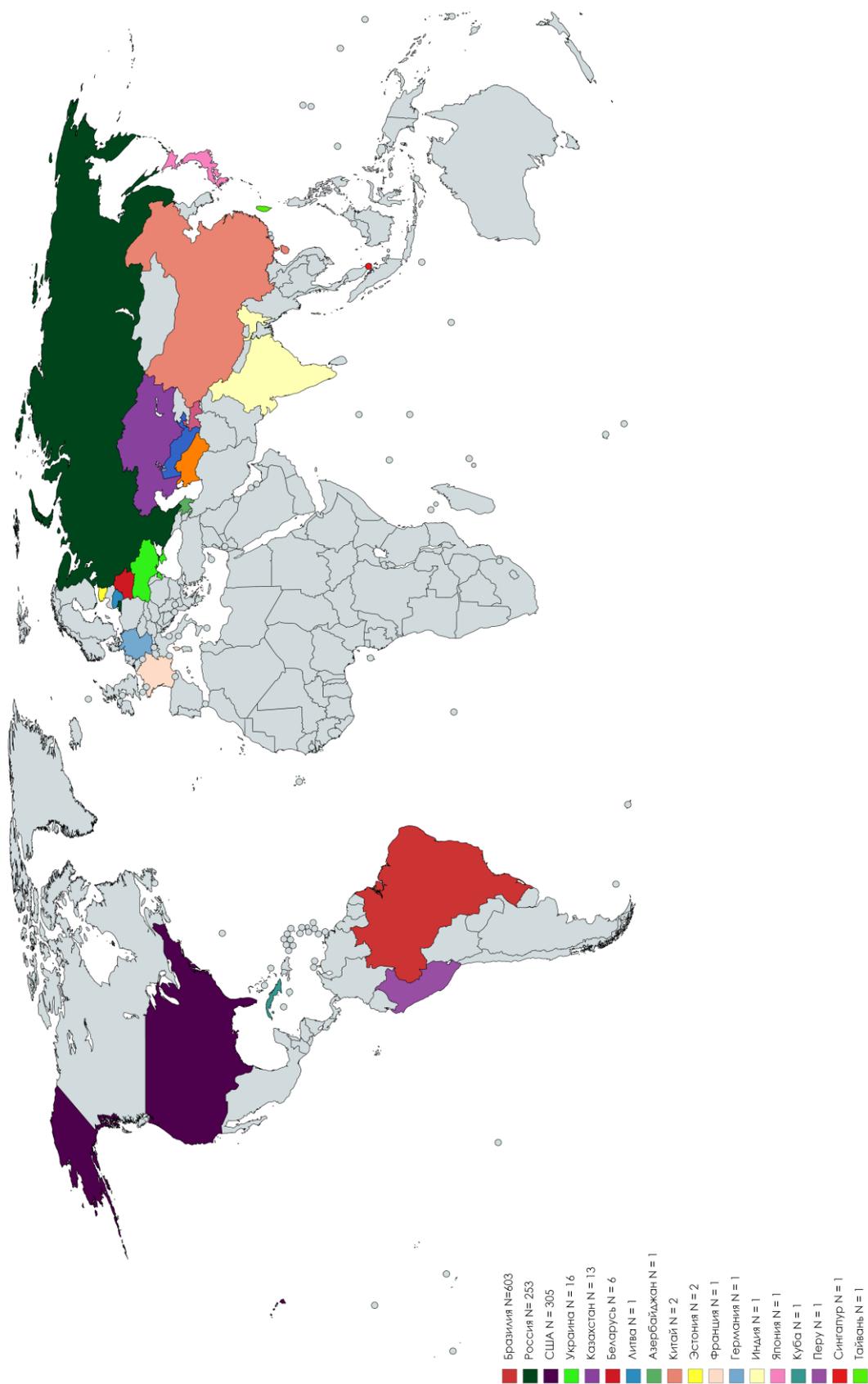

Рисунок 1. Список стран, в которых прошло детство принявших участие в опросе

На рисунках 2,3 и 4 показаны регионы, где проходило детство респондентов. Интенсивность цветов указывает на число принявших в опросе респондентов из каждого региона.

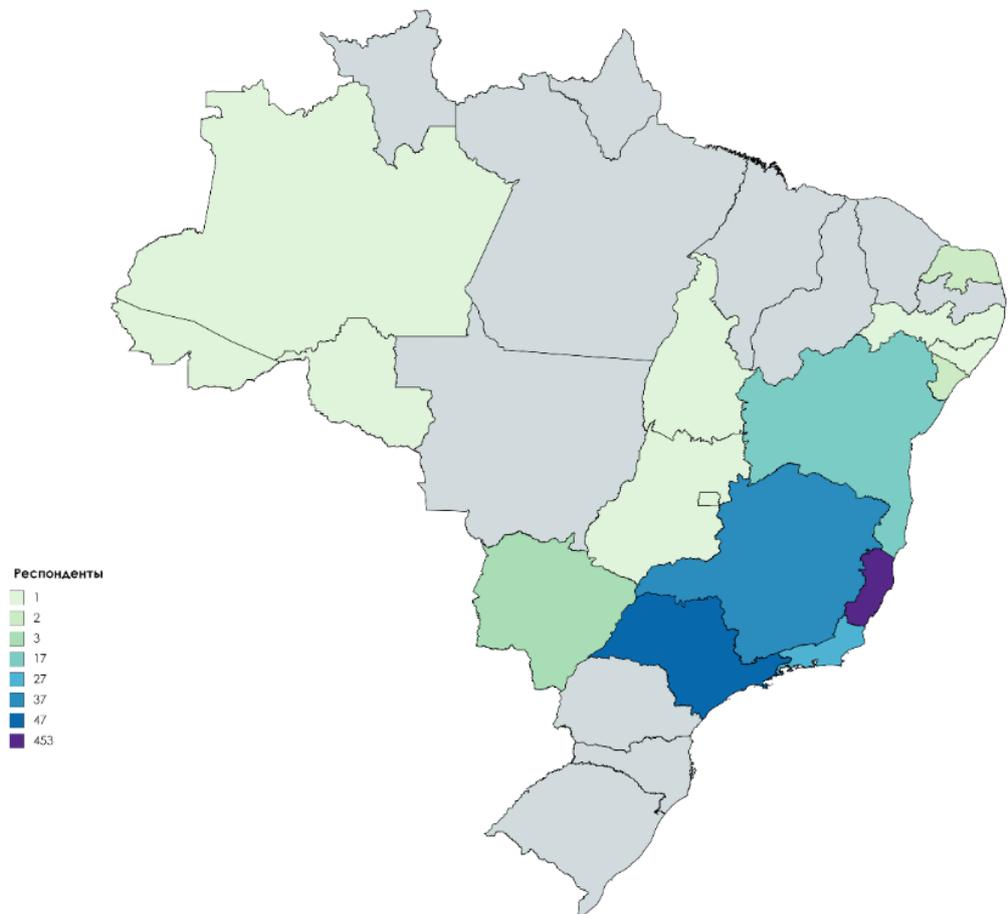

Рисунок 2. *Распределение участников опроса по штатам Бразилии*

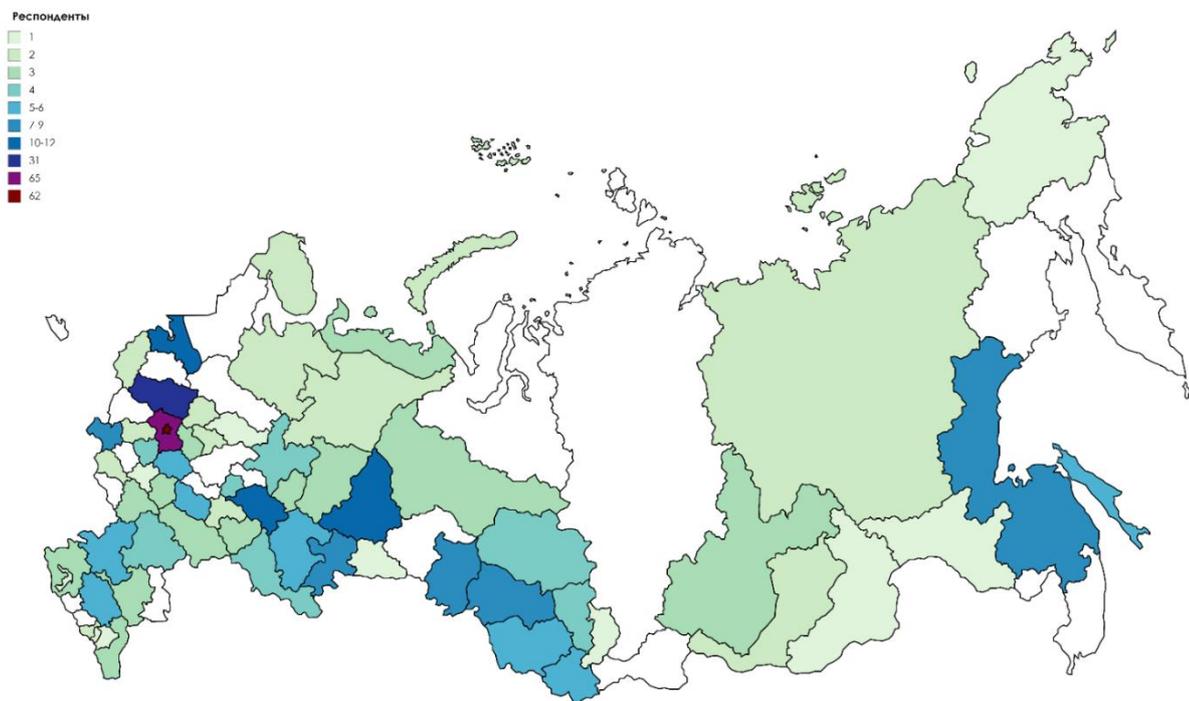

Рисунок 3. Распределение участников опроса по регионам Российской Федерации

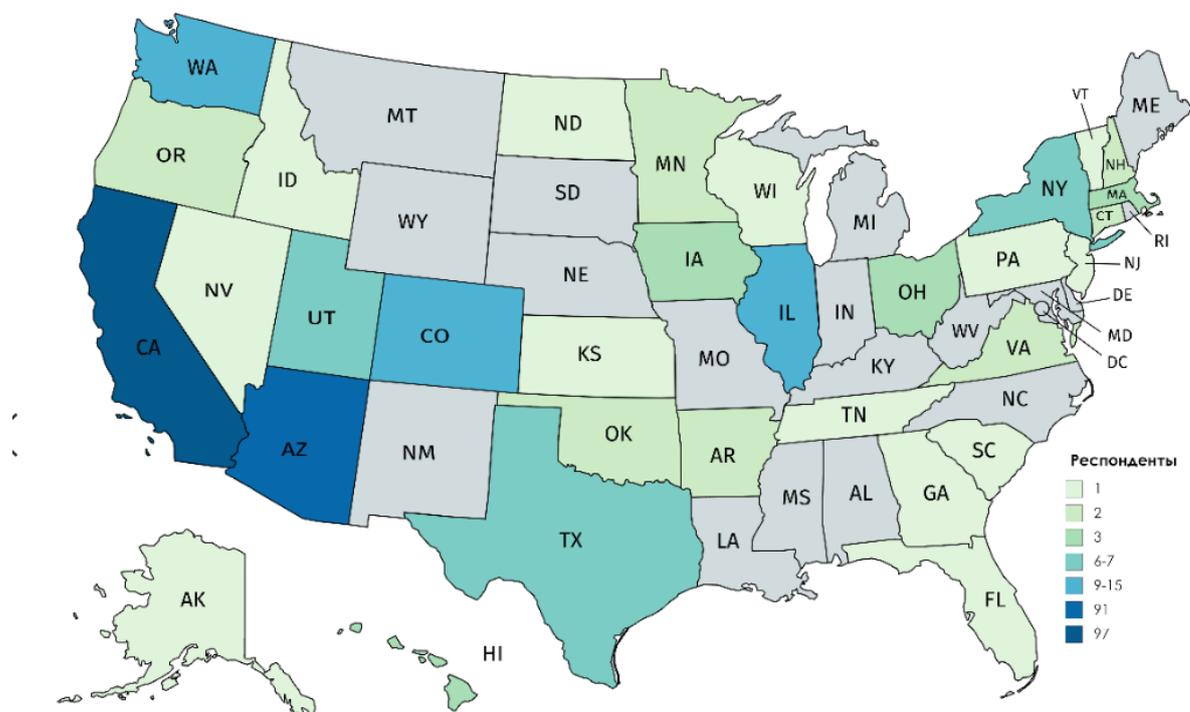

Рисунок 4. Распределение участников опроса по Соединенным Штатам Америки

2.2. Оценка надёжности шкалы отцовский родительских усилий

В этой части исследования для оценки отцовских инвестиций нами были использованы результаты вошедшего в онлайн-анкетирование опросника *Шкала родительских инвестиций отца* (Cabeza de Vaca, Figueredo, Ellis, 2012). Все вопросы данной анкеты были переведены на три национальных языка: русский, английский и португальский с использованием метода двойного обратного перевода — обязательной процедуры подготовки опросников для кросскультурных и мультиязычных исследований. Полный опросник на русском языке *Шкала отцовских инвестиций отца* приведен в Приложение № 1.

Шкала содержит три группы вопросов, отражающих участие отца в воспитательном процессе: (1) ежедневное родительское участие; (2) регулярные отцовские усилия; (3) участие отца в жизни ребёнка.

В таблице 2 приведены результаты процедуры оценки согласованности вопросов в едином опроснике для трёх культур с применением методов анализа надёжности вошедших вопросов в результирующие факторные переменные и метода взвешенных факторных нагрузок (Cronbach, 1978). В результате проведённого анализа надёжности были получены высокие и очень высокие результаты надёжности применяемого опросника.

Таблица 2. Оценка надежности фактора «отцовские усилия»

	Альфа Кронбаха	Внутриклассовые коэффициенты корреляции
Шкала отцовских усилий		
<i>Повседневные родительские обязанности</i>	.903**	.903**(.893)
<i>Менее регулярные родительские функции</i>	.867**	.929**(.900)
<i>Вневременные родительские функции</i>	.89**	.860**(.881)

** $p < .01$, * $p < .05$

Указанные методы анализа надёжности, как и последующая статистическая обработка произведены с использованием программного продукта *MS Excel 2019 (Microsoft, 2019)*, *IBM SPSS statistic*, и в программной среде *R (Lme4 package)*.

2.3. Анализ влияния параметра соотношения полов на отцовский вклад в заботу о детях

Во второй главе аналитической части диссертационной работы был проведён расширенный статистический анализ отцовского вклада в ребёнка в трёх культурных контекстах: в России, США и Бразилии, а также исследовано влияние фактора соотношения полов на выраженность отцовской заботы в этих культурах.

Учитывая представленные в первой главе теоретический материал, указывающий на высокий потенциал влияния параметра соотношения полов в популяции на уровень отцовского участия в воспитательном процессе ребёнка, мы

проанализировали влияние этого фактора на уровень отцовской заботы. Для этого на предварительном этапе работы с данными мы соотнесли указанное респондентами при заполнении опросника место проживания семьи с данными по соотношению полов, размещёнными в открытых источниках, таких как: *World Bank*⁴; *CEIC Data*⁵; *Федеральная служба государственной статистики*⁶. Включение данных социодемографических параметров из открытых источников позволило нам ввести в анализируемые данные дополнительный параметр — соотношение полов в странах и регионах проживания семьи респондента. Согласно собранным данным по трём поднаборам, детство респондентов проходило в 21 стране (рисунок 1).

При этом для России, США и Бразилии мы дополнительно использовали данные по распределению соотношения полов согласно штатам или крупным административным субъектам внутри этих трёх национальных единиц (согласно делению по штатам, представленном на рисунках 2, 3 и 4).

После введения дополнительной переменной «соотношение полов» мы применили регрессионный анализ с целью определения влияния этого фактора на уровень отцовских инвестиций в совокупной выборке. В результате проведённого регрессионного анализа были получены данные о достоверном влиянии фактора соотношения полов на отцовские усилия с высоким уровнем статистической значимости ($p\text{-value} < .001$; $F = 15.626$; $Df=878$). Коэффициент детерминации составил $R^2 = .017$, что хоть и указывает на то, что только порядка 2% всей дисперсии в ответах респондентов относительно участия в заботе их отца в воспитании определяемо параметром соотношения полов в месте проживания семьи, тем не менее полученные результаты обладают высокой статистической значимостью, свидетельствующей о достоверном присутствии влияния фактора

⁴ URL: <https://databank.worldbank.org/Population-sex-ratio/id/66e5c847>, дата обращения: 15 мая 2020.

⁵ URL: <https://www.ceicdata.com/en/about-us>, дата обращения: 15 мая 2020.

⁶ URL: <https://rosstat.gov.ru/>, дата обращения: 15 мая 2020.

дисбаланса полов в формировании региональной специфики отцовства. Полученное уравнение регрессии предполагает рост стандартизированных значений отцовских усилий в соответствии с рассчитанным коэффициентом $B = 1.389$, предполагающем увеличение на 1.38 пункта в уровне отцовской заботы (в стандартизированной шкале) при росте в популяции соотношения количества мужчин по отношению к женщинам на одну условную единицу.

Визуализация этого положительно тренда в росте отцовских усилий с увеличением относительного количества мужского населения в популяции представлена на рисунке 5, где дополнительно цветами показаны три национальные подгруппы респондентов.

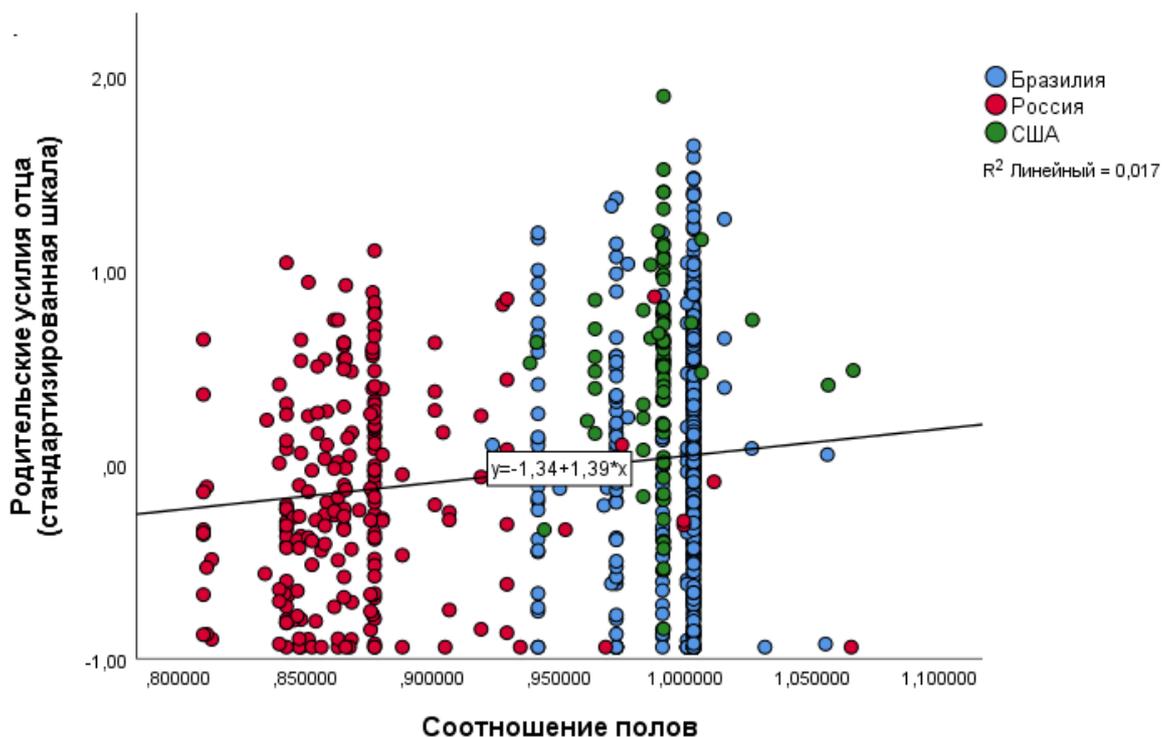

Рисунок 5. Прогнозируемый рост в уровне участия отца в заботе о ребёнке в зависимости от фиксируемой в обществе абсолютной величины численности мужчин, соотнесённой с абсолютными показателями численности женщин. Тримя цветами показаны ответы респондентов из трёх исследованных культурных контекстов: красным цветом показаны ответы респондентов на русском языке, синим цветом показаны ответы респондентов на португальском языке, зелёным цветом отмечены респонденты на английском языке, преимущественно полученных у респондентов из США.

Характерно, что на графике (рис. 5) соотношение полов в выборках исследуемых трёх культур представлено неравномерно, и с высокой долей вероятности эти три подгруппы будут обладать межгрупповыми различиями в средних значениях величины *соотношение полов*. Очевидно, что российские респонденты, отображённые на графике красным цветом, преимущественно указывали на то, что их детство прошло в регионах с выраженным дисбалансом полов, с явным превалированием женского населения над мужским. В отличие от российской выборки, респонденты из США и Бразилии указали, на то, что их детство проходило в штатах с относительно сбалансированным распределением полового состава взрослого населения.

Такая несбалансированность в исследуемых нами выборках по показателю соотношения полов согласуется со статистическими данными, размещёнными в открытых источниках. В частности, данные, предоставляемые Всемирным банком (*World Bank*) начиная с 1960 года, указывают на стабильный дисбаланс полов в российском обществе с выраженным численным перевесом женского населения над мужским. На рисунке 6 представлены показатели процентной доли мужчин в трёх странах (Россия, Бразилия, США) начиная с 1960 года⁷. Основываясь на этих данных, можно заключить, что в Бразилии и Америке соотношение полов близки по своим показателям к сбалансированному состоянию и имеют лишь незначительный перевес женского населения в обеих странах. Как известно, сбалансированным соотношением полов признаются величины близкие к 1, когда отношение взрослых мужчин к женщинам составляет порядка 0.95—1.05. К несбалансированным же относятся такие соотношения как: низкое соотношение, когда отношение взрослых мужчин к женщинам меньше 0.95; крайне низкое, когда это соотношение меньше 0.9 и повышенное, когда отношение мужчин к женщинам составляет больше 1.06 (Семенова, Бутовская, 2019).

⁷ World Bank, данные доступны по ссылке <http://databank.worldbank.org/data/Population-sex-ratio/id/66e5c847>; дата обращения 05.06.2020.

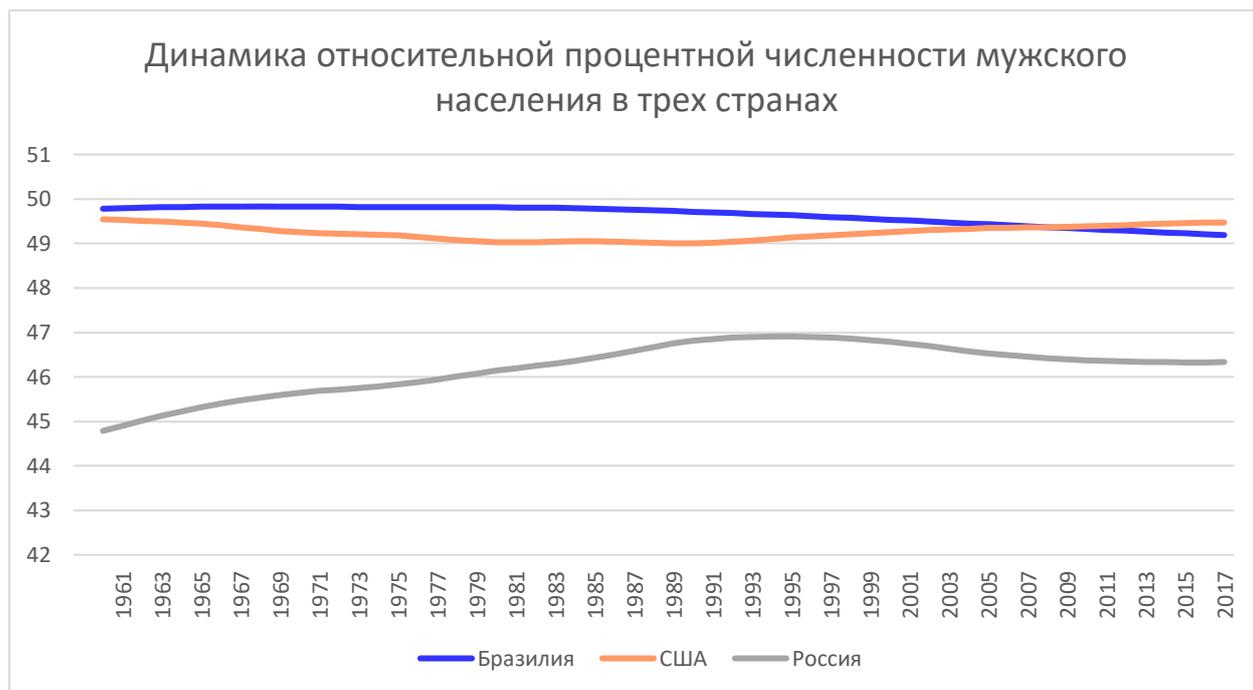

Рисунок 6. Динамика изменений процентной доли мужского населения в трёх странах начиная с 60-х гг. XX вв.

Таким образом, выраженное преобладание женского населения в России сохраняется уже более полувека, что формирует характерный демографический профиль народонаселения России. На 1 января 2017 года общая численность мужчин составила 68,1 млн человек, женщин — 78,7 млн.; на 10,6 млн больше или на 15,6% больше женщин, чем мужчин⁸.

В работах социологов и антропологов, исследующих устойчивые изменения в соотношении полов в популяциях человека, в отношении сложившейся демографической картины России применяется термин *Russia's missing men* — *потерянные мужчины России* (перевод автора), в то время как понятие *missing women* — *потерянные женщины* — широко используется в современной мировой

⁸ Федеральная служба статистики, URL:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#, дата обращения: 16.01.2018.

науке применительно к таким странам, как Китай и Индия (Jayachandran, 2017), где по данным, на 2016 год соотношение полов соответствует 1.06 для Китая и 1.08 для Индии. При этом на сегодняшний день в этих странах присутствует некоторое преобладание количества пожилых женщин над пожилыми мужчинами. Соотношение полов в возрасте свыше 65 лет соответствует 0.9 в Индии, а в Китае оно равно 0.91. В то время как в Великобритании для старших возрастных групп соотношение полов равно 0.76 и для США — 0.75. В России соотношение полов в старших возрастах группах чрезвычайно низкое, и составляет всего 0.45 (Bhattacharya, 2015).

Между тем в России при рождении и на протяжении всего периода детства соотношение полов соответствует обычным нормам в других странах. Выраженный дисбаланс в соотношении полов начинает проявляться в среднем возрасте, когда активизируются негативные тенденции роста смертности среди мужчин. В результате чего продолжительность жизни российских женщин на 13 лет превышает ожидаемую продолжительность жизни мужчин. Это беспрецедентная для мировой демографии разница (Bhattacharya, 2015).

Среди основных причин формирования такого несбалансированного демографического профиля населения нашей страны социологами особо выделяются экономические проблемы нескольких десятилетий переходного периода конца прошлого века – начала этого (Eberstadt, Shah, 2009). В то же время большинство экспертов сходятся во мнении, что среди основных предпосылок повышенной мужской смертности в среднем и зрелом возрасте, которая и формирует выраженный дисбаланс полов взрослого населения, особо выделяются так называемые внешние причины: ранения, убийства и суициды. При этом алкоголь является частным сопутствующим и усугубляющим фактором наблюдаемой динамики роста мужской смертности в России (Shkolnikov et al., 2002).

Данные, полученные напрямую в результате проведённого авторской командой опроса по регионам проживания респондентов, как и ожидалось,

свидетельствуют о присутствии устойчивой кросснациональной разницы в количестве мужчин и женщин в изучаемых странах. Анализ соотношения полов по изучаемым странам выявил существенную разницу в исследуемых популяциях. На рисунке 7 графически представлены результаты сравнительного анализа, где показаны достоверные различия по уровню соотношения полов в трёх изучаемых культурных контекстах согласно собранным в работе данным по регионам проживания семей.

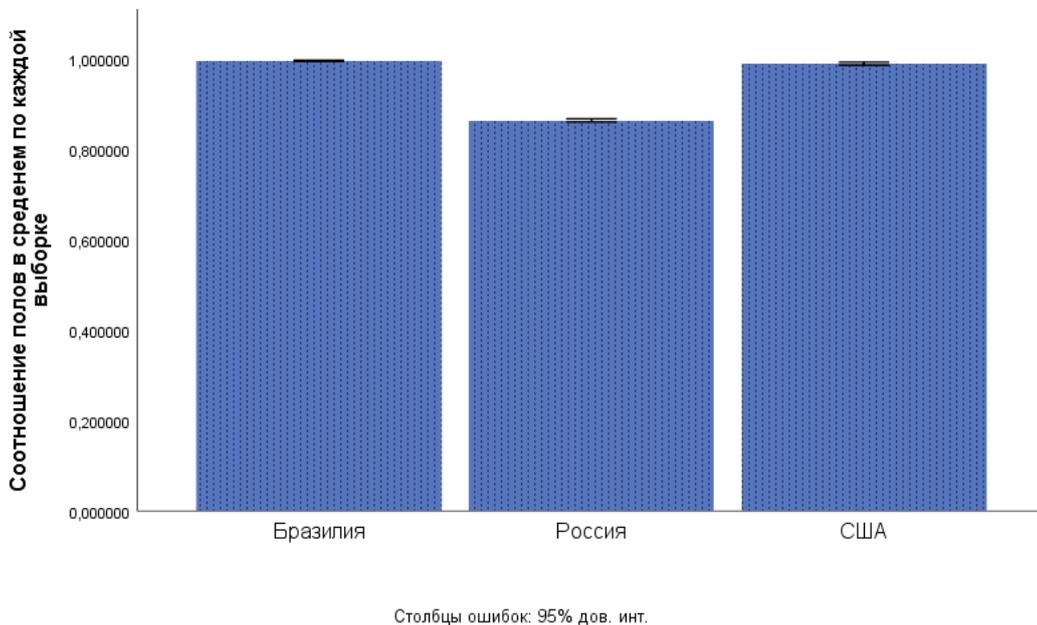

Рисунок 7. Соотношения полов в трех изучаемых культурах, полученное из открытых источников на основе указанных респондентами регионов проживания

Для дальнейшей оценки разницы в степени вовлечённости отца в воспитание мы произвели сравнение средних величин в стандартизированных показателях фактора «усилия отца», рассчитанного путём агрегации собранных ответов на вопросы из опросника *Шкала отцовских усилий*.

В результате проведённого анализа дисперсий в уровне исследуемого фактора отцовских усилий в трёх культурных средах, нами получена достоверная

разница между этими тремя группами с высоким уровнем статистической значимости $p < .001$, где $F = 33.849$, где $M_{\text{Россия}} = -0.21889$, $M_{\text{Бразилия}} = -0.0893$ и $M_{\text{США}} = 0.37585$ в стандартизированной шкале родительских усилий.

Таким образом, результаты анализа свидетельствуют о достоверных различиях в уровне участия отца в трёх исследуемых культурах. Далее, нами были проведены множественные сравнения результатов в трёх группах по методу Бонферрони, результаты которого представлены в таблице 4.

Таблица 3. Множественные сравнения Бонферрони. Зависимая переменная — отцовские усилия

В какой стране собраны данные:	Выборка сравнения	Средняя разность (I-J)	Стандарт. ошибка	Значимость	95% доверительный интервал	
					Нижняя граница	Верхняя граница
Бразилия	Россия	.2061*	.0764	.021	.0227	.3895
	США	-.8005*	.1118	.000	-1.068	-.5322
Россия	Бразилия	-.2061*	.0764	.021	-.3895	-.0227
	США	-1.0067*	.1235	.000	-1.303	-.7104
США	Бразилия	.8005*	.1118	.000	.5322	1.0689
	Россия	1.0067*	.1235	.000	.7104	1.3030

Метод множественных сравнений подтвердил достоверность полученных различий в разнице уровней заботы отца в трёх исследуемых культурных контекстах. Средний уровень вовлечения отца в воспитание в Российской Федерации, согласно расчётам, показывает минимальные значения в сравнении с двумя другими культурами (в обоих случаях наблюдается высокая статистическая значимость получаемых различий). При этом уровень участия отцов в США достоверно выше, чем в двух других исследуемых культурах. Также обнаружена существенная разница в средних баллах уровня отцовских усилий между

российской выборкой и американской. Эта разница составила чуть более одного стандартного отклонения (Средняя разность = -1.0067). В Бразилии же отцы продемонстрировали медиальные значения своих усилий при воспитании детей. Результаты сравнительного анализа графически представлены на рисунке 8.

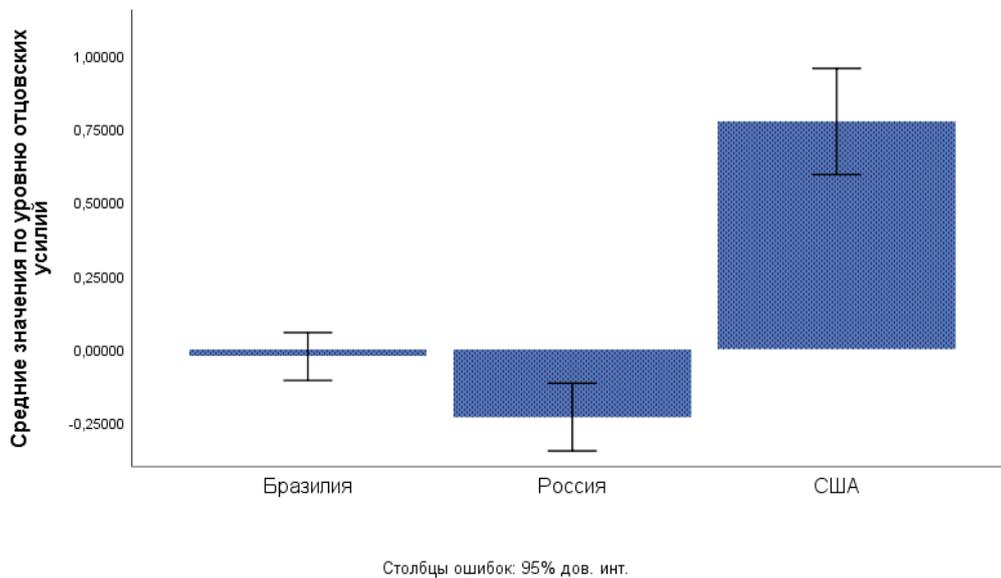

Рисунок 8. Сравнение средних стандартизированных значений в уровне отцовских усилий при воспитании ребёнка в семьях в трёх культурах с отображением 95% доверительных интервалов в параметрах средних значений

2.4. Следствия, выводы и дальнейшие перспективы исследований

Проведённое исследование частично подтверждает гипотезу о негативном влиянии низкого соотношения полов на уровень участия отца в воспитательном процессе. Регрессионный анализ уровня отцовских усилий в совокупной выборке и последующий дисперсионный анализ усилий отца в трёх культурах продемонстрировали схожие результаты: выраженный дисбаланс в уровне соотношения полов приводит к значительному снижению уровня участия отца в заботе о детях как в общей выборке, с участием респондентов из 21 страны, так и

исходя из результатов прицельного анализа уровней участия отца в каждой из трёх исследуемых культур.

При этом низкий уровень участия отца в российской выборке соответствует предсказанной гипотезой расстановкой брачных позиций мужчин и женщин в российском обществе, где выраженный численный перевес женщин создаёт для представительниц прекрасного пола изначально менее выгодные позиции, а для мужчин, находящихся в численном меньшинстве, напротив, возникают дополнительные возможности при смене репродуктивных стратегий с заботы о потомстве на активный брачный поиск. В результате мы можем предположить, что российские мужчины перенаправляют максимум биоэнергетических усилий с родительских инвестиций на другие формы репродуктивной активности (Семенова, Бутовская, 2020a). Предполагается что, снижая уровень участия в заботе о потомстве и делегирование этих обязанностей по большей части женскому полу, мужчины активнее вступают во внутриполовое соперничество и больше усилий вкладывают в полигинные связи.

Характерно, что для бразильской выборки влияние соотношения полов не было столь выраженным, так как согласно предоставленным данным соотношение полов в исследуемой выборке в Бразилии и в США близко к сбалансированному. Однако разница в участии отца в этих двух странах подтверждена статистическими расчетами: отцовские инвестиции у бразильских отцов существенно ниже, чем у американских. Эта рассогласованность влияния фактора соотношения полов в расширенном регрессионном анализе в трёх выборках представлена на рисунке 9, где тренд взаимосвязи между количеством мужчин обществе и их родительским вкладом в Бразилии имеет обратный угол наклона в сравнении с российской и американской предсказанными моделями (Рисунок 9).

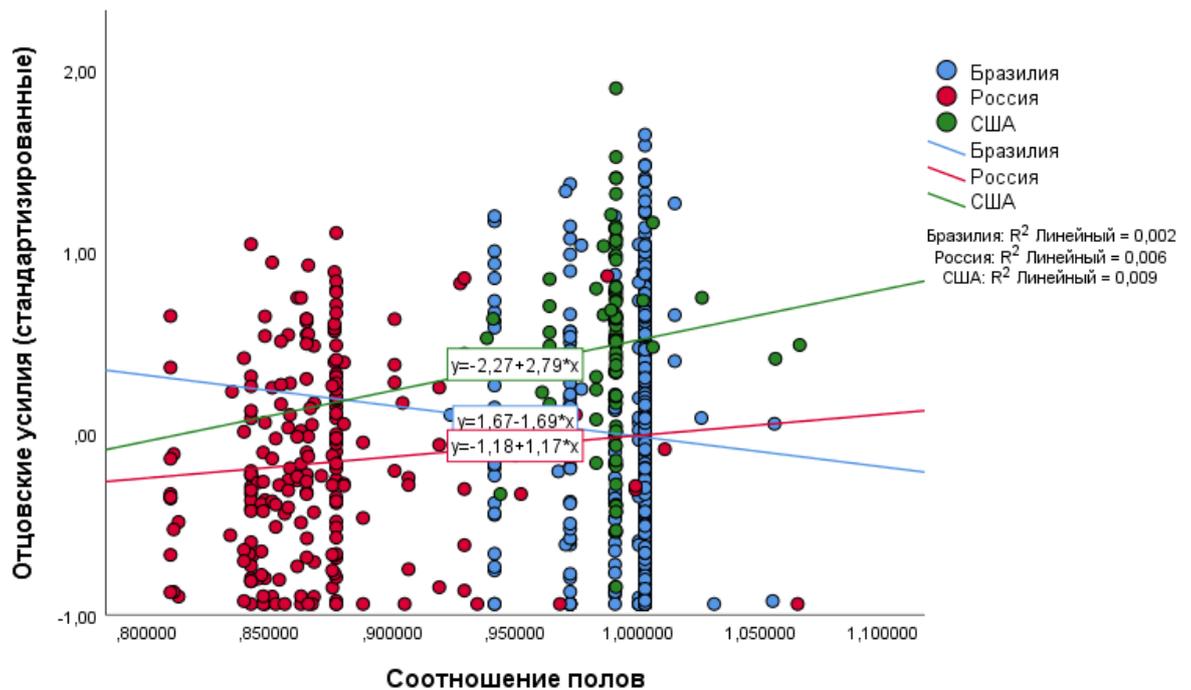

Рисунок 9. Влияние параметра соотношения полов на уровень отцовских инвестиций в трех странах

На основе полученных в анализе расхождений между теоретическими прогнозами и эмпирическими результатами, представленными в регрессионной модели для бразильской выборки, мы предположили присутствие других факторов, влияющих на уровень участия отца в воспитательном процессе, и проявивших своё воздействие наиболее значимо в этой культуре. По нашему мнению, в первую очередь требует проверки гипотеза о выраженном влиянии фактора экономического благосостояния семьи на параметр инвестиций бразильских отцов. Влияние параметра «достаток семьи», а также других дополнительных факторов как на уровень заботы отца, так и на уровень участия других родственников будет проверено в следующей главе аналитической части диссертационной работы.

ГЛАВА 3.

Анализ конструктивной надежности и валидности анкетных вопросов, формирующих латентные группирующие факторы влияния на параметры родственной и родительской заботы

3.1. Моделирование совокупных взаимодействий участников заботы о потомстве у человека

Как было заявлено во вступительной части диссертации, ключевой целью представленного исследования является совокупный анализ взаимодействия участников воспитательного процесса в расширенной трёхпоколенной семье. Теоретическим обоснованием предстоящей аналитической работы послужила концепция совместного воспитания потомства у человека (Kramer, 2010; Hrdy, 1999). Совместная забота предоставляет распространённую форму социального поведения человека в контексте репродукции. Предположительно, такая форма совместного воспитания потомства возникла ещё на заре истории человека как специфическая адаптация, позволившая матери осуществлять длительную, высокочрезвычайно затратную заботу сразу о нескольких детях разного возраста (Hrdy, 1999).

Основной исследовательской целью представленной работы являлся сбор обширного эмпирического кросскультурного материала, а также его последующая многоступенчатая аналитическая обработка преимущественно с применением современных методов многомерного статистического анализа и анализа корреляционных структур в рамках новой, но уже получившей признание техники моделирования структурными уравнениями. Исходя из этих целей и задач, мы последовательно подошли к построению модели совокупных взаимодействий

различных участников воспитательного процесса в расширенной трёхпоколенной семье с учётом установления причинно-следственных связей между ними.

На первом этапе аналитической работы были формализованы роли каждого из членов расширенной семьи исходя из теоретических положений, представленных в первой части теоретической составляющей данной диссертационной работы. В результате вопросы, применённые в онлайн-анкетировании, прошли процедуру исследовательского факторного анализа (англ. *exploratory factor analysis, EFA*), по результатам которого наиболее значимые элементы шкал вошли в несколько ключевых подгрупп, позволивших в дальнейшем преобразовать явные переменные-индикаторы в ряд ключевых латентных переменных — факторов. Для статистической оценки надёжности выбранных шкал были использованы общепринятые стандартные процедуры: выбранные параметры проверялись на внутреннюю согласованность посредством расчета коэффициента *Альфа Кронбаха* для каждой из исследуемых культур. Данный коэффициент представляет собой оценку надёжности, базирующуюся на гомогенности шкалы, и вычисляется посредством подсчета общей внутригрупповой корреляции между ответами испытуемых на вопросы внутри одной и той же тестовой формы. Его расчётная формула принимает во внимание количество вопросов, общую дисперсию оценок индивидов и сумму дисперсий баллов, полученных респондентами по каждому пункту шкалы.

В таблице 4 по каждой из трёх изучаемых выборок представлены результаты, рассчитанных параметров согласованности *Альфа Кронбаха*, использованных при построении факторов; эти параметры показали высокую степень внутренней согласованности характеристик пунктов шкал, агрегированных нами в единые объекты — латентные конструкты.

На следующем этапе аналитической работы мы подробнее ознакомим читателя с описанием всех переменных, вошедших в каждый из пяти приведённых в таблице факторов, а также проведём обязательную процедуру подтверждающего факторного анализа по каждому полученному конструкту.

Таблица 4. Оценка надежности шкал опросника

Фактор и шкалы	Альфа Кронбаха		
	US	BR	RU
Доступность родственной помощи			
<i>Родители матери</i>	.80**	.64**	.89**
<i>Родители отца</i>	.68**	.70**	.80**
Дефицит ресурсов (Бедность)			
	.85**	.79**	.82**
Фенотипическое сходство ребенка и родителя			
Сходства ребенка и матери	.70**	.72**	.75**
Сходство отца и ребенка	.70**	.78**	.77**
Родительский вклад			
Забота матери	.93**	.91**	.90**
Забота отца	.90**	.88**	.89**

* $p < .05$, ** $p < .001$

3.2. Доступность прямой заботы прародителей

В традиционных обществах, где брачные поселения и обычаи совместного проживания в основном соотносятся с базовыми понятиями родства, помощь проживающих совместно с брачной парой родителей (бабушек и дедушек), сестёр и братьев и других родственников индивидов может существенно влиять как на репродуктивный успех такой семейной пары (Mace, Sear, 2005), так и на её

ресурсный потенциал (Sear, Mace, 2008). Предыдущие исследования показали, что совместное проживание молодых в едином домохозяйстве или неподалёку от родителей достоверно увеличивает вероятность дожития до совершеннолетия их малолетних детей (Lahdenperä et al., 2004; Beise, Volland, 2002). Поскольку бабушки и дедушки передают своим внукам четвертую часть своих генов, помощь в воспитании внуков может являться высоко адаптивной стратегией с точки зрения приспособленности для таких родственников (Jamison et al., 2002; Hawkes et al., 1997; Leonetti et al., 2005). Однако количество усилий старших родственников при воспитании внуков, может различаться в зависимости от того, с какой стороны родства, с материнской или отцовской, она оказывается (Beise, 2005). Часто бабушки по материнской линии (*MGM*) проявляют больше участия, нежели бабушки по отцовской линии родства (*PGM*) (Sear, Mace, 2008). Принципиальные различия в уровне оказываемой заботы ребёнку как предполагается, могут быть связаны с фактором неопределённости отцовства для родителя мужского пола. Такая неуверенность в биологическом родстве с ребёнком представляет актуальную биологическую проблему как для отцов, так и для других патрилинейных родственников. Характерно, что такие дифференцированные подходы и стратегии к предоставлению инвестиций прародителями, с выраженным предпочтением вложений во внуков, рождённых дочерьми, были эмпирически подтверждены в целом ряде исследований (Fox et al., 2010; Leonetti et al., 2004; Sear et al., 2000; Volland, Beise, 2002).

В нашем исследовании с целью дальнейшей операционализации понятия помощи прародителей в заботе о подрастающем поколении, были использованы шесть вопросов, в которых участники оценивали степень участия бабушек и дедушек в прямой заботе о них (см. рис. 10). Указанные переменные были агрегированы для формирования двух латентных факторов (1) доступность помощи родителей матери и (2) доступность помощи родителей отца. Вышеназванные шесть манифестируемых переменных были также задействованы в подтверждающем факторном анализе (*CFA*), в котором исследовалась

структурная модель изучаемого явления, предполагающая ассоциацию двух указанных переменных при формировании корреляционной взаимосвязи между матрилинейными и патрилинейными старшими родственниками (рис. 10). Автором были проведены статистические расчёты о сходимости модели. По результатам подтверждающего анализа можно заключить, что применение двух латентных конструктов, полученных из шести манифестируемых переменных, психометрически приемлемо (CFA параметры: *Comparative Fit Index (CFI)* =.85; *Tucker-Lewis Index (TLI)* =.72; *Test statistic* = 153.94; *df*=8; *p-value (Chi-square)* <.001; Среднеквадратическая ошибка аппроксимации (*SRMR*) =.079). Все пути связи показали высокую статистическую значимость $p (>|z|) <.001$; регрессионная взаимосвязь между фактором «Доступность патрилинейных родственников» → «Доступность матрилинейных родственников» также показала статистическую значимость $p (>|z|) =0.003$, $B=.097$). В результате была построена модель путей связи, представленная на рисунке 10.

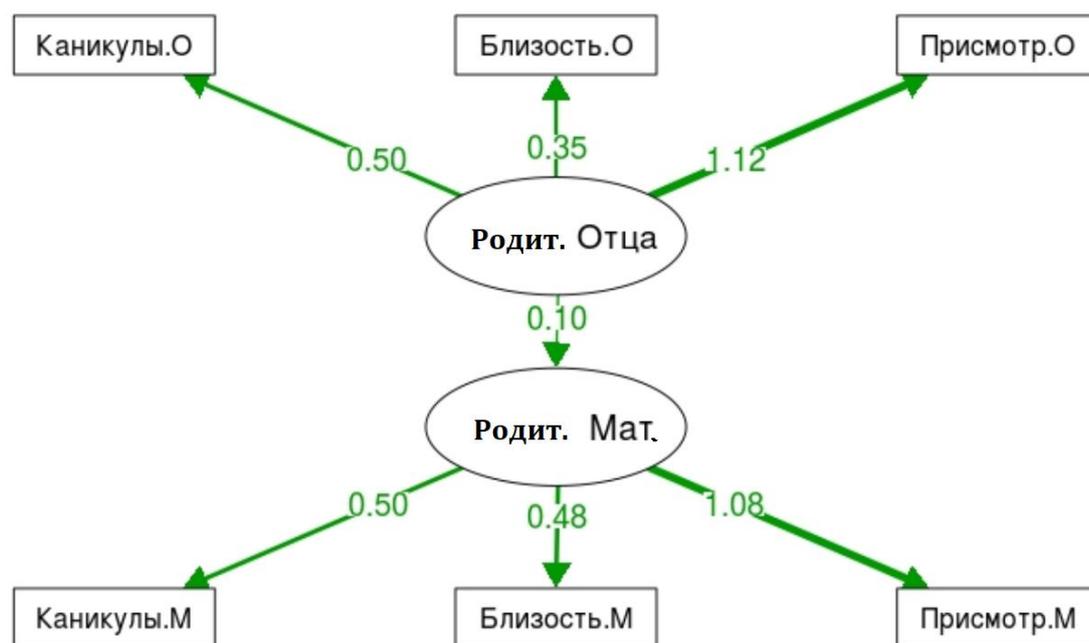

Рисунок 10. CFA Модель доступности помощи прародителей в контексте подтверждающего факторного анализа (CFA). Овалами изображены латентные переменные — конструируемые факторы. В прямоугольниках представлены манифестируемые переменные, соответствующие стандартизованным оценкам, которые были даны в качестве ответов на следующие

вопросы: Каникулы.О — «Как часто Вы проводили с бабушкой и/или дедушкой по отцу каникулы?»; Близость.О — «Как далеко родители отца жили?»; Присмотр.О — «Как часто дедушка и/или бабушка отца сидела с Вами во время Вашей болезни?»; Каникулы.М — «Как часто Вы проводили с бабушкой и/или дедушкой по матери каникулы?»; Близость.М — «Как далеко родители матери жили?»; Присмотр.М — «Как часто дедушка и/или бабушка по матери сидела с Вами во время Вашей болезни?».

3.3. Шкала фенотипического сходства ребенка и родителя

Биологическая природа внутреннего оплодотворения и последующего развития новой жизни в утробе матери у всех представителей класса млекопитающих предполагает различную степень уверенности в родстве с новорождённым для самцов и самок. С этой точки зрения, у людей, относящихся к этому классу животных, перед представителями сильного пола всё так же остро стоит вопрос о достоверности его родства с ребёнком, в то время как сам факт рождения ребёнка женщиной служит неоспоримым доказательством её генетического родства с малышом (Alvergne, Faurie, Raymond, 2010). Можно предположить, что эволюционное развитие поведенческой реакции на определённые сигналы присутствия такого родства будут служить целям роста приспособленности у тех индивидов мужского пола, которые сумели отреагировать на эти сигналы генетической близости с воспитываем им потомством. Предполагается, что, если отец и ребёнок имеют схожие черты лица, а также схожие черты характера, отец может быть в большей степени уверен в своём биологическом родстве с ребёнком и, следовательно, будет склонен вкладывать больше ресурсов в ребёнка (Alvergne, Faurie, Raymond, 2009, 2010). Такая забота может проявляться через эмоциональную поддержку, а также через ресурсный и экономический вклад в ребёнка, в его воспитание и образование, при этом такие вложения могут отражаться в росте затраченного времени на

воспитание ребёнка и на общение с ним (Alvergne et al., 2010; Gallup, Ampel, Matteo, O'Malley, 2016). Следовательно, уровень инвестиций отца может быть чувствителен к наличию такого фенотипического сходства, а также к присутствию сходства в поведенческих чертах (Gallup et al., 2016; Van Tuijl et al., 2005; Apicella, Marlowe, 2004; Yu et al., 2019).

В настоящем исследовании с целью дальнейшей проверки данной гипотетической взаимосвязи между фенотипическим (и личностным) сходством ребёнка как с отцом, так и с матерью и уровнем родительских вкладов обоих родителей был проведён подтверждающий факторный анализ включённых в анкету вопросов о сходстве родителей и ребёнка.

Десять вопросов были использованы в качестве переменных в подтверждающем факторном анализе (*CFA*), многомерном статистическом методе, применяемом для изучения взаимосвязей между значениями переменных (см. рис. 11). После определения скрытой связи между латентными переменными (конструктами) и исходными манифестируемыми признаками, мы предположили наличие факторной структуры в исследуемых данных; в результате была рассчитана структурная модель взаимоотношений между несколькими явными и латентными переменными на основе структурных уравнений. Латентными факторами в данном анализе являются два конструкта: (1) «Сходство отца и ребёнка» и (2) «Сходство матери и ребёнка». Эти латентные факторы выявляются через поиск влияния таких скрытых переменных на советуемые манифестируемые переменные (индикаторы), получаемые в шкалах опросника. Структурная модель взаимосвязи индикаторов с двумя латентными переменными представлена на рисунке 11. Параметры модели: индекс согласия (*Comparative Fit Index; CFI*) = .84; *Tucker-Lewis Index, TLI* = .79; Критерий оценки статистической значимости расхождения теоретической и эмпирической матриц корреляций и ковариаций (*Test statistic*) = 586.219; *df*=34; *p-value* <.001; Среднеквадратическая ошибка аппроксимации (*Standardized Root Mean Square Residual; SRMR*) = .085. Все взаимосвязи показали высокую значимость в рассчитанной структурной

модели $p(>|z|) < .001$, за исключением корреляции между параметрами «сходство ребёнка с отцом» и \leftrightarrow «сходство ребёнка с матерью», $p(>|z|) = 0.193$; $B = .047$. Отсутствие значимой корреляции между двумя этими латентными факторами говорит о дифференциации респондентами отличительных черт внешности отца и матери, а так же о понимании этого различия в наследуемых от родителей чертах собственной внешности.

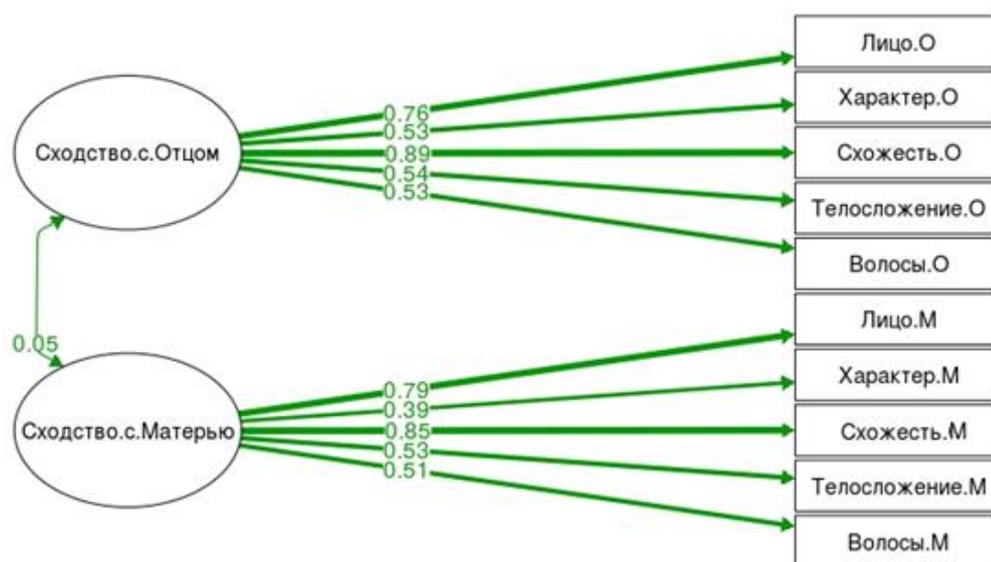

Рисунок 11. Подтверждающий факторный анализ (CFA), проведенный в рамках моделирования структурными уравнениями (SEM). На блок-схеме овалами показаны два латентных конструкта: сходство респондента и отца (1); сходство респондента и матери (2). У стрелок показаны регрессионные веса. Прямоугольникам соответствуют манифестируемые переменные из файла исходных данных опросника.

3.4. Родительский вклад и экономические параметры

Теоретическая концепция истории жизненных циклов (англ. *Life History Theory*, LH) описывает стратегическое распределение биоэнергетических и

материальных ресурсов на каждом этапе жизни индивида между двумя компромиссными и взаимоисключающими задачами: между соматическими затратами, напрямую связанными с выживанием, ростом и развитием индивида, и затратами на его размножение (Wilbur et al., 1974; Figueredo, Patch, Ceballos, 2015). Стратегии *ЛН* варьируются от быстрых до медленных, где медленные стратегии жизни отражают характеристики личности, указывающие на большие соматическое и родительское усилия по сравнению с усилиями, направляемыми на брачные попытки и полигинные связи. Напротив, быстрые стратегии характеризуются высокой брачной и сексуальной активностью, внутривидовым соперничеством, и выраженным сокращением усилий, направленных на соматические затраты собственного роста и развития, а также на родительские инвестиции в своих детей. Стратегии медленной истории жизни основываются на мутуалистических социальных взаимоотношениях, ориентированных на долгосрочные задачи, стабильные социальные и личностные связи (Gladden, Cleator 2018; Giosan, Wyka, 2009); как следствие, такие модели предполагают высокую степень взаимного альтруизма (Figueredo, Jacobs, 2010). Теория истории жизненных циклов предсказывает, что индивиды, живущие в суровых или непредсказуемых условиях с ограниченным количеством ресурсов, демонстрируют паттерны быстрых жизненных черт, что обусловлено задачами адаптации к такой суровой среде обитания. В результате присущие быстрой жизненной стратегии характеристики личности с ускоренными жизненными циклами, предполагают активные репродуктивные усилия, множественные брачные попытки, с минимальным уровнем родительских инвестиций, и, как следствие, со снижением уровня кооперации и сотрудничества.

Учитывая эти теоретические положения, мы применили методику моделирования структурных уравнений (*SEM*), позволившую описать зависимости между измеряемыми и латентными (неизмеряемыми) переменными исследуемого процесса. В такой гипотетической модели были использованы 13 переменных в качестве наблюдаемых, явных переменных в процедуре подтверждающего

факторного анализа (*CFA*) для описания латентных конструкторов более высокого порядка: 1) «Забота отца», 2) «Забота матери», 3) «Бедность». В предлагаемой структурной связи мы прогнозируем наличие потенциальной негативной взаимосвязи между уровнем бедности и итоговыми параметрами уровня родительской заботы для обоих родителей.

Мы также проверяем гипотезу о наличии отрицательной корреляции в уровне заботы о потомстве между обоими родителями согласно теоретическим положениям перманентного конфликта полов. Кроме того, манифестируемые переменные, определяющие дефицит ресурсов в представленной структурной модели, проверяются на наличие остаточных корреляций между другими элементами моделируемой структуры фактора «Бедность». После предварительных расчётов в финальный вариант модели *SEM* были включены только статистически значимые взаимосвязи. Результаты *SEM* и параметры модели в виде блок-схем представлены в таблице 6 и на рисунке 12.

Таблица 5. *SEM* Влияние экономических параметров (бедности) на родительскую заботу

	Путь связи	Регресс-ый. вес	Станд. значение	Ошибка	Значимость <i>p</i>
Материнская забота	→ Мама помогала решать проблемы (С1.М)	.810	.872	.024	.000 **
	→ эмоциональная поддержка матери (С2.М)	.851	.907	.024	.000 **
	→ Мама позволяла учиться на своих ошибках (С3.М)	.464	.495	.028	.000 **
	→ Количество заботы и любви, которое уделила мать (С4.М)	.777	.824	.024	.000 **
Отцовская забота	→ Эмоциональная поддержка отца (С1.Ф)	.875	.918	.024	.000 **
	→ Помощь отца в решении проблем (С2.Ф)	.853	.899	.028	
	→ отец позволял учиться на своих ошибках. (С3.Ф)	.581	.610	.029	.000 **
	→ Количество заботы и любви, которое уделил отец (С4.Ф)	.768	.812	.025	.000 **

Бедность	→ семья никогда не выбиралась из долгов (P1)	.610	.603	.031		
	→ жили от зарплаты до зарплаты (P2)	.759	.751	.029	.000	**
	→ родители не всегда могли оплачивать счета (P3)	.814	.801	.029	.000	**
	→ семья иногда занимала деньги (P4)	.795	.792	.028	.000	**
	→ поношенная одежда (P5)	.479	.474	.032	.000	**
Материнская забота ← Бедность	-.146	-.136	.039	.000	**	
Материнская забота ← Отцовская забота	.311	.303	.037	.000	**	
Отцовская забота ← Бедность	-.317	-.303	.038	.000	**	
Мама позволяла учиться на своих ошибках ↔ Отец позволял учиться на своих ошибках	.176	.254	.023	.000	**	
Количество заботы и любви, которое уделила мать ↔ Количество заботы и любви, которое уделил отец	.142	.428	.013	.000	**	

Примечания: Model $\chi^2 = 227.611$, $df = 60$, $p < 0.001$. (RMSEA) = 0.053 [0.045, 0.06]; (CFI) = 0.976; (TLI) = 0.969.

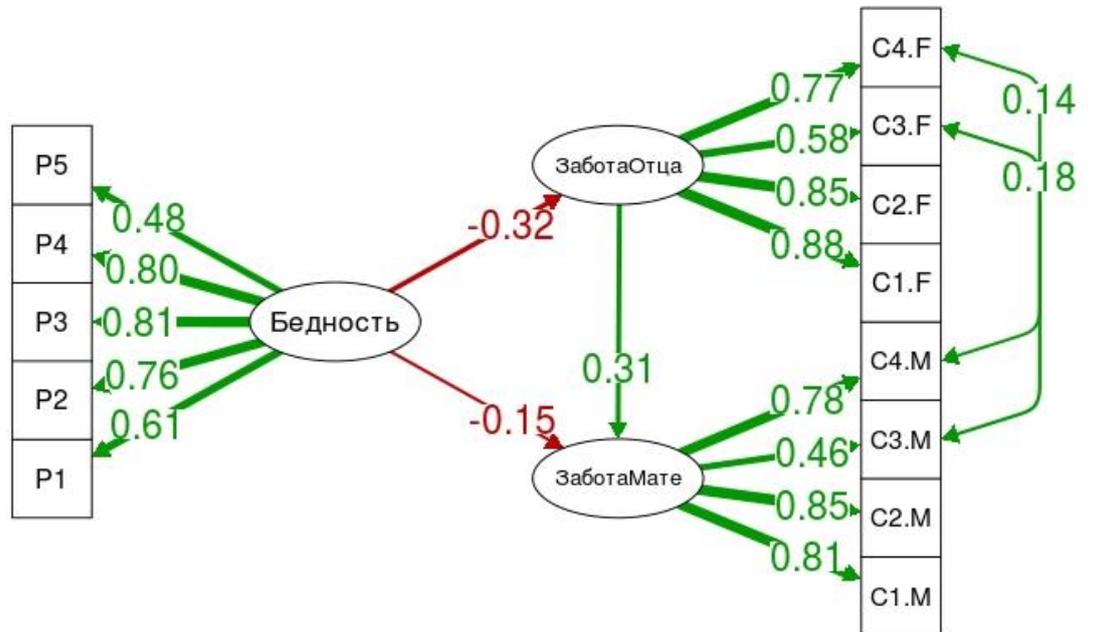

Рисунок 12. Блок-схема SEM «Родительский вклад и бедность». Латентные переменные представлены в округлых контурах. В прямоугольниках показаны явные переменные: «Мама помогала решать проблемы» (C1.M); «Эмоциональная поддержка матери» (C2.M); «Мама позволяла учиться на своих ошибках» (C3.M); «Количество заботы и любви, которое уделила мать» (C4.M); «Эмоциональная поддержка отца» (C1.F); «Помощь отца в решении проблем»

(C2.F); «Отец позволял учиться на своих ошибках» (C3.F); «Количество заботы и любви, которое уделил отец» (C4.F); «Семья никогда не выбиралась из долгов» (P1); «Жили от зарплаты до зарплаты» (P2); «Родители не всегда могли оплачивать счета» (P3); «Семья иногда занимала деньги» (P4); «Поношенная одежда» (P5).

В примечании к табличной форме (таб. 5) были проведены статистические расчеты о сходимости модели; по результатам *SEM* можно заключить, что применение трёх латентных конструкторов, полученных из 13-и манифестируемых индикаторов психометрически и статистически приемлемо.

ГЛАВА 4.

Структурная модель взаимодействия участников воспитательного процесса в расширенной трёхпоколенной семье. Кросскультурный анализ

4.1. Общая структурная модель

Одновременное разрешение интересов всех участников семейных взаимоотношений будет зависеть от двух экзогенных факторов: фактора бедности, представленного в исследовании латентным, композитным конструктом, который оказывает влияние на шкалы родительской заботы, а также на уровень участия прауродителей и сиблингов, и от фенотипического сходства между родителем и ребёнком. Чтобы отразить совокупные эффекты экзогенных и эндогенных факторов и их потенциальные взаимосвязи, взаимоотношения между латентными переменными рассматривались как причинно-следственные пути связи для переменных, отражающих родительские и родственные усилия. Предполагается, что параметр фенотипического сходства оказывает существенное влияние на родительскую заботу, прежде всего на заботу отца ребёнка вследствие присутствия неуверенности в биологическом родстве с ребёнком, в то же время более выраженное сходство между родителями и детьми предположительно будет оказывать влияние и на уровень усилий родственной помощи прауродителей.

В целях упрощения изображения сложной взаимосвязи всех элементов системы, в итоговой блок-схеме все латентные конструкты представлены средними арифметическими стандартизованных параметров явных переменных (индикаторов) каждой подшкалы, за исключением предиктора порядка рождения (числа старших *сиблингов*), который вводится в *SEM* в виде порядковых данных.

Модели траекторий путей связи были подобраны с использованием методов максимального правдоподобия, позволяющих включить все наблюдаемые данные для тех участников, которые предоставили неполные данные. После подгонки полной модели пути, уровень значимости которых были выше порогового значения $p\text{-value} \geq 0,05$, были последовательно удалены, с целью получения уменьшенной модели со статистически значимыми взаимосвязями между предикторами. В результате итоговая модель показала адекватное соответствие исходным данным при χ^2 равном 82.443, с числом степеней свободы $df = 17$, и высоким уровнем значимости $p\text{-value} < 0.001$. Среднеквадратичная ошибка аппроксимации ($RMSEA$) составила 0.076 [0.060, 0.93], с высоким уровнем значимости $p\text{-value} RMSEA = 0.004$. Значение $RMSEA$, заключённое в пределах между 0.08 и 0.10, считается приемлемой величиной (Browne and Cudeck, 1993). В нашем случае получено пороговое значение $RMSEA$, что может быть связано со сложностью изучаемого явления и потребностью включения большего количества факторов для описания реальной жизненной картины внутрисемейных отношений. Численные параметры связей анализируемых в модели факторов, представленные в виде блок-схемы структурной модели приведены на рисунке 13 и в таблице 6.

Таблица 6. SEM результаты финальной модели

Путь связи	Регресс- ый. вес	Станд. ошибка	Критич. значение	Занч-ть. p
Доступность родителей матери ← Старшие сиблинги	-.306	.066	-4.626	.000 **
Доступность родителей матери ← Забота отца	-.218	.081	-2.697	.007 *
Доступность родителей отца ← Старшие сиблинги	-.287	.061	-4.673	.000 **
Доступность родителей отца ← Схожесть ребенка и отца	.386	.089	4.353	.000 **
Забота матери ← Схожесть ребенка и матери	.313	.041	7.688	.000 **
Забота матери ← Бедность	-.161	.039	-4.093	.000 **
Забота отца ← Бедность	-.327	.037	-8.781	.000 **
Забота отца ← Старшие сиблинги	.076	.028	2.735	.006 *
Забота отца ← Схожесть ребенка и отца	.403	.040	10.078	.000 **
Материнская забота ← Отцовская забота	.251	.036	6.919	.000 **

Доступность родителей матери←	.131	.040	3.248	.001 **
Доступность родителей отца				

Замечания: Модель χ^2 составила 82.443, $df=17$, $p < 0.001$. RMSEA=0.076 [0.060, 0.93], P-value RMSEA = 0.004; Comparative Fit Index (CFI) = 0.862; Tucker-Lewis Index (TLI) = 0.773. R-Square: Забота матери=.184, Забота отца = .220, Доступность прародителей матери = .068, Доступность прародителей отца = .058.

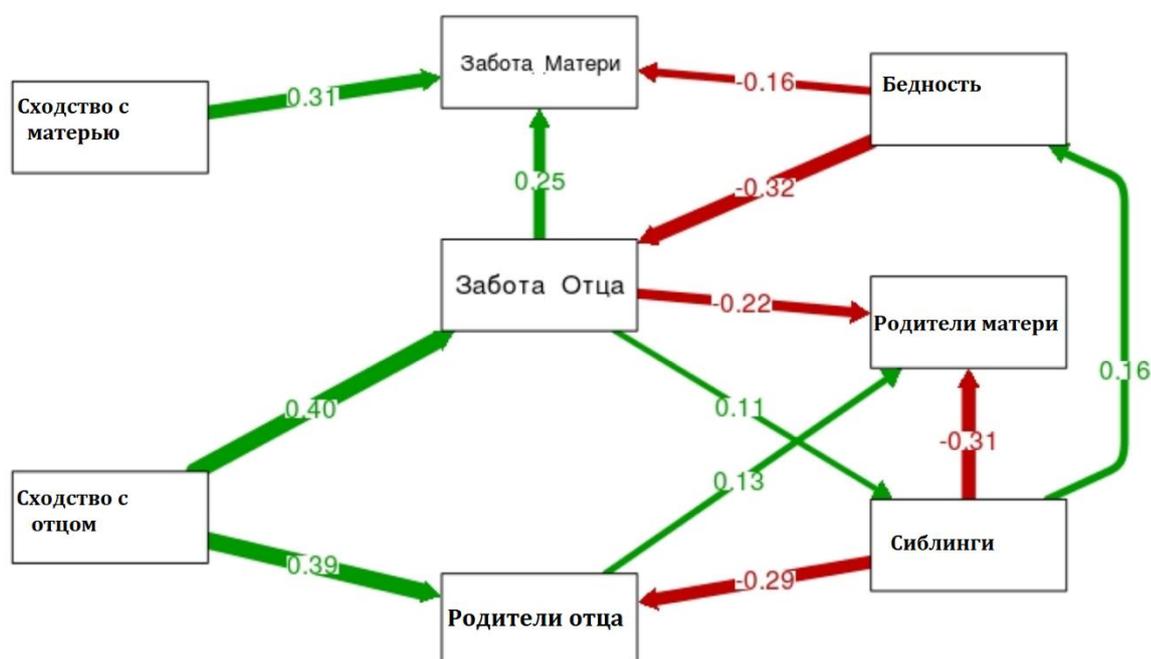

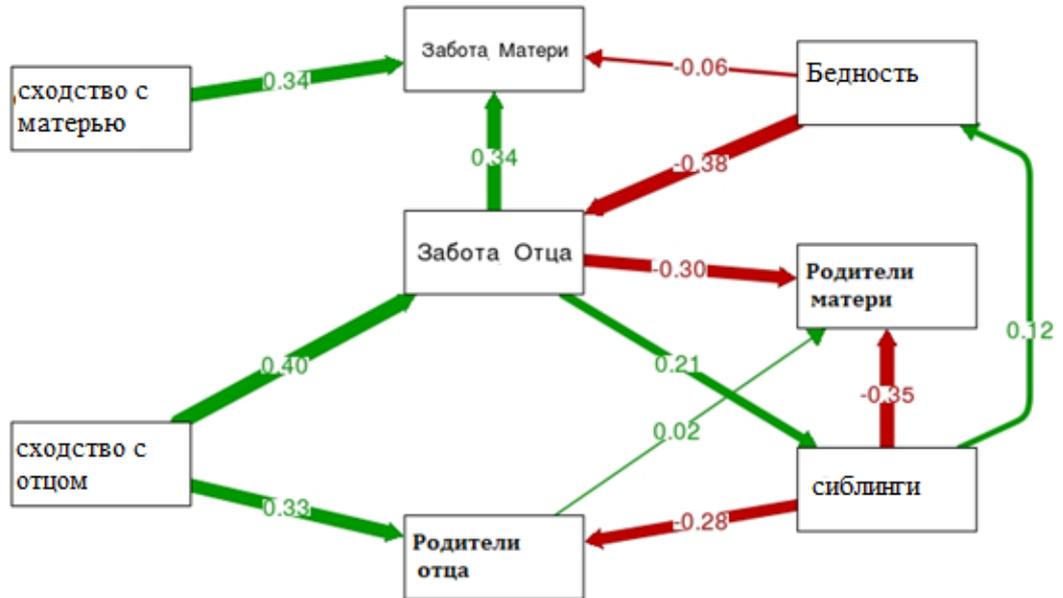
Рисунок 13. Блок-схема SEM, отражающая взаимосвязи в семье, состоящей из трёх поколений.

4.2. Структурные модели SEM для трех изучаемых культур

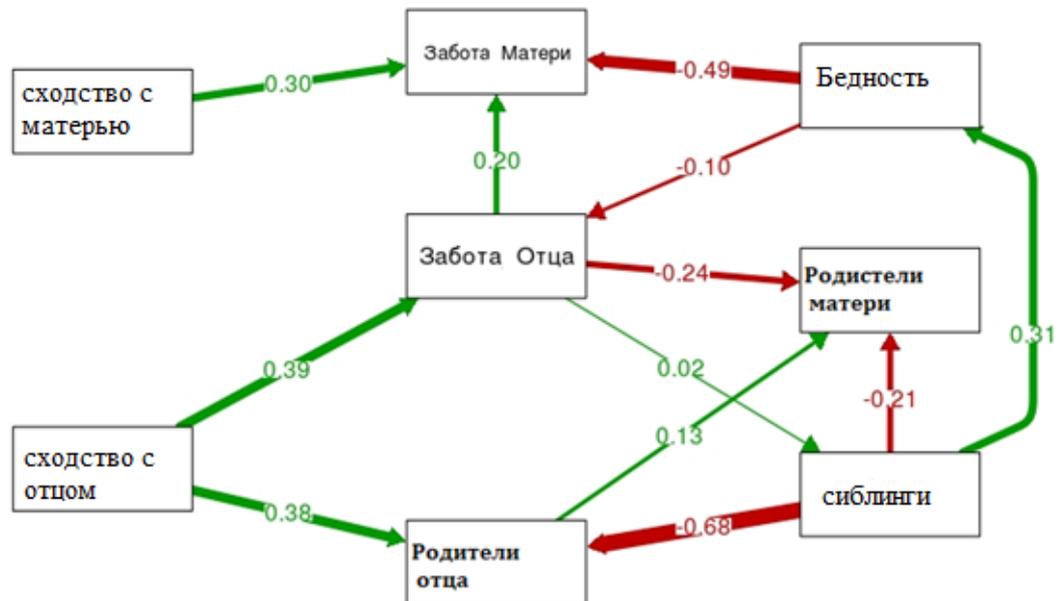
Полная модель, представленная на рисунке № 13, тем не менее, не всегда может отражать эффекты, свойственные каждой из исследуемых культур. С целью обнаружения культурных отличий в каждой из исследованных выборок, нами были проведены множественные сравнения моделей для каждой из трёх стран. Такие множественные SEM обычно применяются для сравнения двух или более независимых выборок, чтобы оценить, инвариантность оценок путей взаимосвязей

в структурной модели для каждой из выборок. На первом этапе анализа нескольких *SEM* произведён расчёт таких структурных моделей для каждой культуры, где пространственные взаимоотношения факторов предполагают одинаковые значения для всех групп, но коэффициенты в отношениях оцениваются независимо для каждой группы. Следующий этап анализа включал расчёт модели с ограничениями, при которых параметры путей связи по группам были искусственно уравнены; при такой структуре модели предполагается, что пути связи идентичны во всех трёх группах и соответствуют значениям параметров связи для первой группы (Бразилия). На следующем этапе многогрупповое сравнение включало сравнение моделей с ограничениями с моделями без ограничений путей связи. Если статистика разности рассчитанных параметров двух моделей *хи-квадрат* не выявляет существенной разницы между неограниченной и ограниченной моделями, то можно сделать вывод, что структурные пути для трёх исследуемых групп идентичны. Однако, если же разница будет статистически значимой, исследователю следует признать присутствие выраженных особенностей для каждой из подгрупп.

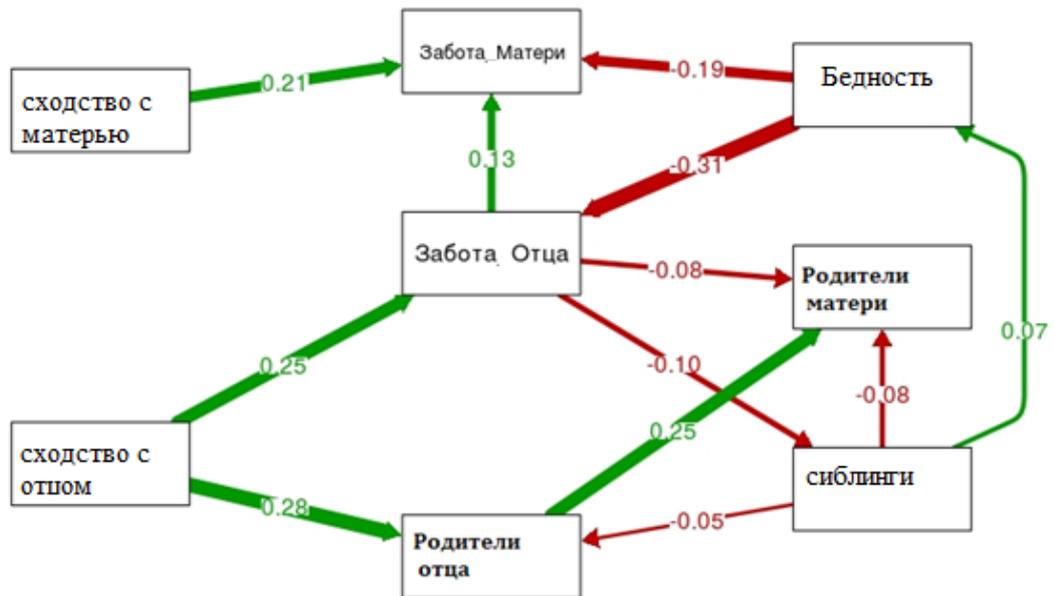
После процедуры ограничения и теста разности *хи-квадрат* разница между моделью с ограничениями и без ограничений продемонстрировала высокие параметры значимости p (χ^2) $< 2,2e^{-16}$. Следовательно, ограничения параметров путей связей в моделях повлекли значительные изменения в итоговых параметрах моделей; это заставляет нас отказаться от нулевой гипотезы, предполагающей присутствие метрической инвариантности. Оценки путей-связи для трёх исследуемых культур различны, следовательно, мы предполагаем, что модель без ограничений в трёх группах в большей степени отражает реальные внутрисемейные взаимоотношения. Итоговые результаты анализа должны быть представлены в виде трёх моделей (рис. 14), отражающих пути связи между факторами независимо друг от друга, так как нами обнаружено и доказано присутствие специфических черт внутрисемейных отношений в каждой из исследуемых культур.

А — Бразилия

Б — Россия

С — США

Рисунок 14. Множественные SEM: А — Бразилия, В — Россия, С — США.

Отсутствие инвариантности трёх моделей свидетельствуют в пользу систематических культурных различий в исследуемых параметрах модели. Для определения и фиксации таких различий между исследуемыми культурами в нашей окончательной модели, была введена система ортогональных переменных, позволяющая произвести оценку значимости регрессионных взаимодействий исследуемых факторов в каждой из культур. Эти контрасты для каждой выборки были введены в первую очередь как основные эффекты, чтобы проверить присутствие межкультурных различий для всех исследуемых экзогенных факторов. Затем были проанализированы взаимодействия для каждой переменной-предиктора в рамках каждого регрессионного пути.

В результате этой процедуры были обнаружена сильная отрицательная взаимосвязь параметра забота отца от уровня благосостояния в семье в трёх различных культурных контекстах (t -значение = $-4,141$; $p(> |t|) = 3,77e-05^{***}$), однако в российской выборке уровень отцовских усилий определяется

экономическими параметрами в значительно меньшей степени (t -значение = 2,080; $p (> | t |) = 0,037753 *$), чем в бразильской выборке, где уровень бедности в семье оказывает самое непосредственное влияние на уровень родительских усилий отца. При этом общий уровень бедности оказывает существенное негативное влияние на средние значения усилий российских матерей (t -значение = - 3,792; $p (> | t |) = 0,000158 ***$), а также значимо отражается на участии матерей в заботе о детях (t -значение = - 2,196; $p (> | t |) = .028274 *$), тогда как в Бразилии материнская забота крайне слабо связана с общим уровнем достатка семьи. Мы также обнаружили, что общий уровень материнской заботы в России минимален по сравнению с другими культурами (t -value = - 4,645; $p (> | t |) = 3,83e-06 ***$). При этом в США материнская забота в меньшей степени определяется уровнем участия в воспитании отца (t -value = - 2,140; $p (> | t |) = 0,032589$), в то же время именно в США продемонстрирован наивысший уровень участия отца в заботе о детях. Таким образом отцы в американской выборке показали существенно более высокие баллы по уровню заботы о своих детях в сравнении с другими культурами (t -value = 2,266; $p (> | t |) = 0,023702$). Эти результаты совпадают с данными, полученными в главе II данной диссертации.

Родственная помощь прародителей более распространена в российской выборке, с учетом всех вошедших в модель факторов помощь прародителей по отцовской линии в России значимо выше по сравнению с бразильской выборкой (t -value = 2,134; $p (> | t |) = 0,03315 *$). Между тем, в выборке из США помощь бабушек и дедушек по материнской линии показала минимальную взаимосвязь с фактором очередности рождения, где очерёдность рождения (наличие старших сиблингов) в большей степени зависит от уровня присутствия с отцовской заботы о детях (t -value = - 2,054; $p (> | t |) = 0,04031 *$).

Между тем, в исследуемых нами выборках присутствует определённая степень сходства между моделями. Множественные *SEM* показали, что в каждой группе оценки взаимосвязи проходят в ожидаемом направлении и указывают на высокое сходство в структуре путей связей каждой из модели с общей моделью, за

исключением одной связи в выборке США, где между параметрами «Порядок рождения» и «Отцовские усилия» была получена противоположная казуальная связь, однако эта взаимосвязь не была статистически значимой.

В множественных *SEM* с несколькими выборками, представленными на рисунке 14, мы показали, что подавляющее большинство исследуемых нами казуальных взаимосвязей внутри расширенных семей каждой из культур были статистически значимы. В российской выборке три казуальных пути, определяющих зависимость уровня участия родителей по материнской стороне родства не показали свою значимость: таким образом, ни количество детей в семье респондента, ни присутствие помощи патрилинейных родственников не повлияло, по нашим расчетам, на помощь матрилинейных родственников.

Положительная связь между параметром очередность рождения респондента, определяющего наличие и количество старших сиблингов в семье, и заботой отца показала надёжный уровень значимости только в бразильской выборке. В выборке из США помощь родителей по отцовской и материнской линии родства продемонстрировала отсутствие значимых ассоциаций со всеми исследуемыми факторами, за исключением чрезвычайно достоверной положительной связи между ними обоими: помощь родителей со стороны отца и со стороны матери статистически значимо ассоциированы друг с другом.

На рисунке 15 показана упрощённая схема взаимодействия трех поколений помощников, где мы условно определяем отца в роли помощника матери (см. Hrdy, 2007). В результате такого графического упрощения помощь родителей по материнской стороне демонстрирует альтернативу как участию отца, так и присутствию старших братьев и сестёр в семье.

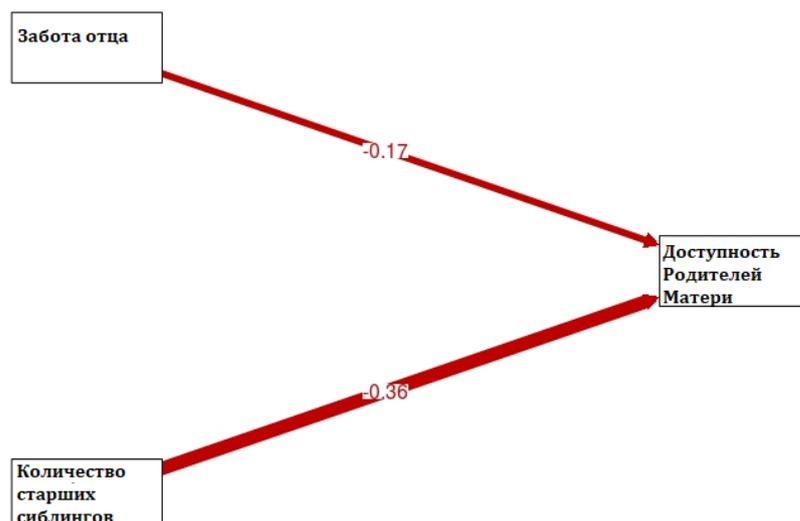

Рисунок 15. Упрощенная схема компенсаторного распределения усилий внутри трёхпоколенной семьи

Предполагается, что полученный коэффициент взаимосвязи ($b = -0,36$) между количеством старших братьев и сестёр и уровнем прямой заботы прародителей по материнской линии родства в нашем исследовании в схематично отражает адаптивный механизм жизненного цикла репродуктивной карьеры женщины. Эти две аллопарентальные сущности дополняют друг друга на разных этапах жизненного цикла женщины, где преобладание помощи матрилинейных прародителей на ранних этапах репродуктивной карьеры матери постепенно заменяется помощью её потомства по мере его взросления.

Другой путь указывает на отрицательную взаимосвязь между уровнем участия родителей по материнской линии родства и усилиями отца ($b = -0,17$). Это негативная взаимосвязь ярко демонстрирует компенсаторный, антагонистический, диадический механизм распределения аллопарентальных усилий внутри расширенной семьи, существующий как внутри изучаемых стран, так и между ними. Во всех изученных культурах помощь распределяется между двумя ключевыми членами семьи — отцом ребёнка и прародителями по материнской линии таким образом, что в случае нехватки отцовских инвестиций, участие

материнских родственников эффективно возмещает недостаток отцовского родительского вклада (значимость этого казуального пути связи в трёх выборках $p (> | z |)$: BR $<.001$, RU = .223, US = .042; в России не получены статистически значимые величины для этой негативной взаимосвязи, что может отражать влияние дополнительных значимых факторов в нашей стране).

Полученные нами данные согласуются с теоретическими положениями, высказанными Фоутс (Fouts, 2008), указывающими на то, что присутствие бабушки связано с уменьшением отцовских усилий, направленных на воспитание детей. Так как вклад отца часто бывает, чувствителен к тому, как другие члены семьи или группы участвуют в воспитании (Fouts, 2008; Griffin, Griffin, 1992; Quinlan, Quinlan, 2008).

Структура взаимосвязей родственно-родительской заботы о подрастающем поколении внутри семьи согласуются с теоретическими положениями концепции совместной заботы о потомстве в расширенной семье. Эта теоретическая концепция предполагает вариативность источников помощи, которую оказывают доступные члены семьи. Выраженность такой особенности аллопарентальной помощи может варьироваться в различных культурах, отличаться в разных семьях, а также меняться с течением времени, в зависимости от того, кто готов помогать и доступен для предоставления помощи (Sear, 2017).

4.3. Результаты и выводы SEM анализа структурными уравнениями

Моделирование структурными уравнениями позволило на основании собранных в трёх различных культурных контекстах (в России, США и Бразилии) данных построить совокупную модель взаимодействия различных участников воспитательного процесса в расширенной трёхпоколенной семье с учётом установления причинно-следственных связей. Предложенная структурная модель

показала сходство в направлении и в величинах регрессионных весов исследуемых путей связи, отражающих функциональные особенности внутрисемейных взаимоотношений между различными её членами, а также общность и универсальность двух механизмов влияния на эти взаимоотношения — экономического параметра бедности и фактора фенотипического сходства.

На первом этапе анализа, основываясь на теоретических концепциях совместного воспитания потомства, нами был произведён отбор потенциально связанных пунктов опросника для дальнейшей процедуры агрегации их в латентные переменные — факторы. На втором этапе для представления структуры возможных связей между латентными переменными был проведён корреляционный, факторный и подтверждающий анализы. На третьем этапе — построена структурная модель явных и скрытых связей членов семьи, а также смоделировано их взаимное влияние. На четвёртом этапе показаны характерные культурные отличия в исследуемых трёх странах и построена множественная *SEM*, отражающая связь скрытых и явных факторов в каждой из культур. Представленные в результате проведённой работы блок-схемы для обобщённой модели и трёх моделей по каждой выборке отражают сходство в направлении и силе связей между исследованными факторами.

В результате проведения такого многоуровневого статистического анализа нами обнаружен выраженный эффект влияния фенотипического сходства между родителем и ребёнком на уровень родительских инвестиций как матери, так и отца. Мы заключаем, что сходство родителей и детей оказывает значительное влияние на уровень родительской заботы; влияние фактора фенотипического сходства универсально и продемонстрировано с высокой достоверностью во всех трёх культурных контекстах вне зависимости от пола ребёнка.

В то же время предложенная модель структурных уравнений показала, что фенотипическое сходство является одним из ключевых факторов, влияющих не только на уровень родительской заботы, но и на вложения патрилинейных родственников. Прямая забота бабушек и дедушек со стороны отца имеет прямую

корреляцию со сходством отца и ребёнка, тогда как участие в заботе о ребёнке родителей матери не продемонстрировало никакой связи с выраженностью фактора сходства между их внуками и дочерью. Указанные результаты подтвердили теоретическую концепцию фаворитизма достоверно родственного потомства, что соответствует выводам, полученным в предыдущих исследованиях, показавших положительную связь между физическим сходством ребёнка и уровнем как отцовских усилий, так и выраженностью родственного вклада патрилинейных родственников (Apicella, Marlowe, 2004; Yu et al., 2019). Поскольку родственники по отцовской линии родства в меньшей степени уверены в генетическом родстве со своими внуками, их вклад во внуков от сына теоретически будет слабее, чем вклад родителей по матери. Однако черты явного физического сходства, могут служить определяющим фактором, который способен побудить бабушек и дедушек со стороны отца вкладывать средства и ресурсы во внуков, напоминающих им их сына. Физическое сходство, таким образом, предположительно может выступать своеобразным маркером наличия родства и опосредованно способствовать укреплению связи между внуками и патрилинейными родственниками.

В то же время структурный анализ данных продемонстрировал положительную значимую взаимосвязь между сходством матери и ребёнка и материнским уровнем родительской заботы, что не может быть прямо отнесено к гипотезе неопределённости родства, поскольку не зависимо от фенотипического сходства, генетическое родство матери и ребёнка всегда соответствует 50%. Мы интерпретируем положительную связь между материнской заботой и её сходством с ребёнком как возможное присутствие сходного психологического механизма родительского фаворитизма, проявляющегося через предпочтительные инвестиции в более похожего ребёнка, независимо от пола родителей.

В заключении мы утверждаем, что проведённый анализ связи фенотипического сходства ребёнка и родителей с уровнем заботы различных родственников подтверждает гипотезу о предпочтении инвестиций в наиболее

достоверно родственное потомство (англ. *preferential investment in more certain kin*; Dawkins, 1976), теоретический базис, которой раскрыт нами в первой главе представленной работы. На основании проведённого кросскультурного анализа мы заключаем, что влияние данного фактора не подлежит серьёзной внешней культурной и социальной корректировке. Фактор фенотипического сходства демонстрирует высокую прогностическую и казуальную силу. Так, при оказании влияния на уровень заботы отца и патрилинейных родственников регрессионные веса его влияния, выраженные казуальными путями связи между этим предиктором и зависимыми переменными достигают умеренно высоких значений (регрессионный вес = .40), и, без сомнения, эти связи имеют высокие значения статистической значимости.

Предварительный анализ данных о порядке рождения показал, что количество старших братьев и сестёр положительно связано с общим количеством детей в семье (то есть с плодовитостью). Теория предсказывает, что множественное потомство может оказывать негативное влияние на родительские вложения матери, так как уделяемые каждому ребёнку в отдельности внимание и забота сокращаются. Однако наши данные не подтвердили этот теоретический прогноз: наличие в семье помимо исследуемого респондента ещё одного или нескольких сиблингов не показало достоверного влияния на уровень заботы матери. В то же время нами обнаружена достоверная положительная связь между очередностью рождения (а значит и количеством сиблингов) и родительскими усилиями отца. Этот результат может быть интерпретирован в русле теоретической концепции конфликта полов. Согласно положениям этой концепции, эффективная забота отца в основном направляется на повышение репродуктивного потенциала женщины, а не на рост приспособленности потомства. Эффективная отцовская забота в результате увеличивает совокупный репродуктивный успех партнёрши (Royle et al., 2016). Как известно, у человека репродукция женщины имеет серьёзные ограничения, связанные с беспрецедентно высокими вложениями в детей. Как отмечалось в первой главе данной работы, материнская забота о множественном

потомстве разного возраста — это уникальная особенность, ставящая перед женщиной ряд насущных вопросов, связанных с задачами эффективного распределения её ограниченных биоэнергетических ресурсов между заботой о нескольких детях одновременно. Безусловно, активная родительская помощь партнёра может снимать эти ограничения, что позволяет женщине принять положительное решение о рождении последующих детей. Мужчины, перенаправляя свой энергетический и ресурсный потенциал в отцовские усилия, таким образом, сводят к минимуму свои вложения во внутрисемейный конфликт, являющийся по своей сути игрой с нулевым репродуктивным результатом. На общепопуляционном уровне такое сокращение мужского участия в соревнованиях и поединках на брачной арене и перенаправление энергетических ресурсов в матримониальное русло в результате и приводит к увеличению итогового числа потомков в семье и в популяции в целом (Kokko, Jennions, 2012).

Одним из неожиданных выводов, полученных в результате работы, стали согласованные вклады обоих родителей: матери и отца. Финальная модель показала, что усилия обоих родителей не представляют из себя дуальную модель, предсказанную теорией конфликта полов, но, напротив, они положительно взаимосвязаны друг с другом. Результаты проведённых расчётов показывают, что усилия обоих биологических родителей представляют собой однонаправленные силы, которые увеличиваются и уменьшаются синхронно. Финальная *SEM* и пути-связей множественных *SEM* показали, что рост родительских отцовских вложений в ребёнка не снижает уровень материнской заботы, но, как было сказано ранее, повышает репродуктивную эффективность женщины, прежде всего, обеспечивая рост её плодовитости.

На рисунке 15, продемонстрирована упрощённая блок-схема выявленных ключевых взаимосвязей внутри семьи, показавшая, что наличие старших братьев и сестёр в семье имеет статистически достоверную отрицательную связь с усилиями родителей матери. Этот результат можно интерпретировать как свидетельство снижения уровня прямой помощи бабушек и дедушек, разделённой между

несколькими внуками. В то же время мы склонны соотносить обнаруженное снижение прямых родственных усилий с фактом естественного биологического старения и смерти прародителей и к сопутствующему этим процессам снижению их доли участия в прямой заботе о внуках, поскольку порядок рождения имеет сильную корреляцию с биологическим возрастом всех членов семьи. Характерно, что множественные *SEM*, показали, что усилия бабушек и дедушек в США меньше всего зависят от очередности рождения ребёнка в сравнении с другими исследованными культурами. Такие результаты могут быть обоснованы присутствием развитой медицинской помощью населению США, высоким уровнем жизни и большей её продолжительностью в этой выборке. В результате вышесказанного, в США помощь бабушек и дедушек в меньшей степени ограничивается продолжительностью жизни, а смертность не оказывает существенного влияния на параметр родственной заботы в американской выборке, так как в США в среднем выше продолжительность жизни, по сравнению с другими исследованными культурами. Например, процент дожития мужчин до 65 лет в Бразилии составляет 73 человека из ста; в США — 80; в России — 61⁹. По женщинам приводятся следующие данные: 85 из 100 бразильских женщин достигают возраста в 65; в США — 88; в России — 84¹⁰. Как видно из представленных данных, диспропорция продолжительности жизни мужского и женского населения имеет наиболее выраженный характер в российской выборке. Так, по данным Всемирного банка (*World Bank*), уровень смертности на 10000 взрослых мужчин в 2014 году в России составил 322 человека, это относительно высокий показатель по сравнению с Бразилией, где уровень смертности составлял 189 человек на 10000 в 2018 году, в то время как в США в 2017 году это число составило 139 человек¹¹.

Во второй части исследования мы проверили гипотезу о влиянии социально-экономического фактора (бедности) на уровень отцовских инвестиций.

⁹ URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TO65.FE.ZS>; дата обращения: 15 сентября 2020 г.

¹⁰ URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TO65.MA.ZS>; дата обращения: 15 сентября 2020 г.

¹¹ URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.AMRT.MA>; по состоянию на сентябрь 2020 г.

Проведённый анализ показал, что во всех трёх выборках уровень бедности негативно сказывается на родительских инвестициях обоих родителей. Однако родительское поведение российских отцов имеет слабую зависимость от уровня достатка, при этом результаты первой части анализа показали, что уровень их заботы о детях весьма низок, особенно в сравнении с отцами из США (в результате дисперсионного анализа показана достоверная разница отцовских инвестиций в этих странах, p -value < 0.001).

Внимание и забота, уделяемые российскими отцами своим детям, слабо поддаются корректировке, и, с повышением уровня достатка, отцовский вклад в детей остаются весьма низким во всех слоях населения. Эта разница в сравнении с другим странами в уровне участия российских отцов в воспитании детей и почти полной индифферентности к социально-экономическим условиям показала свою статистическую значимость в применённых авторами прогнозных структурных моделях.

Таким образом, гипотеза о главенствующей роли экономических факторов, влияющих на родительское поведение через высокие экономические затраты в воспитание ребёнка в современном обществе, подтверждается лишь частично и не соответствует результатам, полученным в анализе российской выборке. В связи с чем мы предполагаем, что выраженное влияние на отцовские инвестиции среди прочих факторов может быть связано с низким соотношением полов в России, как было показано во второй главе. Согласно теоретическим прогнозам и полученным нами в первой главе выводам, количественный перевес женского населения над мужским может сказываться на снижении матримониальных, в том числе и на снижении родительских инвестиций мужчин, а их временные и ресурсные затраты перераспределяются на активное брачное поведение и внутриполовое соперничество.

В случае кросскультурного сравнительного анализа отсутствие инвариантности, обнаруженное в множественных SEM, является надёжным свидетельством систематических культурных различий, в результате которых

матери склонны полагаться либо на помощь супругов, либо на помощь своих родственников, в большинстве случаев, на помощь прародителей по материнской линии родства. С этой точки зрения, в рамках нашего исследования мы представляем новаторскую интерпретацию классического понимания полового конфликта. В контексте расширенной семьи с развитыми системами совместного воспитания конфликт отца и матери о доли участия в воспитании потомства, скорее всего, трансформируется в столкновение интересов отца и родственников по материнской линии (прежде всего тёщи).

Этот антагонизм между инвестициями отца и родителями матери становится наиболее ярким в российской выборке, где нехватка родительских инвестиций со стороны обоих родителей систематически компенсируется участием бабушек и дедушек в воспитании подрастающего поколения: результаты кросскультурного сравнения SEM показывают, что максимальный уровень доступности бабушек и дедушек обнаружен именно в российской выборке. При этом помощь родителей по отцовской стороне родства также сохраняет свою актуальность в современной России согласно множественному сравнению SEM. Последние выводы согласуются с данными, представленными в базе данных Мёрдока (англ. «*The Human Relations Area Files*», HRAF), где собрана обширная база данных и библиографических работ в области антропологии, указывающих на то, что в 1960-1980 годах, нормы брачных поселений России преимущественно определялись вирилокальностью¹² (Alt and Alt 1959; Dunn 1971; Dunn and Dunn, 1963; Mace and Mace 1963; Schapiro 1960).

Мы связываем снижение общего уровня родительской заботы и компенсаторное участие старших родственников в воспитании детей с эскалацией конфликта полов (Lessells, 2006; Houston, Szekely, McNamara, 2005), сопровождающегося возможным ростом полигамии в современной России, предположительно явившегося следствием стойкого дисбаланса в соотношении полов (ASR) в обществе (Bhattacharya 2015, Semenova, Butovskaya, 2019). Как

¹² URL: <https://d-place.org/parameters/EA010#4/-12.51/95.00>, дата обращения: сентябрь 2020 г.

известно, длительно наблюдаемое численное превосходство женщин может приводить к эрозии брачных норм, и сопровождаться снижением доли участия отца в воспитательном процессе (Schacht, Mulder, 2015; Grosjean, Brooks, 2017; Uggl, Mace, 2017; Kokko, Jennions, 2008), что инициирует и усиливает помощь родных.

Низкий уровень отцовских вложений обнаруживается во всех социально-экономических слоях российского общества, поскольку уровень семейного достатка оказывает незначительное влияние на отцовское поведение, при этом фактор бедности значительно более пагубно сказывается на уровне материнской заботы. Для сравнения в Бразилии влияние бедности противоположно: достаток семьи в огромной степени определяет родительские усилия отца и в гораздо меньшей степени определяют уровень материнской заботы. Согласно множественным SEM в Бразилии и США, уровень семейного достатка демонстрирует высокий казуальный потенциал, способный существенно изменить уровень родительских усилий (b Бразилия = $-0,37$; b США = $-0,31$). Мы интерпретируем эти результаты как признак социально-экономического расслоения в этих двух обществах. Такая стратификация, возможно, играет ключевую роль в формировании индивидуальной структуры модели семьи и в определении уровней инвестиций всех участников воспитания в обеих культурах.

Важно отметить, что в США средний уровень отцовских усилий значительно выше, чем в двух других изученных нами культурах. Это может быть связано с двумя факторами: более высоким соотношением полов в выборке из США с большей долей мужчин в демографическом профиле населения; или это может являться косвенным свидетельством более строгих брачных и религиозных норм в культурном коде современных Соединённых Штатов Америки. Однако оба фактора могут быть взаимосвязаны друг с другом. Теория полового конфликта предсказывает, что родительская забота является адаптивной репродуктивной стратегией мужчин, только тогда, когда у отцов присутствует высокая достоверность биологического отцовства (Loo, Hawkes, Kim, 2017), которое может

быть полностью реализовано только в обществе с преобладающими нормами моногамии и низким уровнем полигинии.

Мы вынуждены признать, что представленный в диссертационной работе количественный метод оценки родительского и родственного вклада определённо ограничен в своих возможностях. Феномен высоких отцовских вложений в американской выборке требует дополнительных научных антропологических изысканий, предполагающих применение качественных исследовательских методов, включающих антропологическое «погружение» в изучаемую культуру.

В заключение следует отметить, что отрицательные казуальные связи между отцовской заботой и долей участия родителей по материнской стороне родства, с одной стороны, и такая же негативная взаимосвязь между наличием сиблингов в семье и помощью прародителей, с другой стороны, может представлять фундаментальную биосоциальную адаптацию. Различная динамика численности населения, уровень соотношения полов взрослого населения, социально-экономическая структура общества, традиции, нормы и индивидуальные факторы совместно формируют структуру взаимоотношений в расширенной семье и связи между её множественными членами таким образом, что эта структура наилучшим образом способствует достижению целей совместной заботы о потомстве, способствующей высокому репродуктивному потенциалу человека, через гибкую модель извлечения требуемого высокого уровня родительско-родственных усилий через альтернативные источники внутри расширенной семьи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленной диссертационной работе проведено масштабное кросснациональное сравнительное исследование современной семьи и структуры родительско-родственного вклада в трёх крупных постиндустриальных обществах: в России, в США и в Бразилии. К неоспоримым преимуществам проводимого исследования современного института семьи и брака мы относим применяемый нами кросскультурный подход, имеющий давнюю научную традицию в российской и международной антропологической школе; в нашей стране кросскультурный подход прежде всего разрабатывается и внедряется специалистами Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии Российской академии наук. Применение методов кросскультурной оценки различных социальных процессов, безусловно, расширяет горизонты научного поиска и может способствовать получению неординарных исследовательских результатов. Метод кросскультурного анализа позволил в представленной работе достичь ряда предварительно поставленных автором целей, а именно, проверку гипотезы о присутствии совместной заботы о потомстве в современных постиндустриальных обществах.

В рамках данной исследовательской работы ключевыми задачами являлись сбор, аккумуляция и анализ эмпирических данных о структуре современной семьи, родительском вкладе в подрастающее поколение, а также фиксация изменений брачного и репродуктивного поведения мужчин и женщин в современных постиндустриальных обществах с высоким уровнем урбанизации. По результатам проведённых нашей исследовательской командой онлайн-опросов суммарная выборка составила 1217 человек ($n = 1217$). С нашим участием был собран и проанализирован значительный объём эмпирических данных в трёх различных культурах (в России: $n = 302$, Бразилии: $n = 601$ и в США: $n = 314$). Опросник «Родительские инвестиции и семья» (Приложение 1) был составлен на русском,

португальском и английском языках, после чего он прошёл процедуру обратного (реверсивного) перевода обязательную для психологических и социальных исследований в различных языковых контекстах.

Собранный эмпирический кросскультурный материал был проанализирован нами с использованием современных методов многомерного статистического анализа и анализа корреляционных структур в рамках новой, но уже получившей признание техники моделирования структурными уравнениями с применением программных пакетов *Lavaan* (Rosseel, 2014) и *Lme4* (Bates, Douglas, et. all., 2018) на языке *R*.

В теоретической части диссертационной работы автор приводит обширный теоретический, эмпирический и фактологический материал по широкому кругу современных и традиционных обществ. В диссертационной работе нами были задействованы авторитетные источники информации, монографии признанных специалистов в исследуемой в диссертации области, статьи авторитетных авторов, опубликованные в значимых научных журналах, среди которых существенную долю составили зарубежные публикации в наиболее известных и авторитетных журналах *Nature* и *Science*.

В аналитической части исследования был проанализирован обширный эмпирический материал, собранный при непосредственном участии автора диссертации. При этом в работе над диссертацией автор также пользовался несколькими авторитетными базами данных, в частности, были задействованы материалы из базы данных Мёрдока (*HRAF*) — международной некоммерческой организации, существующей с 1949 года в качестве независимого исследовательского центра, основанного на базе Йельского университета. Эта база содержит полнотекстные электронные данные, работа над которыми позволила автору проводить сравнительное исследование культур, цивилизаций и человеческого поведения прошлого, и настоящего.

Приведённые в работе материалы указывают на ряд универсальных адаптационных механизмов в репродукции человека, во-первых, на систему

совместного воспитания потомства (Hrды, 1999; Kramer, 2010) и, во-вторых, на повсеместную включенность старших родственников, прежде всего, бабушки по материнской линии родства, в воспитание детей, фиксируемую во всех известных антропологам обществах (Hawkes, Sear, 2017). В теоретической части работы были рассмотрены наиболее признанные в экологии человека концепции биосоциального конфликта полов, а также описаны последствия нарастания конфликта между мужским и женском полом, возникающего вследствие демографических и популяционных изменений в отношении родительского вклада, рассмотрены пути преодоления конфликта полов в различных обществах. Приводимые в работе теоретические концепции опираются в своих выводах на методы математического моделирования и теорию игр при прогнозировании эволюционной динамики в расстановке родительских ролей у человека.

Применённый в работе междисциплинарный подход, прежде всего, ориентированный на научные парадигмы синтетической теории эволюции (СТЭ), позволил нам исследовать динамику репродуктивных решений населения не только с точки зрения протекающих социальных изменений в постиндустриальных обществах, но и с позиций универсалистских биосоциальных процессов, протекающих в популяциях человека на видовом уровне.

В результате применения такого междисциплинарного подхода при анализе собранных данных было обнаружено высокое влияние фактора фенотипического сходства ребёнка с его родителями на уровень участия родителей и прародителей в заботе о таком ребёнке, что подтверждает приведённую в теоретической части работы гипотезу о предпочтении инвестиций в наиболее достоверно родственное потомство (англ. *preferential investment in more certain kin*; Dawkins, 1976). При этом наши результаты показывают, что влияние данного фактора не подлежит серьёзной внешней культурной и социальной корректировке, так как фенотипическое сходство ребёнка и родителя оказывает выраженное достоверное влияние на уровень родительских вкладов в трёх исследованных культурах. Следовательно, фактор фенотипического сходства демонстрирует высокий прогностический

потенциал и обладает выраженным казуальным эффектом: регрессионные веса его путей связи достигают умеренно высоких значений ($B_{Estimates} = 0.40$) при оказании влияния на уровень заботы обоих родителей, и в той же высокой степени они проявлены в уровне заботы патрилинейных родственников.

К ключевым выводам, полученным на основании проведённого многоуровневого анализа в трёх исследованных культурах, мы относим обнаруженную достоверную структурную взаимосвязь внутри расширенной семьи, которая позволяет выдвинуть теоретическое предположение о кросскультурном универсальном механизме комплементарного участия в воспитательном процессе двух важнейших членов семьи: отца ребёнка и бабушки по материнской линии. Так, низкий уровень участия отца в воспитании детей, как связанный с невозможностью посвящать этому процессу достаточное время в силу производственной занятости, так и среди прочего, обусловленный распадом нуклеарной семьи в результате смерти отца или же спровоцированный разводом супругов, как правило, функционально замещается (возмещается) помощью бабушки по материнской линии. Проведённый автором кросскультурный анализ показал, что в разных культурных контекстах мать, прежде всего, рассчитывает на помощь супруга, а в случае недостаточности таковой, бабушка по материнской линии родства выступает основным помощником матери в воспитании детей в исследованных семьях в разных культурных контекстах (Семенова, Бутовская 2021a, 2021b).

В связи с вышесказанным отдельного внимания заслуживает сравнительный анализ участия отцов в воспитательном процессе, проведённый по результатам онлайн-анкетирования, состоявшего из серии вопросов об уровне участия отца в воспитательном процессе. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что российские респонденты сообщали о достоверно более низких оценках участия отцов в их воспитании по сравнению с бразильскими и американскими респондентами (последние сообщали о достоверно наиболее высоких баллах в уровне отцовского вклада в заботу о собственных детях). Среди потенциальных

причин, влияющих на снижение участия российских отцов в воспитании, мы особо выделяем низкое соотношение полов в России. По данным всемирного банка (*World Bank*) в российском обществе на протяжении длительного периода времени присутствует выраженный дисбаланс соотношения полов с численным перевесом взрослого женского населения над мужским. Согласно теоретическим прогнозам в этологии и эволюционной психологии, количественный перевес женского населения над мужским может сказываться на снижении матримониальных, в том числе родительских инвестиций мужчин, при этом временные и ресурсные затраты последних перераспределяются на активное брачное поведение и внутривидовое соперничество.

Вопросы сексуального поведения россиян в свете глобальных вызовов современности более подробно рассматривались автором в дополнительных публикациях, относящихся к тематике данного исследования. В частности, в 2019 году был проведён прицельный анализ воздействия уровня урбанизации на количество половых партнёров у россиян. Было обнаружено выраженное влияние степени урбанизации (численности жителей) в месте проживания респондента на особенности сексуального поведения мужчин. В крупных фиксируется рост гетерогенности в численных оценках количества половых партнёров респондентов, что указывает на усиление полового отбора среди мужчин. Часть мужчин сообщала о существенном росте количества половых партнёров, в то время как другая часть сообщала о том, что вовсе не участвовала в репродукции. Урбанизация, рост половой конкуренции, а также факторы анонимности и индивидуализации жизни в городе, безусловно, заслуживают наиболее пристального внимания со стороны специалистов, занятых проблематикой взаимоотношений полов и репродукцией в целом.

Исследование социальной активности россиян 2020 года, проведённое в разгар пандемии *Ковид — 19*, дало неожиданный результат. Ними было обнаружено, что семейные мужчины чаще, а не реже, как предполагалось на начальном этапе исследования, покидали домохозяйство с целью социального и

сексуального общения с другой партнёршей даже в условиях строжайшей изоляции и контроля за перемещением граждан. Эти данные подтверждают часть высказанных в представленной диссертационной работе выводов. А именно, нами обнаружено присутствие существенного компонента полового соперничества в поведении россиян с ориентацией мужчин на полигамный поиск, что было зафиксировано нами даже в условиях потенциальной вирусной угрозы для близких респондента (Semenova, Apalkova, Butovskaya, 2021a; Семенова, Бутовская, 2020b). В то же время мы показали, что россияне, состоящие в браке и имеющие детей, сохраняют традиционный подход к распределению семейных обязанностей. Нами была обнаружена достоверная положительная взаимосвязь между частотой выхода из дома мужчины, дальностью его перемещения и наличием в семье детей. При этом его супруга, напротив, как правило, сокращает частоту выхода из дома в условиях пандемии (Semenova, Apalkova, Butovskaya, 2021b). Мы полагаем, что традиционные семейные роли и особенности распределения обязанностей, при которых мужчина является основным «добытчиком», а женщина заботится о детях, не теряют своей актуальности перед лицом глобальных социоэкологических угроз и вызовов современности.

В данной диссертационной работе особое место было уделено оценке влияния экономических параметров, то есть разницы в достатке семей и, как следствие, влиянию экономической составляющей на взаимоотношения в семье, на родительский и родственник вклады. Автор показал, что бедность выступает одним из наиболее значимых негативных факторов, существенно снижающих уровень заботы о детях родителями во всех исследуемых культурных контекстах. Тем не менее отцовская забота о детях в России в наименьшей степени оказалась ассоциирована с низким достатком в семье. Парадоксальным образом респонденты даже из обеспеченных семей зачастую указывали на низкий уровень участия отца в воспитании. Характерно, что уровень участия в заботе о детях у российских отцов был минимальный по сравнению со всей выборкой, а уровень достатка семьи практически не влиял на родительское участие отца в России. Важно отметить, что

в Бразилии, напротив, наиболее значимым фактором, деструктивно воздействующим на уровень участия отца, выступала именно бедность и низкий уровень экономического достатка в семьях. Согласно сравнительному анализу данных в Бразилии и США, уровень дохода демонстрирует высокий внутренний потенциал, способный существенно влиять на уровень родительских усилий отца. Мы полагаем, что полученные результаты могут свидетельствовать о присутствии стратификации в двух указанных обществах. Такая стратификация демонстрирует ключевую роль в формировании индивидуальной структуры модели семьи и в определении уровней инвестиций всех участников воспитания в этих культурах.

Итоговые результаты работы указывают на то, что бедность всё же крайне пагубна для полноценного развития ребёнка в российской семье, где негативное влияние низкого достатка в семьях наиболее сильно было ассоциировано со снижением не отцовской заботы, а материнской. Возможно, одной из причин такой выраженной связи экономической ситуации в семье с уровнем материнской заботы является то, что женщины вынужденно снижают своё участие в воспитании детей в случае трудной экономической ситуации, и перераспределяют большую часть своего времени на поиск дополнительного заработка. В то же время среди возможных причин этой негативной взаимосвязи может быть присутствующий дисбаланс в количестве мужского и женского населения в современной России.

В представленной работе на основе проведённого анализа сделан вывод о присутствии синхронного изменения суммарных родительских инвестиций как отца, так и матери. Согласно представленным в теоретическом обзоре работам, в случае обострения конфликта полов в семье, могут трансформироваться брачные стратегии как мужчин, так и женщин. При этом если один из супругов направляет свои брачные усилия на поиск новых партнёров и уклоняется от ресурсных вложений в matrimониальные и родительские инвестиции, второй партнёр будет вынужден не только больше времени уделять вопросам заработка, но и в конечном счёте, когда такие отношения распадутся, больше времени будет перенаправлять на активный брачный поиск в ущерб заботе о детях. Мы склонны интерпретировать

полученные результаты о сниженном родительском вкладе российских женщин, как косвенный признак эрозии традиционных семейных ценностей в российской нуклеарной семье. Таким образом, в наиболее уязвимых с экономической точки зрения российских семьях, где частично или полностью отсутствует ресурсная помощь отца, матери предположительно склонны корректировать своё репродуктивное поведение, выделяя существенные временные, энергетические и ресурсные затраты на поддержание экономического благополучия семьи, оставшейся без кормильца, а также и на брачные поиски в ущерб заботе о детях от предыдущего брака. В то же время эти результаты могут свидетельствовать о трудном в экономическом смысле слова периоде в истории нашей страны, периоде, когда проходило детство большинства наших российских респондентов (средний возраст участников опроса составил 29 лет и 1 месяц; по вопросам влияния переходного периода российской истории на семью см. работы С. Ю. Барсуковой; Т. А. Гурко; Н. Е. Тихоновой; Р. М. Римашиевой).

Вышесказанное согласуется с одним из ключевых выводов диссертационной работы, полученном в результате статистической обработки кросскультурных данных: финальная модель показала, что усилия обоих родителей не представляют из себя дуальную модель, предсказанную теорией конфликта полов. Напротив, они положительно взаимосвязаны друг с другом. Результаты проведённых расчётов показывают, что вложения обоих биологических родителей представляют собой однонаправленные усилия, которые увеличиваются и уменьшаются синхронно. Рост родительских отцовских вложений в ребёнка не снижает уровень материнской заботы, но содействует её репродуктивному потенциалу, непосредственно увеличивая количество детей в семье.

Важно отметить, что в США средний уровень отцовских усилий значительно выше, чем в двух других изученных в данной работе культурах. Это может быть связано с двумя факторами: с относительно более сбалансированным соотношением полов в американском обществе, то есть с большей долей мужчин в демографическом профиле населения; или же эта культурная особенность

американцев может интерпретироваться как косвенное свидетельство более строгих семейных и религиозных норм в культурном коде современных Соединённых Штатов Америки. Однако оба фактора могут быть взаимосвязаны друг с другом. Теория конфликта полов предсказывает, что родительская забота является адаптивной репродуктивной стратегией для мужчин только тогда, когда у отцов присутствует высокая достоверность биологического отцовства (Loo, Hawkes, Kim, 2017), что может быть полностью реализовано только в обществе с преобладающими нормами моногамии и низким уровнем полигинии.

В диссертационной работе мы показываем, что отличительной особенностью российских семей является то, что заботу о детях часто берут на себя прауродители. Таким образом, в России помощь старшего поколения остаётся чрезвычайно ценной и востребованной в изучаемом нами современном постиндустриальном обществе. Полученные нами результаты свидетельствуют о том, что в современной российской расширенной семье всё ещё присутствует высокая доля участия патрилинейных родственников.

Одним из основных результатов нашего исследования является выявление особенностей расстановки функциональных ролей членов трёхпоколенной российской семьи. Нами был разработан и внедрён гармоничный дизайн кросснационального исследовательского проекта, в котором сравнивались сопоставимые по населению крупные постиндустриальные страны в контексте взаимоотношений членов семейной группы. По результатам проведённого исследования сделан важный вывод о статистически достоверно более низких показателях участия российских отцов в воспитании детей в сравнения с отцами из США и Бразилии. Благодаря применённой методике кросскультурного сравнительного количественного анализа, мы смогли выявить вышеназванную культурную особенность, долго находящуюся в тени, несмотря на обширные научные изыскания в области семейной жизни россиян, проводимые психологами, социологами и педагогами. Полученные нами результаты в действительности являются приращением научного знания в области нашего понимания

особенностей и реалий российской семьи. Это позволяет высветить базовые, первоочередные трудности, с которыми сталкивается российская семья с детьми. В дополнение к вышесказанному совершенно неожиданными стали статистические выводы о том, что экономические сложности, с которыми сталкивается именно российская семья, согласно полученным нами результатам, являются второстепенными по отношению к вопросам культурного и нравственного воспитания в обществе.

Результаты проведённого исследования имеют также практическое приложение. В частности, указывают на необходимость уделить повышенное внимание аспекту отцовства в предлагаемых правительственными и неправительственными организациями социальных и образовательных программах защиты семьи и детства. Включение в образовательные и культурно-просветительские программы материала, в значительной степени направленного на мужскую аудиторию, позволит переломить сложившуюся негативную тенденцию минимального включения отцов в процесс воспитания подрастающего поколения. Повышение роли отца в семейной жизни и воспитание чувства ответственности в подрастающем поколении, на наш взгляд, даст все основания рассчитывать на положительную демографическую динамику в российском обществе уже в ближайшей перспективе.

В соответствии с поставленными в работе целью и задачами, после проведённого исследования нами были сделаны следующие ключевые выводы:

1. На примере трёх исследованных культур выявлено значимое присутствие родственной помощи в современном постиндустриальном обществе. При этом было обнаружено:

1.1. Присутствие универсального механизма компенсаторного участия в воспитательном процессе двух важнейших членов семьи: отца ребёнка и бабушки по материнской линии родства.

1.2. Участие старших детей в помощи негативно связано с уровнем включенности родителей матери и отца в воспитание внуков.

2. Невысокий экономический достаток семьи, выраженный в исследовании через параметр бедность, негативно сказывается на уровне заботы обоих родителей, в то же время были обнаружены существенные культурные отличия в степени влияния семейного достатка на родительские инвестиции матери и отца в каждой из изучаемых культур. А именно: в Российской Федерации бедность наиболее пагубно воздействует на материнский вклад, тогда как в других культурах именно отец чаще снижет свои родительские усилия в условиях нехватки экономических ресурсов в семье, последнее в наибольшей степени характерно для Бразилии.

3. В трёх изучаемых культурах родители и патрилинейные родственники проявляют выраженный фаворитизм в отношении детей и внуков, у которых присутствуют черты фенотипического сходства с ними самими или с их детьми. При этом сторона родства выступает ключевым фактором, влияющим на выраженность родственных инвестиций в детей. Родители матери вовлечены в воспитание внуков вне зависимости от выраженности признаков фенотипического сходства.

4. Родительские вклады матери и отца не являются по своей сути дуальным механизмом, как предполагает теоретическая концепция конфликта полов. Напротив, вложения обоих родителей положительно взаимосвязаны, и участие одного родителя способствует росту вложений в детей другого родителя.

5. Показано выраженное влияние фактора соотношения полов в обществе на уровень отцовского вклада в ребёнка, вследствие которого, как мы предполагаем, родительский вклад российских отцов в детей показал наименьшие среди изученных культур величины.

Список благодарностей

Автор благодарит Российский фонд фундаментальных исследований за предоставленную возможность полноценно работать над настоящим диссертационным исследованием, за внимание к выбранной автором теме семейных отношений и за возможность изучить тематику рождаемости в современном обществе. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19—313—90010.

Автор выражает благодарность:

- Аурелио Жозе Фигуеро (*Aurelio José Figueredo*) американскому эволюционному психологу, профессору психологии университета Аризоны, специалисту по вопросам семейных отношений и особенностям взросления (развития) человека. В настоящий момент профессор возглавляет лабораторию этологии и эволюционной психологии в Университете Аризоны. На протяжении всего научного проекта А. Фигуеро консультировал, обучал, контролировал важные этапы статистического и, прежде всего, факторного анализа. Инициировал процесс внедрения методов моделирования структурными уравнениями.
- Профессору Суеми Токумару (*Suemi Tokumaru*) факультета социальной психологии и социального развития федерального университета Эспириту-Санту (*Universidade Federal do Espírito Santo, Brazil*). С. Токумара контролировала важные этапы сбора эмпирических данных, а также давала ценные консультации на важных этапах исследования и анализа данных.
- Кэтрин Салмон (*Catherine Salmon*) — профессору университета Редландс США (*University of Redlands, USA*),

специалисту в области эволюционной психологии, внутрисемейных отношениях. Работы К. Салмон анализируют проявления сексуальности у человека. К. Салмон оказала незаменимую помощь в составлении опросника сходства фенотипических черт ребёнка и родителя. Учувствовала в сборе данных в американской выборке респондентов, помогала с адаптацией английского текста заявок на конференции, составленных на промежуточных этапах исследовательской работы.

- Рейчел Замбрано (*Rachel Zambrano*) — аспирантке университета Аризоны, которая оказала существенную поддержку и помощь в адаптации текста готовящихся к публикации материалов на английском языке, помогала со сбором данных у американских респондентов.

- Ренате Перейра (*Renata Pereira de Felipe*) — автор выражает благодарность за помощь в сборе данных по бразильской выборке аспирантке университета Сан-Паулу (*University of São Paulo, Brazil*).

- Тане Луччи (*Tania Kiehl Lucci*) — аспирантке университета Сан-Паулу автор благодарен за подготовку цифровых данных как по бразильской выборке, так и по контролю всех собранных данных в целом.

- Марине Львовне Бутовской (ИЭА РАН), доктору исторических наук, профессору, член-корреспонденту РАН, моему научному руководителю за многолетнюю поддержку и неустанный наставничество. Марина Львовна Бутовская способствовала составлению большей части опросника, она является соавтором всех опубликованных в процессе подготовки диссертационной работы статей, указанных в приложении к настоящей работе.

Список ключевых понятий

Включённая приспособленность — (англ. *inclusive fitness*) приспособленность (измеренная числом прямых потомков) и шансы распространения собственных генов через родственников. Гамильтон называет «полной приспособленностью» (включённой или обобщённой). Мы используем термин «включённая приспособленность», обозначающий тот вклад, который образуют общие по происхождению гены при своём сохранении и распространении независимо от того, какие особи становятся их носителями. Согласно правилу Гамильтона, альтруистическое поведение будет поддержано отбором, если приспособленность для получателя, умноженная на генетическую связь реципиента и донора, больше, чем затраты донора на исполнение альтруистического социального акта. И наоборот, эгоистичное поведение может быть поддержано отбором лишь тогда, когда неравенство Гамильтона не выполняется.

Дисперсия — территориальная миграция одного конкретного пола, часто совпадающая по времени с возрастом достижения особью половой зрелости. Является **одним** из важнейших аспектов в жизненном цикле живых организмов. Дисперсия представляет собой пространственное перемещение индивидов на определённое расстояние из места, где они родились и выросли (натальной территории), или же переходом из натальной группы в другую, что также может сопровождаться территориальным перемещением. Среди животных, как правило, существуют различия в расстояниях, на которые мигрирует тот или другой пол. Таким образом, поло-специфическая дисперсия (англ. *Sex-biased dispersal, SBD*) создаёт выраженные последствия для последующего генетического состава популяций (Clobert et al., 2001).

Матрилокальность (от лат. *mater* — мать и *ocus* — место) — норма брачного поселения, при которой молодые поселяются там, где живёт или жила мать жены, чаще всего — в матрилинейной группе жены. Иногда матрилинейность неверно отождествляется с **уксорилокальностью**. Строго говоря, матрилокальностью называется уксорилокальность, неуклонно повторяемая из поколения в поколение (Тишков и др., 1998).

Матрифокальность (от лат. *focus* — очаг, группировка вокруг матери) — такая форма организации социальных групп, когда в их центре стоит женщина или группа женщин. Термин обозначает принятую в культуре систему, при которой основная ответственность за благополучие и благосостояние семьи лежит на женщине. Отец либо отсутствует, либо играет незначительную роль в семейной жизни.

Непрямая забота (англ. *indirect care*) — косвенная забота, не связанная с прямым контактом с ребёнком. Часто проявляется в инвестициях в питание, материальное благополучие и окружение ребёнка (Marlowe, 2000). В данной работе непрямая забота определена через экономические вложения в ребёнка.

Патрилокальность (от лат. *pater* — отец и *locus* — место) — норма брачного поселения, при которой пара молодожёнов живёт там, где живёт или жил отец мужа. Иногда патрилокальность неверно отождествляется с **вирилокальностью**. В строгом смысле слова патрилокальность — это вирилокальное поселение, повторяемое из поколения в поколение и обычно соответствующее поселению в патрилинейной группе мужа (Тишков и др., 1998).

Прародители (англ. *grandparents*) — старшие прямые родственники с социально ожидаемой долей генетического родства с потомками 2-го поколения ~ 25%. В диссертационной работе использована терминология, наиболее близко соотносящаяся с семантикой наименования родственников лиц группы «родители матери и отца» (*Cambridge Academic content dictionary*, 2008), свойственной

английскому языку, что согласуется с лексико-методологическим подходом ряда современных отечественных исследователей проблематики родственных вкладов, а также наследственных болезней.

Приспособленность (англ. *fitness*) — это количественная мера естественного отбора, т. е. показатель успешности размножения данного организма (генотипа) по сравнению с другими организмами (генотипами) в конкретных условиях среды. (Арефьев, 1995.)

Прямая забота (англ. *direct care*; Marlowe, 2000) связана с личным прямым участием родителя или помощника в заботе о ребёнке. В настоящей работе мы определили её через время, которое тратят родственники на непосредственный присмотр за ребёнком, и подразумевает близкий физический контакт с последним.

Родительский вклад — любое время, энергетические ресурсы и поведенческие усилия, направленные на повышение вероятности выживания и репродукцию одного детёныша, затраченные в ущерб другим формам репродуктивных усилий (например, открытой борьбе с представителями своего пола (Бутовская, 2004).

Родительская забота (англ. *parental care*). Современная этология оперирует понятием «родительская забота». Это чисто описательный термин, который не направлен на количественное или стоимостное выражение затрат родителей при оказании заботы. Родительская забота в широком смысле может быть определена как «любая родительская деятельность или особенность», которая повышает приспособленность потомства и, вероятно, возникла и/или в настоящее время поддерживается для этой цели (Royle et. al., 2012). Родительская забота — это форма родительского вклада, проявляющаяся только тогда, когда забота повышает приспособленность потомства и является затратной для родителя, её предоставляющего (Klug et. al., 2012). Многие исследователи не относят процесс создания половых гамет к форме родительской заботы, потому что все животные

демонстрируют определённую форму инвестиций в создание половых гамет. Таким образом, отнесение акта формирования гамет к родительской заботе, потенциально повлечёт и смещение всей классификации родительской заботы к преимущественно женскому типу заботы о потомстве у подавляющего большинства видов (Parker et al., 1972).

Родственная забота (англ. *alloparental care*) — это альтруистическое поведение родственника-помощника, приносящее пользу потомкам, получающим заботу. *Помощничество* и родственная забота может быть представлена как адаптивное поведение. Правило Гамильтона предсказывает, что такая забота более вероятно будет развиваться среди близких родственников. Согласно правилу Гамильтона, стоимость вклада помощника в потомка должна быть меньше, чем итоговая польза, полученная им. Величина альтруистической помощи соотносится с уровнем генетической связи помощника и потомка (Brown, 1987; Emlen, Wrege, 1991; Vehrencamp, 1978). Таким образом, помощник повышает свою включённую приспособленность, заботясь о родственниках.

Совместная забота о потомстве (англ. *cooperative breeding*) — в наиболее полном определении совместная забота описывается как социальная система, в которой члены социума помогают в воспитании общего потомства, не приходящихся им потомками первого порядка родства (Kramer 2010).

Филопатрия (от греч. *philopatria* — любовь к отечеству), стремление особи возвратиться к месту своего обитания, к месту рождения, либо в иное привычное место, и/или оставаться в нём.

Экзогамия (от греч. *exo* — вне и *gamos* — брак) — обычай, запрещающий брать жён из своего рода, своей социальной группы; антоним — **эндогамия** (Ушаков, 1935—1940).

Список сокращений и условных обозначений

КМУ — ежегодная конференция молодых ученых, проводимая в Институте этнологии и антропологии РАН, в Москве

РФФИ — Российский Фонд Фундаментальных Исследований

РМЭЗ - Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения

СТЭ — синтетическая теория эволюции

CEIC Data — является подразделением компании CITIC и CAIXIN и более 20 лет занимается сбором и предоставлением макроэкономических данных по 195 странам мира

CFA — англ. *Confirmatory factor analysis*; подтверждающем факторный анализ

CFI — англ. *Comparative Fit Index*; индекс согласия, при анализе элементов, входящих в единый опросник

Cronbach's α — Альфа Кронбаха

EFA — англ. *Exploratory factor analysis*, исследующий факторный анализ

EPP — англ. «*extra paternity rate*», процентный показатель, преимущественно используемый в генетических исследованиях, отражающий количество детей, зачатых вне легитимной супружеской пары

ISHE — англ. *International Society for Human Ethology*; международное общество этологии человека

Df — число степеней свободы

HRAF — англ. *The Human Relations Area Files*; региональная картотека человеческих отношений

LH — англ. *Life History theory*, LH, теория истории жизни

M — среднее

Me — медиана

MGM — бабушка по материнской линии родства

MGP — бабушка по отцовской линии родства

N — количество

P — уровень статистической значимости

PTNCE — англ. *Polish Society for Human and Evolution Studies*; польское общество исследований в области эволюции человека

R² — коэффициент детерминации

R — программная среда для статистического анализа

SD — стандартное отклонение

SEM — статистический метод моделирование структурными уравнениями

SRMR — англ. *Standardized Root Mean Square Residual*;
Среднеквадратическая ошибка аппроксимации

TLI — англ. *Tucker-Lewis Index*; индекс согласия, при анализе элементов, входящих в единый опросник

χ^2 — в структурных моделях критерий оценки статистической значимости расхождения теоретической и эмпирической матриц корреляций и ковариаций

Список иллюстрированного материала

Рисунки

Рисунок 1. География стран, в которых прошло детство респондента.

Рисунок 2. Распределение участников опроса по штатам Бразилии.

Рисунок 3. Распределение участников опроса по регионам Российской Федерации.

Рисунок 4. Распределение участников опроса по Соединенным Штатам Америки.

Рисунок 5. Прогнозируемый рост в уровне участия отца в заботе о ребёнке в зависимости от фиксируемой в обществе абсолютной величины численности мужчин, соотнесённой с абсолютными показателями к численности женщин. Тремя цветами показаны ответы респондентов из трёх исследованных культурных контекстов: красным цветом показаны ответы респондентов на русском языке, синим цветом показаны ответы респондентов на португальском языке, зелёным цветом отмечены респонденты из американской выборки.

Рисунок 6. Динамика относительной процентной численности мужского населения в трёх странах начиная с 60-х гг. XX вв.

Рисунок 7. Соотношения полов, указанные респондентами в трёх культурных средах.

Рисунок 8. Сравнение средних стандартизированных значений в уровне отцовских усилий при воспитании ребёнка в семьях в трёх культурах с отображением 95% доверительных интервалов в параметрах средних значений

Рисунок 9. Влияние параметра соотношения полов на уровень отцовских инвестиций в трёх странах.

Рисунок 10. CFA Модель доступности прародителей в контексте подтверждающего факторного анализа (CFA). Овалами изображены латентные переменные — конструируемые факторы. В прямоугольниках представлены манифестируемые переменные, соответствующие стандартизированным оценкам, которые были даны в качестве ответов на следующие вопросы: Каникулы.О — «Как часто Вы проводили с бабушкой и/или дедушкой по отцу каникулы»; Близость.О — «Родители отца жили?»; Присмотр.О — «Как часто дедушка и/или

бабушка отца сидела с Вами во время Вашей болезни?»; Каникулы.М – «Как часто Вы проводили с бабушкой и/или дедушкой по матери каникулы?»; Близость.М – «Родители матери жили?»; Присмотр.М — «Как часто дедушка и/или бабушка матери сидела с Вами во время Вашей болезни?».

Рисунок 11. Подтверждающий факторный анализ (CFA), проведённый в рамках моделирования структурными уравнениями (SEM). На блок-схеме овалами показаны два латентных конструкта: сходство респондента и отца (1); сходство респондента и матери (2). У стрелок показаны регрессионные веса. Прямоугольникам соответствуют переменные из файла исходных данных.

Рисунок 12. Блок-схема SEM Родительский вклад и бедность. На рисунке приведена априорная гипотетическая модель. Латентные переменные представлены в округлых контурах, такие латентные переменные (факторы) выявляются через их влияние на советуемые манифестируемые переменные. В прямоугольниках показаны манифестируемые переменные: «Мама помогала решать проблемы» (С1.М); «Эмоциональная поддержка матери» (С2.М); «Мама позволяла учиться на своих ошибках» (С3.М); «Количество заботы и любви, которое уделила мать» (С4.М); «Эмоциональная поддержка отца» (С1.Ф); «Помощь отца в решении проблем» (С2.Ф); «Отец позволял учиться на своих ошибках» (С3.Ф); «Количество заботы и любви, которое уделил отец» (С4.Ф); «Семья никогда не выбиралась из долгов» (Р1); «Жили от зарплаты до зарплаты» (Р2); «Родители не всегда могли оплачивать счета» (Р3); «Семья иногда занимала деньги» (Р4); «Поношенная одежда» (Р5).

Рисунок 13. Блок-схема SEM, отражающая взаимосвязи в семье, состоящей из трёх поколений.

Рисунок 14. Множественные SEM: А — Бразилия, В — Россия, С — США.

Рисунок 15. Упрощенная схема компенсаторного распределения усилий внутри трёхпоколенной семьи.

Таблицы

Таблица 1. Демографические параметры выборки в трёх исследуемых культурных контекстах

Таблица 2. Оценка надежности фактора «отцовские усилия»

Таблица 3. Множественные сравнения Бонферрони. Зависимая переменная — отцовские усилия

Таблица 4. Оценка надежности шкал опросника

Таблица 5. SEM Влияние экономических параметров (бедности) на родительскую заботу

Таблица 6. SEM результаты финальной модели

**Список используемой литературы
на русском языке**

1. Абашин С. Н. Статистика как инструмент этнографического исследования (узбекская семья в XX в.) //Этнографическое обозрение. — 1999. — №. 1. — С. 3–16.
2. Абушева Х. К., Шамилев С. Р. Браки и разводы в РФ и пути снижения последних //Современные проблемы науки и образования. — 2013. — №. 4. — С.237–237.
3. Агларов М. А. Сельская община как эндогамный круг в Дагестане //Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XVII — начале XIX в. — Махачкала, 2014. — 290 с.
4. Агларов М. А. Формы заключения брака и некоторые особенности свадебной обрядности у андийцев //Советская этнография. — 1964. — №. 6. — С. 130–136.
5. Алешина Ю. Е., Волович А. С. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины //Вопросы психологии. — 1991. — Т.4. — С. 74–82.
6. Алешина Ю. Е., Борисов И. Ю. Полоролевая дифференциация как показатель межличностных отношений супругов //Вестник Моск. ун-та. Сер. XIV — 1989. — Т.14. — С. 44–53.
7. Арефьев В. А., Лисовенко Л. А. Англо-русский толковый словарь генетических терминов. — М.: Изд-во ВНИРО, 1995. — 407 с.
8. Артёмова О. Ю. Гармония родства//Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства // СПб.: ГУП «Типография «Наука». — 2007. — №. 11. — С. 117—145.
9. Артемова О. Ю. и др. Исследования феномена родства //Антропологический форум. — 2011. — №. 15. — С. 9–144.

10. Барсукова С. Ю., Радаев В. В. Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье //Мир России. Социология. Этнология. — 2000. — Т.9. — №. 4. — С. 65–102.
11. Басаева К. Д. Семья и брак у бурят. — Новос.: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. — 224 с.
12. Бахофен И. Я. Материнское право //Классики мирового религиоведения. — 1996. — С. 224–237.
13. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. "Папы по любви" и " папы поневоле", или почему российские отцы не идут в отпуск по уходу за ребенком? //Социологические исследования. — 2019. — №. 7. — С. 90–101.
14. Беккер Г. Человеческий капитал (главы из книги) //США: экономика, политика, идеология. — 1993. — Т.11. — С. 12–85.
15. Богина, Ш. А., Дридзо А. Д., Котовская М. Г. и др./ отв. ред. Богина Ш. А. Семья у народов Америки. — М.: Наука, 1991. — 312 с.
16. Булыгина М. В., Комарова С. В. Прародители и внуки (обзор зарубежных исследований) //Современная зарубежная психология. — 2019. — Т.8. — №. 4. — С. 97–105.
17. Бурова С. Н. Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии //Социология. — 2010. — №. 1. — С. 142–143.
18. Бутовская М. Л. Гендер в современном мире: реалии и перспективы женщин в сфере гендерного равенства //Личность. Культура. Общество. — 2008. — Т.10. — №. 2. — С. 220–232.
19. Бутовская М. Л. «Тайны пола. Мужчина и женщина в зеркале эволюции». — М.: Век-21, 2004. — 367 с.
20. Бутовская М. Л., Бойко Е. Ю. Родительский фаворитизм и особенности формирования стилей поведения у детей в зависимости от порядка рождения: биосоциальные аспекты //Этнографическое обозрение. — 2001. — №. 6. — С. 67–81.

21. Бутовская М. Л. Репродуктивный успех и экономический статус у датога-полуоседлых скотоводов Северной Танзании // Этнографическое обозрение. — 2011. — №. 4. — С. 85–99.
22. Бутовская М. Л. и др. Механизмы репродуктивного поведения человека: ольфакторные маркеры мужской привлекательности // Журнал общей биологии. — 2012. — Т.73. — №. 4. — С. 302–317.
23. Бутовская М.Л., Карелин Д. В., Буркова В. Н. Традиционные скотоводы Восточной Африки сегодня: репродуктивный успех, плодовитость, детская смертность и благосостояние датога Северной Танзании // Вестн. Моск. ун-та. Сер. XXIII. Антропология. — 2012. — № 4. — С. 70—83.
24. Бутовская М.Л., Буркова В. Н. Социальный статус и репродуктивный успех мужчин в эгалитарном обществе хадза — охотников-собирателей северной Танзании // Антропология социальных перемен: сборник ст. Отв.ред. Гучинова Э., Комарова Г.— М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). — 2011. — С. 365–386.
25. Бутовская М.Л., Веселовская Е. В., Прудникова А. С. Модели биосоциальной адаптации человека и их реализация в условиях индустриального общества // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосиб. — 2010. — № 4. — С.143–154.
26. Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура — М. Научный мир, 2004. — 437 с.
27. Бутовская М.Л., Буркова В. Н., Карелин Д. В. Как кооперироваться в масайском обществе или не злите масайских женщин // Кунсткамера. — 2019. — №4 (6). — С. 9–27.
28. Вишневский А. Г. После демографического перехода: дивергенция, конвергенция или разнообразие? // Общественные науки и современность. — 2015. — №. 2. — С.112–129.
29. Вишневский А. Г. Эволюция семьи и семейная политика в СССР. — М.: Наука, 1992. — 138 с.

30. Власова И. В. Брак и семья у русских (XII — начало XX в.). Русские /Отв. ред. Александров В. А., Власова И. В., Полищук Н. С. — М. — 1997. — С. 418—419.
31. Выготский Л. С. Педология подростка. — М.: Бюро заочного обучения при Педфаке 2 МГУ, 1929. — 504 с.
32. Выготский Л. С. Психология развития ребенка. — М.: Эксмо, 2005. — 507 с.
33. Ганцкая О. А. и др. Современная семья у народов Зарубежной Европы. Опыт этносоциологического исследования. — М.: Наука, 1993. — 191 с.
34. Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи //Социологические исследования. — 2008. — Т.7. — №. 1. — С. 40–49.
35. Грацианская Н. Н. Основные проблемы семьи чехов и словаков (кон. XIX - 80-е гг. XX в.) // Современная семья у народов зарубежной Европы. - М. — 1993. — С. 6–60.
36. Григорьева Р. А., Ефремова Л. С. Латышская крестьянская семья в Латгале //Советская этнография. — 1985. — №. 4. — С. 152–153.
37. Гурко Т. А. Некоторые аспекты родительства в России в контексте социальных режимов обеспечения постиндустриальных стран //Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур. — 2016. — С. 272–276.
38. Гусенко М. А. Каждый пятидесятый отец в России берет «декретный» отпуск // Российская газета. — 2019. — [Электронный источник]. URL: <https://rg.ru/2019/03/06/kazhdyj-piatidesiatyj-otec-v-rossii-beret-dekretnyj-otpusk.html> (дата обращения: 06.03.2019).
39. Дедю И. И., Экологический энциклопедический словарь. — Кишинев: Главная редакция Молдавской советской энциклопедии, 1989.— 406 с.
40. Долгов В. В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI-XIII вв. — М.: Яуза: Эксмо, 2017. — 510 с.
41. Дударева Ю. А., Гурьева В. А. Анализ течения и исходов беременности у 2-го поколения потомков, прародители которых находились в зоне радиационного

- воздействия //Вестник Российской академии медицинских наук. — 2013. — Т.68. — №. 4. — С. 25–29.
42. Жеребин В. М., Махрова О. Н. Цифровой раскол между поколениями //ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия, 2015. — №. 4. — С. 5–9.
43. Золотухина М.В. Современная семья в США в исследованиях американских ученых // Сов. этнография. - 1991. - N 3. — С. 146–152.
44. Золотухина М. В. Мир американской семьи. — М.: ИЭА РАН, 1999. — 319 с.
45. Зритнева Е. И. Социология семьи: учебное пособие. — М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2019. — 150 с.
46. Иванов Ю. М. О характере традиционных большесемейных отношений в Тропической Африке // Эволюция традиционных институтов в колониальной и постколониальной Африке. — 2001. — С. 59–65.
47. Комарова Г. А. Этнография детства: междисциплинарные исследования //М.: ИЭА РАН, 2014. — 132 с.
48. Кан Дэ К. Семья у якутов и тувинцев в современных социально-экономических условиях, 1980-1990-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. // М.: ИЭА РАН. — 1999. — 27 с.
49. Капица С. П. Общая теория роста человечества. — 1999. — 120 с.
50. Ковалевский Максим, Моравский Сергей. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. Litres, 2018. — 188 с.
51. Кован Ф. А., Кован К. П. Взаимоотношения в супружеской паре, стиль родительского поведения и развитие трехлетнего ребенка //Вопр. психологии. — 1988. — №. 4. — 110 с.
52. Комарова Г. А. Традиции и инновации в семейно-брачных отношениях чувашей // Семья: Традиции и современность. —1990. — С.66-79.
53. Кон И. С. Этнография родительства — М.: Академия, 2000. — 269 с.
54. Кон И. С. Ребенок и общество. — М.: Academia (ГПП Печат. Двор), 2003. — 334 с.

55. Конт О. Курс положительной философии. Т. 1. С.-Петербург, 1900. Первая лекция //Философия и общество. — 1999. — №. 1. — 302 с.
56. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. — М.: Республика. — 1994. — 382 с.
57. Ле-Пле Ф. Основная конституция человеческого рода. — М.: URSS: Либроком, 2011. — 235 с.
58. Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон, Аристотель. — М.: Молодая гвардия, 1993. — Т.723. — 383 с.
59. Лукьянченко Т. В. Семья саамов Кольского полуострова // Тр. Ин-та яз., лит. и истории науч. центра УРО АН СССР. — Сыктывкар. — 1991. — № 49. — С. 43–52.
60. Львова Э. С. [Рецензия] // Сов. этнография. — 1990. — N 2. — С. 168–169. — Рец. на кн.: Синицына И.Е. Человек и семья в Африке. — М, 1989. — 311 с.
61. Максимов А. Н. Критика и библиография: Эрнст Гроссе Формы семьи и формы хозяйства. //Этнографическое обозрение. — 1898. — №. 4. — С. 153–181.
62. Марков А. В., Наймарк Е. Б. Эволюция //Классические идеи в свете новых открытий. — М.: Акт: CORPUS, 2014. — 656 с.
63. Мердок Д. П. Социальная структура/Дж. П. Мердок. — М, 2003. — 605 с.
64. Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. — Ленинг.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. — 350 с.
65. Мухина З. З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России// М.: ИЭА РАН, 2012. — 299 с.
66. Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. — Екатер.: Издательство УГГУ, 2005. — 543 с.

67. Обозов Н. Н., Обозова И. С. Психология отношений личности. — СПб.: Облик, 2000. — 165 с.
68. Оппенгеймер С. Изгнание из Эдема. — М, 2004. — 640 с.
69. Першиц А. И. [Рецензия] // Сов. этнография. — 1989.— N 2. — С.147-149. — Рец. на кн.: Этносоциальные аспекты изучения семьи народов зарубежной Европы / Отв. ред. Ганцкая О.А., Кашуба М.С., Токарев С. А. — М, 1987. — 195 с.
70. Преснякова-Осипова И. В. Молодая семья в современном российском социуме (образ и качество жизни): автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Рос. гос. ун-т туризма и сервиса. — 2013. — 26 с.
71. Пушкарева Н. Л. Русская семья X—XVII вв. в «новой» и «традиционной» демографической истории // Сов. этнография. —1996. — № 3. — С. 64–66.
72. Пушкарева Н. Л. Мать и материнство на Руси X-XVII вв. Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени / Отв. Редактор Бессмертный Ю. Л. — М.: ИВИ РАН. — 1996. — С. 305–345.
73. Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. — М.: Изд-во Мысль, 1989. — 286 с.
74. Рассел Б. Брак и мораль. Пер. с англ. ЮВ Дубровина //М.: Изд-во Крафт, 2004. — 262 с.
75. Ржаницына Л. С. и др. Алименты в России: анализ проблем и стратегия в интересах детей. — М.: ИЭА РАН, 2012. — 336 с.
76. Римашевская Н. М., Малышева М. М. и Пискалова-Паркер М. П. Баланс профессиональных и семейных ролей отцов как залог устойчивости семьи и общества// Народонаселение. — №2 (76). — 2017. — С. 28–41.
77. Рэдклифф-Браун А. Р. Структура и функция в примитивном обществе. — 2001.
78. Рябов, Олег Вячеславович. Национальная идентичность (Гендерный аспект. На материале русской историософии): автореферат дис. ... доктора философских наук. — Ивановский государственный университет. — 2000. — 48 с.

79. Семенова О. В. РОДСТВЕННЫЙ ВКЛАД В ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ: РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА.: дис. ... магистр. антропологии. — М. — 2017. — 146 с.
80. Семенова О. В., Бутовская М.Л. — Матрилатеральный родственный вклад во внуков в современной российской семье. Дискриминация потомков женского пола со стороны бабушек и дедушек// Сибирские исторические исследования. — (принято к публикации).
81. Семенова О. В., Бутовская М.Л. — Теоретические и практические следствия дисбаланса в количестве мужского и женского населения в современной России. Влияние фактора соотношения полов в регионе на индивидуальный уровень материального благополучия // Социодинамика. — 2020 а. — С. 30–45.
82. Семенова О. В., Бутовская М.Л. — Рождаемость в современном российском обществе: роль экономических и культурных факторов в условиях растущей урбанизации // Урбанистика. — 2019. — № 2. — С. 49–63.
83. Семенова О. В., Бутовская М.Л. — Урбанизация и усиление полового отбора среди мужчин в современном российском обществе // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. — 2020 b. — № 1. — С. 98–107.
84. Семенова О. В., Бутовская М.Л. — Связь родственной помощи бабушек и дедушек с удаленностью домохозяйств на примере России, США и Бразилии // Человек и культура. — 2021a. — № 4. — С. 10–33.
85. Семенова О. В., Бутовская М.Л. — Зависимость родственной помощи в заботе о внуках от дистанции проживания: сравнительный анализ России, США и Бразилии // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. — 2021b. — № 2. — С. 139–152.
86. Семенова О. В., Бутовская М.Л. — Теоретические репродуктивные следствия конфликта полов у человека // Доклады Российской академии наук. Науки о жизни. — 2021с. — № 5.— Т. 500. — С. 41–48.

87. Соколова З. П. Эндогамия и этнос // Этногр. обозрение. - 1992. — N 3. — С.67–78.
88. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. «Цифровая» ситуация развития межпоколенческих отношений: разрыв и взаимодействие между подростками и родителями в Интернете // Мир психологии. — 2017. — №. 1. — С.134–143.
89. Старке К. Н. Первобытная семья, ее возникновение и развитие. — СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1901. — 385 с.
90. Тер-Саркисянц А. Е. Сельская семья у армян Нагорного Карабаха: Основные тенденции развития // Семья: Традиции и современность. — М. — 1990. — С. 139–169.
91. Тихонова Н. Е. Гендерные аспекты влияния реформ 90-х годов в России на положение бедных городских домохозяйств // Демоскоп Weekly. — 2005. — С. 221-222.
92. Тишков В. А. и др. Народы и религии мира. — Большая Российская Энциклопедия. — М, 1998. — 926 с.
93. Ушаков Д. Н. Толковый словарь Ушакова 1935—1940 [Электронный ресурс] // URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 01.04.2019). — 2011.
94. Шевченко И. О. Представления россиян об отцах и отцовстве // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». — 2015. — №. 7. — С. 150.
95. Шервуд Е. А. Валлийцы и корнуольцы // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы/отв. ред. ЮВ Иванова, МС Кашуба, НА Красновская. М.: Наука. — 1990. — С. 120–128.
96. Шервуд Е. А. Некоторые аспекты современной семьи немцев (на примере восточных округов Германии) // Современная семья у народов зарубеж. Европы. — М. — 1993.— С. 147–166.
97. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — М.: Политиздат, 2019. — 222 с.

Список используемой литературы на английском языке

1. Adimora A. A. et al. Sex ratio, poverty, and concurrent partnerships among men and women in the United States: a multilevel analysis //Annals of epidemiology. — 2013. — Vol. 23. — №. 11. — Pp. 716–719.
2. Alexander R. D. Epigenetic rules and Darwinian algorithms: The adaptive study of learning and development //Ethology and sociobiology. — 1990. — Vol. 11. — №. 4–5. — Pp. 241–303.
3. Alexander R. D., Culligan K. G. Darwinism and human affairs. — Seattle : University of Washington Press. — 1979. — Vol. 6. — Pp. 7–12.
4. Alt H., Alt E. Russia's children: A first report on child welfare in the Soviet Union. — Bookman Associates, 1959. — 248 p.
5. Alvarez H. P. Residence groups among hunter-gatherers: a view of the claims and evidence for patrilocal bands //Kinship and behavior in primates. — 2004. — Pp. 420–442.
6. Alvergne A., Faurie C., Raymond M. Are parents' perceptions of offspring facial resemblance consistent with actual resemblance? Effects on parental investment //Evolution and Human Behavior. — 2010. — Vol. 31. — №. 1. — Pp. 7–15.
7. Alvergne A., Faurie C., Raymond M. Variation in testosterone levels and male reproductive effort: Insight from a polygynous human population //Hormones and Behavior. — 2009. — Vol. 56. — №. 5. — Pp. 491–497.
8. Alvergne A., Hrdy S. B. Mothers and Others: The Evolutionary Origins of Mutual Understanding //Journal of Biosocial Science. — 2011. — Vol. 43. — №. 4. — Pp. 509.
9. Anderson K. G. How well does paternity confidence match actual paternity? Evidence from worldwide nonpaternity rates //Current anthropology. — 2006. — Vol. 47. — №. 3. — Pp. 513–520.
10. Anderson K. G. Relatedness and investment in children in South Africa //Human Nature. — 2005. — Vol. 16. — №. 1. — Pp. 1–31.

11. Antfolk J., Sjölund A. High parental investment in childhood is associated with increased mate value in adulthood // *Personality and Individual Differences*. — 2018. — Vol. 127. — Pp. 144–150.
12. Apicella C. L., Marlowe F. W. Perceived mate fidelity and paternal resemblance predict men's investment in children // *Evolution and Human behavior*. — 2004. — Vol. 25. — №. 6. — Pp. 371–378.
13. Aral S. O. Sexual network patterns as determinants of STD rates: paradigm shift in the behavioral epidemiology of STDs made visible. — 1999. — Pp. 262–264.
14. Baker R. R. Bellis M. A. Human sperm competition: copulation, masturbation and infertility. — Chapman & Hall. — 1993. — Pp. 861–885.
15. Bales K. et al. Effects of allocare-givers on fitness of infants and parents in callitrichid primates // *Folia Primatologica*. — 2000. — Vol. 71. — №. 1–2. — Pp. 27–38.
16. Barber N. On the relationship between marital opportunity and teen pregnancy: The sex ratio question // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. — 2001. — Vol. 32. — №. 3. — Pp. 259–267.
17. Barry H., Paxson L. M. Infancy and early childhood: Cross-cultural codes 2 // *Ethnology*. — 1971. — Vol. 10. — №. 4. — Pp. 466–508.
18. Bateman A. J. Intra-sexual selection in *Drosophila* // *Heredity*. — 1948. — Vol. 2. — №. 3. — Pp. 349–368.
19. Bates D. et al. Package 'lme4' // *Version*. — 2018. — Vol. 1. — Pp. 1–115.
20. Beauchamp J. P. Genetic evidence for natural selection in humans in the contemporary United States // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. — 2016. — Vol. 113. — №. 28. — Pp. 7774–7779.
21. Becker G. S. Human capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to education. — University of Chicago press, 2009. — 216 p.
22. Beckerman S. et al. The Bari partible paternity project: Preliminary results // *Current Anthropology*. — 1998. — Vol. 39. — №. 1. — Pp. 164–168.

23. Beckerman S., Valentine P. The concept of partible paternity among native South Americans //AAAS Meeting, Anaheim, CA, 1999.— 13 p.
24. Bellis M. A. et al. Measuring paternal discrepancy and its public health consequences //Journal of Epidemiology & Community Health. — 2005. — Vol. 59. — №. 9. — Pp. 749–754.
25. Bellis M. A., Baker R. R. Do females promote sperm competition? Data for humans //Animal behaviour. — 1993. — Pp. 135–139.
26. Belsky J. The determinants of parenting: A process model //Child development. — 1984. — Pp. 83–96.
27. Ben Mocha Y. Why do human and non-human species conceal mating? The cooperation maintenance hypothesis //Proceedings of the Royal Society B. — 2020. — Vol. 287. — №. 1932. — Pp. 20201330.
28. Bengtsson B. O. Avoiding inbreeding: at what cost? //Journal of Theoretical Biology. — 1978. — Vol. 73. — №. 3. — Pp. 439–444.
29. Bernard J. The future of marriage. — Yale University Press. —1982. — Pp. 436.
30. Bhattacharya P. C. Gender balance and economic outcomes in Russia, India, and China //Emerging Markets and the Future of the BRIC Nations. — 2015. — Pp. 86.
31. Bird R. Cooperation and conflict: The behavioral ecology of the sexual division of labor //Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews: Issues, News, and Reviews. — 1999. — Vol. 8. — №. 2. — Pp. 65–75.
32. Black C. J. The life history narrative: How early events and psychological processes relate to biodemographic measures of life history. — 2016. — 118 p.
33. Black C. J., Gable J. C. Early Environment Questionnaire. — 2012.
34. Blum D., Breedlove S. M. Sex on the Brain: The Biological Differences Between Men and Women //Nature Medicine. — 1997. — Vol. 3. — №. 11. — Pp. 1291.
35. Blurton Jones N, Hawkes K, O’Connell J. 1989. Blurton J. N., Hawkes K., Connell J. Measuring and modeling costs of children in two foraging societies: implications for schedule of reproduction //Comparative Socioecology of Mammals and Humans. Oxford: Blackwell. — 1989. — Pp. 367–390.

36. Blurton Jones N. G., Hawkes K., O'Connell J. F. Modelling and measuring costs of children in two foraging societies //Comparative socioecology of humans and other mammals. London: Basil Blackwell. — 1989. — Pp. 367–390.
37. Bogin B. Patterns of Human Growth. Cambridge Univ., 1999. — 288 p.
38. Bogin B., Bragg J., Kuzawa C. Childhood, biocultural reproduction, and human lifetime reproductive effort //Childhood: Origins, evolution, and implications. — 2016. — Pp. 45–72.
39. Bogin B., Smith B. H. Evolution of the human life cycle //American Journal of Human Biology: The Official Journal of the Human Biology Association. — 1996. — Vol. 8. — №. 6. — Pp. 703–716.
40. Bogin B., Varea C. Evolution of human life history //Evolutionary Neuroscience. — Academic Press. — 2020. — Pp. 753–767.
41. Bolnick D. A., Bolnick D. I., Smith D. G. Asymmetric male and female genetic histories among Native Americans from Eastern North America //Molecular biology and evolution. — 2006. — Vol. 23. — №. 11. — Pp. 2161–2174.
42. Boone III J. L. Parental investment and elite family structure in preindustrial states: a case study of late medieval-early modern Portuguese genealogies //American anthropologist. — 1986. — Vol. 88. — №. 4. — Pp. 859–878.
43. Boone J. L., Kessler K. L. More status or more children? Social status, fertility reduction, and long-term fitness //Evolution and Human Behavior. — 1999. — Vol. 20. — №. 4. — Pp. 257–277.
44. Bowler D. E., Benton T. G. Causes and consequences of animal dispersal strategies: relating individual behaviour to spatial dynamics //Biological Reviews. — 2005. — Vol. 80. — №. 2. — Pp. 205–225.
45. Brislin R. W. Back-translation for cross-cultural research //Journal of cross-cultural psychology. — 1970. — Vol. 1. — №. 3. — Pp. 185–216.
46. Brooks R. Little China girls: How history's worst famine shifted the sex ratio. [Электронный ресурс]. — URL: theconversation.com/little-china-girls-how-historys-worst- (theconversation.com). — Дата обращения: 15 мая 2021 г.

47. Brown J. L. Alternate routes to sociality in jays—with a theory for the evolution of altruism and communal breeding //American Zoologist. — 1974. — Vol. 14. — №. 1. — Pp. 63–80.
48. Brown J. L. Helping and cooperative breeding in birds //Princeton: Princeton University, 1987. — 354 p.
49. Browne M. W. Structured latent curve models. In Multivariate analysis: Future directions 2. — 1993. — Pp. 171–197.
50. Burkart J. M., Van Schaik C., Griesser M. Looking for unity in diversity: human cooperative childcare in comparative perspective //Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. — 2017. — Vol. 284 (20171184). — Pp. 2–10.
51. Dillon L. et al. When the cat's away, the spouse will play: a cross-cultural examination of mate guarding in married couples //Journal of Evolutionary Psychology. — 2014. — Vol. 12. — №. 2–4. — Pp. 97–108.
52. Dobson F. S. Competition for mates and predominant juvenile male dispersal in mammals //Animal behaviour. — 1982. — Vol. 30. — №. 4. — Pp. 1183–1192.
53. Downey D. B. When bigger is not better: Family size, parental resources, and children's educational performance //American sociological review. — 1995. — Pp. 746–761.
54. Draper P., Hames R. Birth order, sibling investment, and fertility among Ju/'hoansi (! Kung) //Human Nature. — 2000. — Vol. 11. — №. 2. — Pp. 117–156.
55. Du J., Mace R. Parental investment in Tibetan populations does not reflect stated cultural norms //Behavioral Ecology. — 2018. — Vol. 29. — №. 1. — Pp. 106–116.
56. Dunn E. The Soviet rural community //Soviet rural community. — 1971. — 448 p.
57. Dyson T., Murphy M. The onset of fertility transition //Population and Development Review. — 1985. — Pp. 399–440.
58. Eberstadt N., Shah A. Russia's demographic disaster //American Enterprise Institute for Public Policy Research, Special Report May. — 2009. — Pp. 1–8.

59. Ember M., Ember C. R. Marriage, family, and kinship: Comparative studies of social organization. — Human Relations Area Files. — 1983.
60. Emlen S. T. et al. Flexible growth rates in nestling white-fronted bee-eaters: a possible adaptation to short-term food shortage //Condor. — 1991. — Pp. 591–597.
61. Emlen S. T. The evolution of helping. I. An ecological constraints model. The American Naturalist.— №119.— 1982. — Pp. 29–39.
62. Emlen S. T., Wrege P. H. Breeding biology of white-fronted bee-eaters at Nakuru: the influence of helpers on breeder fitness //The Journal of Animal Ecology. — 1991. — Pp. 309–326.
63. Eriksson J. et al. Rivers influence the population genetic structure of bonobos (*Pan paniscus*) //Molecular Ecology. — 2004. — Vol. 13. — №. 11. — Pp. 3425–3435.
64. Euler H. A., Weitzel B. Discriminative grandparental solicitude as reproductive strategy //Hu Nat. — 1996. — Vol. 7. — №. 1. — Pp. 39–59.
65. Fedigan L. M., Jack K. M. The demographic and reproductive context of male replacements in *Cebus capucinus* //Behaviour. — 2004. — Vol. 141. — №. 6. — Pp. 755–775.
66. Figueredo A. J., Jacobs W. J. Aggression, risk-taking, and alternative life history strategies: The behavioral ecology of social deviance //Bio-psychosocial perspectives on interpersonal violence. — 2010. — Pp. 3–28.
67. Figueredo A. J., Patch E. A., Ceballos C. E. G. A life history approach to the dynamics of social selection //Evolutionary perspectives on social psychology. — Springer, Cham, 2015. — Pp. 363–372.
68. Fisher H. E. Serial monogamy and clandestine adultery: Evolution and consequences of the dual human reproductive strategy. — 2012. — 35 p.
69. Fisher R. A. The evolution of sexual preference //The Eugenics Review. — 1915. — Vol. 7. — №. 3. — Pp. 184.
70. Fisher R. The Genetical Theory of Natural Selection. At The Clarendon Press. — 1930. — 308 p.

71. Flinn M. V. Parent-offspring interactions in a Caribbean village: daughter guarding //Human reproductive behavior: A Darwinian perspective. — 1988. — Pp. 189–200.
72. Flinn M. V. Step–and genetic parent/offspring relationships in a Caribbean village //Ethology and Sociobiology. — 1988. — Vol. 9. — №. 6. — Pp. 335–369.
73. Flinn M. V., Low B. S. Resource distribution, social competition, and mating patterns in human societies //Ecological aspects of social evolution. — 1986. — Pp. 217–243.
74. Foley R. A., Lee P. C. Ecology and energetics of encephalization in hominid evolution //Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences. — 1991. — Vol. 334. — №. 1270. — Pp. 223–232.
75. Fouts H. N. Father involvement with young children among the Aka and Bofi foragers //Cross-Cultural Research. — 2008. — Vol. 42. — №. 3. — Pp. 290–312.
76. Fox M. et al. Grandma plays favourites: X-chromosome relatedness and sex-specific childhood mortality //Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. — 2010. — Vol. 277. — №. 1681. — Pp. 567–573.
77. Fraser D. J., Lippé C., Bernatchez L. Consequences of unequal population size, asymmetric gene flow and sex-biased dispersal on population structure in brook charr (*Salvelinus fontinalis*) //Molecular Ecology. — 2004. — Vol. 13. — №. 1. — Pp. 67–80.
78. Fromhage L., Elgar M. A., Schneider J. M. Faithful without care: the evolution of monogyny //Evolution. — 2005. — Vol. 59. — №. 7. — Pp. 1400–1405.
79. Fromhage L., McNamara J. M., Houston A. I. A model for the evolutionary maintenance of monogyny in spiders //Journal of Theoretical Biology. — 2008. — Vol. 250. — №. 3. — Pp. 524–531
80. Gallup Jr G. G. et al. Behavioral resemblance and paternal investment: Which features of the chip off the old block count? //Evolutionary Behavioral Sciences. — 2016. — Vol. 10. — №. 1. — Pp. 1–9.

81. Gandon S. Kin competition, the cost of inbreeding and the evolution of dispersal //Journal of theoretical Biology. — 1999. — Vol. 200. — №. 4. — Pp. 345–364.
82. Gatewood J. D. et al. Sex chromosome complement and gonadal sex influence aggressive and parental behaviors in mice //Journal of Neuroscience. — 2006. — Vol. 26. — №. 8. — Pp. 2335–2342.
83. Gavrillets S. Human origins and the transition from promiscuity to pair-bonding //Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2012. — Vol. 109. — №. 25. — Pp. 9923–9928.
84. Geher G. Evolutionary psychology 101. — Springer Publishing Company, 2013. — 213 p.
85. Gibson M. A., Mace R. Helpful grandmothers in rural Ethiopia: A study of the effect of kin on child survival and growth //Evolution and Human Behavior. — 2005. — Vol. 26. — №. 6. — Pp. 469–482.
86. Gibson M. A., Sear R. Does wealth increase parental investment biases in child education? Evidence from two African populations on the cusp of the fertility transition //Current Anthropology. — 2010. — Vol. 51. — №. 5. — Pp. 693–701.
87. Gilbert J. D. J., Manica A. The evolution of parental care in insects: a test of current hypotheses //Evolution. — 2015. — Vol. 69. — №. 5. — Pp. 1255–1270.
88. Giosan C., Wyka K. Is a successful high-K fitness strategy associated with better mental health? //Evolutionary Psychology. — 2009. — Vol. 7. — №. 1. — Pp. 28–39.
89. Gladden P. R., Cleator A. M. Slow life history strategy predicts six moral foundations //EvoS Journal: The Journal of the Evolutionary Studies Consortium. — 2018. — Vol. 9. — Pp. 43–63.
90. Goldizen A. W. A comparative perspective on the evolution of tamarin and marmoset social systems //International Journal of Primatology. — 1990. — Vol. 11. — №. 1. — Pp. 63–83.

91. Gonzalez-Voyer A., Fitzpatrick J. L., Kolm N. Sexual selection determines parental care patterns in cichlid fishes //Evolution: International Journal of Organic Evolution. — 2008. — Vol. 62. — №. 8. — Pp. 2015–2026.
92. Goodman A., Koupil I., Lawson D. W. Low fertility increases descendant socioeconomic position but reduces long-term fitness in a modern post-industrial society //Proceedings of the Royal Society of London B: Biological Sciences. — 2012. — Vol. 279. — №. 1746. — Pp. 4342–4351.
93. Gould S. J. Ontogeny and Phylogeny — Harvard University Press Cambridge, 1977. — 528 p.
94. Grace J. B. et al. On the specification of structural equation models for ecological systems //Ecological Monographs. — 2010. — Vol. 80. — №. 1. — Pp. 67–87.
95. Grace J. B. Structural equation modeling for observational studies //The Journal of Wildlife Management. — 2008. — Vol. 72. — №. 1. — Pp. 14–22.
96. Greenwood P. J. Mating systems, philopatry and dispersal in birds and mammals //Animal behaviour. — 1980. — Vol. 28. — №. 4. — Pp. 1140–1162.
97. Griffin A. S., West S. A. Kin selection: fact and fiction //Trends in Ecology & Evolution. — 2002. — Vol. 17. — №. 1. — Pp. 15–21.
98. Griffin P. B., Griffin M. B. Fathers and childcare among the Cagayan Agta //Father-child relations: Cultural and biosocial contexts. — 1992. — Pp. 297–320.
99. Grosjean P., Brooks R. C. Persistent effect of sex ratios on relationship quality and life satisfaction //Phil. Trans. R. Soc. B. — 2017. — Vol. 372. — №. 1729. — Pp. 2–9.
100. Guttentag M., Secord P. F. Too many women? The sex ratio question. — 1983. — 277 p.
101. Hames R. B. The allocation of parental care among the Ye'kwana. — 1988. — Pp. 237–251.
102. Hamilton G., Stoneking M., Excoffier L. Molecular analysis reveals tighter social regulation of immigration in patrilocal populations than in matrilineal populations

- //Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. — 2005. — Vol. 102. — №. 21. — Pp. 7476–7480.
103. Hamilton W. D. Extraordinary sex ratios //Science. — 1967. — Vol. 156. — №. 3774. — Pp. 477–488.
 104. Hamilton W. D. The evolution of altruistic behavior //The American Naturalist. — 1963. — Vol. 97. — №. 896. — Pp. 354–356.
 105. Hamilton W. D. The moulding of senescence by natural selection //Journal of theoretical biology. — 1966. — Vol. 12. — №. 1. — Pp. 12–45.
 106. Hamilton W. D., May R. M. Dispersal in stable habitats //Nature. — 1977. — Vol. 269. — №. 5629. — Pp. 578–581.
 107. Hammond R. L. et al. Genetic evidence for female-biased dispersal and gene flow in a polygynous primate //Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. — 2006. — Vol. 273. — №. 1585. — Pp. 479–484.
 108. Hartung J. Paternity and inheritance of wealth //Nature. — 1981. — Vol. 291. — №. 5817. — Pp. 652–654.
 109. Hausfater G. Infanticide: comparative and evolutionary perspectives //Current anthropology. — 1984. — Vol. 25. — №. 4. — Pp. 500–502.
 110. Hawkes K. et al. Grandmothering, menopause, and the evolution of human life histories //Proceedings of the National Academy of Sciences. — 1998. — Vol. 95. — №. 3. — Pp. 1336–1339.
 111. Hawkes K. Grandmothers and the evolution of human longevity //American journal of human biology. — 2003. — Vol. 15. — №. 3. — Pp. 380–400.
 112. Hawkes K., Blurton Jones N. G. Human age structures, paleodemography, and the grandmother hypothesis //Grandmotherhood: the evolutionary significance of the second half of female life. — 2005. — 343 p.
 113. Hawkes K., O’Connell J. F., Jones N. G. B. Human Life Histories: Primate Trade-offs, Grandmothering //Primate life histories and socioecology. — 2003. — 204 p.

114. Hawkes K., O'Connell J. F., Blurton Jones N. G. Hadza women's time allocation, offspring provisioning, and the evolution of long postmenopausal life spans //Current Anthropology. — 1997. — Vol. 38. — №. 4. — Pp. 551–577.
115. Hawkes K., O'Connell J., Blurton Jones N. Hunter-gatherer studies and human evolution: A very selective review //American journal of physical anthropology. — 2018. — Vol. 165. — №. 4. — Pp. 777–800.
116. Hawkes K., Rogers A. R., Charnov E. L. The male's dilemma: increased offspring production is more paternity to steal //Evolutionary Ecology. — 1995. — Vol. 9. — №. 6. — Pp. 662–677.
117. Hawks J. et al. Recent acceleration of human adaptive evolution //Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2007. — Vol. 104. — №. 52. — Pp.20753–20758.
118. Heinsohn R., Double M. C. Cooperate or speciate: new theory for the distribution of passerine birds //Trends in ecology & evolution. — 2004. — Vol. 19. — №. 2. — Pp. 55–57.
119. Henderson, Ronald W., ed. Parent—Child Interaction: Theory, Research, and Prospects. Academic Press, 2013. — 337 p.
120. Hesketh T., Xing Z. W. Abnormal sex ratios in human populations: causes and consequences //Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2006. — Vol. 103. — №. 36. — Pp. 13271–13275.
121. Hewlett B. S. (ed.). Father-child relations: Cultural and biosocial contexts. — Transaction Publishers. — 2010. — Pp. 137–138.
122. Hewlett B. S. Demography and childcare in preindustrial societies //Journal of anthropological research. — 1991. — Vol. 47. — №. 1. — Pp. 1–37.
123. Hewlett B. S. Sexual selection and paternal investment among Aka pygmies. — 1988. — Pp. 263–276.
124. Hill K. et al. Tradeoffs in male and female reproductive strategies among the Ache: Part 1 //Human reproductive behavior. — 1988. — Pp. 277–290.

125. Hill K. Life history theory and evolutionary anthropology //Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews. — 1993. — Vol. 2. — №. 3. — Pp. 78–88.
126. Hill K. R. et al. Co-residence patterns in hunter-gatherer societies show unique human social structure //science. — 2011. — Vol. 331. — №. 6022. — Pp. 1286–1289.
127. Hill K., Hurtado A. M. Cooperative breeding in South American hunter—gatherers //Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. — 2009. — Vol. 276. — №. 1674. — Pp. 3863–3870.
128. Hill K., Hurtado A. M. The evolution of premature reproductive senescence and menopause in human females //Human Nature. — 1991. — Vol. 2. — №. 4. — Pp. 313–350.
129. Hill K., Hurtado M. A. Ache Life History. New York: A //NY: Aldine de Gruyter, 1996.
130. Hill S. E., Reeve H. K. Low fertility in humans as the evolutionary outcome of snowballing resource games //Behavioral Ecology. — 2005. — Vol. 16. — №. 2. — Pp. 398–402.
131. Hirshleifer J. The paradox of power //Economics & Politics. — 1991. — Vol. 3. — №. 3. — Pp. 177–200.
132. Hofer M. K. et al. Do post-menopausal women provide more care to their kin?: evidence of grandparental caregiving from two large-scale national surveys //Evolution and Human Behavior. — 2019. — Vol. 40. — №. 4. — Pp. 355–364.
133. Hoffman E. Young adults' relations with their grandparents: An exploratory study //The International Journal of Aging and Human Development. — 1980. — Vol. 10. — №. 3. — Pp. 299–310.
134. Holekamp K. E., Smale L. Rapid change in offspring sex ratios after clan fission in the spotted hyena //The American Naturalist. — 1995. — Vol. 145. — №. 2. — Pp. 261–278.

135. Holekamp K. E., Smale L., Szykman M. Rank and reproduction in the female spotted hyaena // *Journal of Reproduction and Fertility*. — 1996. — Vol. 108. — №. 2. — Pp. 229–237.
136. Hopwood P. E. et al. Male burying beetles extend, not reduce, parental care duration when reproductive competition is high // *Journal of Evolutionary Biology*. — 2015. — Vol. 28. — №. 7. — Pp. 1394–1402.
137. Houston A. I., McNamara J. M. A self—consistent approach to paternity and parental effort // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. — 2002. — Vol. 357. — №. 1419. — Pp. 351–362.
138. Houston A. I., Székely T., McNamara J. M. Conflict between parents over care // *Trends in Ecology & Evolution*. — 2005. — Vol. 20. — №. 1. — Pp. 33–38.
139. Hrdy S. B. *Comes the Child before Man: How Cooperative Breeding and Prolonged Postweaning Dependence Shaped Human Potential* // *Hunter-Gatherer Childhoods*. — Routledge, 2017. — Pp. 65–91.
140. Hrdy S. B. Evolutionary context of human development: The cooperative breeding model // *Family relationships: An evolutionary perspective*. — 2007. — Pp. 39–68.
141. Hrdy S. B. *Mother nature: Maternal instincts and how they shape the human species*. — Ballantine Books, 2000. — 752 p.
142. Hrdy S. B. Mothers and others // *Natural History*. — 2001. — Vol. 110. — №. 4. — Pp. 50–62.
143. Hudson V. M., Boer A. D. A surplus of men, a deficit of peace: Security and sex ratios in Asia's largest states // *International Security*. — 2002. — Vol. 26. — №. 4. — Pp. 5–38.
144. Hurtado A. M. et al. Female subsistence strategies among Ache hunter—gatherers of eastern Paraguay // *Human Ecology*. — 1985. — Vol. 13. — №. 1. — Pp. 1–28.
145. Hurtado A. M. et al. Trade-offs between female food acquisition and child care among Hiwi and Ache foragers // *Human Nature*. — 1992. — Vol. 3. — №. 3. — Pp. 185–216.

146. Igel C., Szydlík M. Grandchild care and welfare state arrangements in Europe //Journal of European Social Policy. — 2011. — Vol. 21. — №. 3. — Pp. 210–224.
147. Irons W. Human female reproductive strategies //Social behavior of female vertebrates. — 1983. — Pp. 169–213.
148. Ivey P. K. Cooperative reproduction in Ituri forest hunter-gatherers: Who cares for Efe infants? //Current Anthropology. — 2000. — Vol. 41. — №. 5. — Pp. 856–866.
149. J. Rankin D., Kokko H. Do males matter? The role of males in population dynamics //Oikos. — 2007. — Vol. 116. — №. 2. — Pp. 335–348.
150. Jack K. M., Fedigan L. Male dispersal patterns in white-faced capuchins, *Cebus capucinus*: Part 2: patterns and causes of secondary dispersal //Animal behaviour. — 2004. — Vol. 67. — №. 4. — Pp. 771–782.
151. Jamison C. S. et al. Are all grandmothers equal? A review and a preliminary test of the “grandmother hypothesis” in Tokugawa Japan //American Journal of Physical Anthropology: The Official Publication of the American Association of Physical Anthropologists. — 2002. — Vol. 119. — №. 1. — Pp. 67–76.
152. Jayachandran S. Fertility decline and missing women //American Economic Journal: Applied Economics. — 2017. — Vol. 9. — №. 1. — Pp. 118–39.
153. Ji T. et al. Reproductive competition between females in the matrilineal Mosuo of southwestern China //Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. — 2013. — Vol. 368 (20130081). — Pp. 1–11.
154. Johansson T., Andreasson J. Fatherhood in transition: Masculinity, identity and everyday life. — Springer, 2017. — 238 p.
155. Johnson M. B. et al. Functional and evolutionary insights into human brain development through global transcriptome analysis //Neuron. — 2009. — Vol. 62. — №. 4. — Pp. 494–509.
156. Johnson M. L., Gaines M. S. Evolution of dispersal: theoretical models and empirical tests using birds and mammals //Annual review of ecology and systematics. — 1990. — Vol. 21. — №. 1. — Pp. 449–480.

157. Jones N. B. Bushman birth spacing: A test for optimal interbirth intervals //Ethology and Sociobiology. — 1986. — Vol. 7. — №. 2. — Pp. 91–105.
158. Jorde L. B. et al. The distribution of human genetic diversity: a comparison of mitochondrial, autosomal, and Y-chromosome data //The American Journal of Human Genetics. — 2000. — Vol. 66. — №. 3. — Pp. 979–988.
159. Kanō T. The last ape: Pygmy chimpanzee behavior and ecology. — Stanford University Press. — 1992. — Pp. 239–240.
160. Kaplan H. et al. A theory of human life history evolution: diet, intelligence, and longevity //Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews. — 2000. — Vol. 9. — №. 4. — Pp. 156–185.
161. Kaplan H. Evolutionary and wealth flows theories of fertility: Empirical tests and new models //Population and development Review. — 1994. — Pp. 753–791.
162. Kaplan H. S., Lancaster J. B. An evolutionary and ecological analysis of human fertility, mating patterns, and parental investment //Offspring: Human fertility behavior in biodemographic perspective. — 2003. — Vol. 1. — Pp. 170–223.
163. Kaplan H., Gurven M., Winking J. An evolutionary theory of human life span: Embodied capital and the human adaptive complex//Handbook of theories of aging — 2009. — Pp. 39–60.
164. Kareem A. M., Barnard A. J. Kin recognition in mice: age, sex and parental effects //Animal Behaviour. — 1986. — Vol. 34. — №. 6. — Pp. 1814–1824.
165. Kemkes-Grottenthaler A. Of grandmothers, grandfathers and wicked step-grandparents. Differential impact of paternal grandparents on grandoffspring survival //Historical Social Research/Historische Sozialforschung. — 2005. — Pp. 219–239.
166. Kennedy G. E. From the ape's dilemma to the weanling's dilemma: early weaning and its evolutionary context //Journal of human evolution. — 2005. — Vol. 48. — №. 2. — Pp. 123–145.

167. Kerth G., Mayer F., Petit E. Extreme sex-biased dispersal in the communally breeding, nonmigratory Bechstein's bat (*Myotis bechsteinii*) //Molecular Ecology. — 2002. — Vol. 11. — №. 8. — Pp. 1491–1498.
168. King T. E., Jobling M. A. What's in a name? Y chromosomes, surnames and the genetic genealogy revolution //Trends in genetics. — 2009. — Vol. 25. — №. 8. — Pp. 351–360.
169. Kirkwood T. B. L. Evolution of ageing //Nature. — 1977. — Vol. 270. — №. 5635. — Pp. 301–304.
170. Klug H., Alonzo S. H., Bonsall M. B. Theoretical foundations of parental //Evol. Parent. Care. — 2012. — Vol. 103. — Pp. 21–36.
171. Klug H., Bonsall M. B., Alonzo S. H. Sex differences in life history drive evolutionary transitions among maternal, paternal, and bi-parental care //Ecology and evolution. — 2013. — Vol. 3. — №. 4. — Pp. 792–806.
172. Koenig W. D. et al. No trade-off between seed size and number in the valley oak *Quercus lobata* //The American Naturalist. — 2009. — Vol. 173. — №. 5. — Pp. 682–688.
173. Kokko H. et al. Sex differences in parental care //The evolution of parental care. — 2012. — Vol. 484. — 28 p.
174. Kokko H., Jennions M. D. Parental investment, sexual selection and sex ratios //Journal of evolutionary biology. — 2008. — Vol. 21. — №. 4. — Pp. 919–948.
175. Kokko H., Jennions M. D. The relationship between sexual selection and sexual conflict //Cold Spring Harbor Perspectives in Biology. — 2014. — Vol. 6 (a017517). — №. 9. — Pp. 1–15.
176. Kokko H., Klug H., Jennions M. D. Unifying cornerstones of sexual selection: operational sex ratio, Bateman gradient and the scope for competitive investment //Ecology Letters. — 2012. — Vol. 15. — №. 11. — Pp. 1340–1351.
177. Kong A. et al. Selection against variants in the genome associated with educational attainment //Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2017. — Vol. 114. — №. 5. — Pp. E727–E732.

178. Konrad K. A. et al. Strategy and dynamics in contests //OUP Catalogue. — 2009. — 219 p.
179. Kramer K. L. Children's help and the pace of reproduction: cooperative breeding in humans //Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews: Issues, News, and Reviews. — 2005. — Vol. 14. — №. 6. — Pp. 224–237.
180. Kramer K. L. Cooperative breeding and its significance to the demographic success of humans //Annual Review of Anthropology. — 2010. — Vol. 39. — Pp. 417–436.
181. Kramer K. L. Intergenerational transfers and the cost of allomothering in traditional societies //Behavioral and Brain Sciences. — 2010. — Vol. 33. — №. 1. — Pp. 30–33.
182. Kramer K. L. Reconsidering the cost of childbearing: the timing of children's helping behavior across the life cycle of Maya families //Research in Economic Anthropology. — 2004. — Vol. 23. — Pp. 335–353.
183. Kramer K. L., Greaves R. D. Changing patterns of infant mortality and maternal fertility among Pumé foragers and horticulturalists //American Anthropologist. — 2007. — Vol. 109. — №. 4. — Pp. 713–726.
184. Kramer K. L., Greaves R. D., Ellison P. T. Early reproductive maturity among Pumé foragers: Implications of a pooled energy model to fast life histories //American Journal of Human Biology: The Official Journal of the Human Biology Association. — 2009. — Vol. 21. — №. 4. — Pp. 430–437.
185. Kramer K. L., McMillan G. P. The effect of labor-saving technology on longitudinal fertility changes //Current Anthropology. — 2006. — Vol. 47. — №. 1. — Pp. 165–172.
186. Kramer K. L., Russell A. F. Was monogamy a key step on the Hominin road? Reevaluating the monogamy hypothesis in the evolution of cooperative breeding //Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews. — 2015. — Vol. 24. — №. 2. — Pp. 73–83.

187. Kumar V. et al. Erratum: Global patterns in human mitochondrial DNA and Y-chromosome variation caused by spatial instability of the local cultural processes // *PloS Genetics*. — 2006. — Vol. 2. — Pp. 1122–1125.
188. Kurland J. A. Paternity, mother's brother, and human sociality // *Evolutionary biology and human social behavior*. — 1979. — Pp. 145–180.
189. Kuzawa C. W., Bragg J. M. Plasticity in human life history strategy: Implications for contemporary human variation and the evolution of genus *Homo* // *Current Anthropology*. — 2012. — Vol. 53. — №. S6. — Pp. S369–S382.
190. Kvarnemo C. Evolution and maintenance of male care: is increased paternity a neglected benefit of care? // *Behavioral Ecology*. — 2006. — Vol. 17. — №. 1. — Pp. 144–148.
191. Laham S. M., Gonsalkorale K., von Hippel W. Darwinian grandparenting: Preferential investment in more certain kin // *Personality and Social Psychology Bulletin*. — 2005. — Vol. 31. — №. 1. — Pp. 63–72.
192. Lahdenperä M. et al. Fitness benefits of prolonged post-reproductive lifespan in women // *Nature*. — 2004. — Vol. 428. — №. 6979. — Pp. 178–181.
193. Lamb M. E. et al. Paternal behavior in humans // *American zoologist*. — 1985. — Pp. 883–894.
194. Lambin X. Sex ratio variation in relation to female philopatry in Townsend's voles // *Journal of Animal Ecology*. — 1994. — Pp. 945–953.
195. Lancaster J. B. The evolutionary history of human parental investment in relation to population growth and social stratification // *Feminism and evolutionary biology*. — Springer, Boston, MA, 1997. — Pp. 466–488.
196. Langer N. et al. Functional brain network efficiency predicts intelligence // *Human brain mapping*. — 2012. — Vol. 33. — №. 6. — Pp. 1393–1406.
197. Langergraber K. E. et al. The genetic signature of sex-biased migration in patrilocal chimpanzees and humans // *PLoS One*. — 2007. — Vol. 2. — №. 10. — Pp. e973.
198. Larmuseau M. H. D. et al. A historical-genetic reconstruction of human extra-pair paternity // *Current Biology*. — 2019. — Vol. 29. — №. 23. — Pp. 4102–4107.

199. Larmuseau M. H. D. et al. Genetic-genealogy approach reveals low rate of extrapair paternity in historical Dutch populations //American Journal of Human Biology. — 2017. — Vol. 29 (e23046). — №. 6. — Pp. 1–9.
200. Larmuseau M. H. D. et al. Low historical rates of cuckoldry in a Western European human population traced by Y-chromosome and genealogical data //Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. — 2013. — Vol. 280 (20132400). — №. 1772. — Pp. 2–8.
201. Larmuseau M. H. D., Matthijs K., Wenseleers T. Cuckolded fathers rare in human populations //Trends in ecology & evolution. — 2016. — Vol. 31. — №. 5. — Pp. 327–329.
202. Lawson D. W., Mace R. Parental investment and the optimization of human family size //Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. — 2011. — Vol. 366. — №. 1563. — Pp. 333–343.
203. Lawson Handley L. J., Perrin N. Advances in our understanding of mammalian sex-biased dispersal //Molecular Ecology. — 2007. — Vol. 16. — №. 8. — Pp. 1559–1578.
204. Le Galliard J. F. et al. Natal dispersal, interactions among siblings and intrasexual competition //Behavioral Ecology. — 2006. — Vol. 17. — №. 5. — Pp. 733–740.
205. Lee R. D. Intergenerational transfers and the economic life cycle: A cross-cultural perspective. — Preliminary Draft. — 2003. — na.
206. Lee R. D., Kramer K. L. Children's economic roles in the Maya family life cycle: Cain, Caldwell, and Chayanov revisited //Population and development review. — 2002. — Vol. 28. — №. 3. — Pp. 475–499.
207. Lehmann L., Perrin N. Inbreeding avoidance through kin recognition: choosy females boost male dispersal //The American Naturalist. — 2003. — Vol. 162. — №. 5. — Pp. 638–652.
208. Lehtonen J., Jennions M. D., Kokko H. The many costs of sex //Trends in ecology & evolution. — 2012. — Vol. 27. — №. 3. — Pp. 172–178.

209. Lengersdorf D., Meuser M. Involved fatherhood: source of new gender conflicts? //Balancing work and family in a changing society. — Palgrave Macmillan, New York, 2016. — Pp. 149–161.
210. Leonetti D. L. et al. Kinship organization and the impact of grandmothers on reproductive success among the matrilineal Khasi and patrilineal Bengali of Northeast India //Grandmotherhood: The evolutionary significance of the second half of female life. — 2005. — Pp. 194–214.
211. Lessells C. K. M. The evolutionary outcome of sexual conflict //Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. — 2006. — Vol. 361. — №. 1466. — Pp. 301–317.
212. Lessells C. M., McNamara J. M. Sexual conflict over parental investment in repeated bouts: negotiation reduces overall care //Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. — 2012. — Vol. 279. — №. 1733. — Pp. 1506–1514.
213. Llaurens V., Raymond M., Faurie C. Ritual fights and male reproductive success in a human population //Journal of Evolutionary Biology. — 2009. — Vol. 22. — №. 9. — Pp. 1854–1859.
214. Loo S. L., Hawkes K., Kim P. S. Evolution of male strategies with sex-ratio—dependent pay-offs: connecting pair bonds with grandmothing //Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. — 2017. — Vol. 372 (20170041). — №. 1729. — Pp. 1–8.
215. Lovejoy C. O. The origin of man //Science. — 1981. — Vol. 211. — №. 4480. — Pp. 341–350.
216. Mace R. Biased parental investment and reproductive success in Gabbra pastoralists //Behavioral Ecology and Sociobiology. — 1996. — Vol. 38. — №. 2. — Pp. 75–81.
217. Mace R. Kinship (Human), Evolutionary and Biosocial Approaches to //The International Encyclopedia of Anthropology. — 2018. — Pp. 1–7.
218. Mace R. Reproducing in cities //science. — 2008. — Vol. 319. — №. 5864. — Pp. 764–766.

219. Mace R. The co-evolution of human fertility and wealth inheritance strategies //Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences. — 1998. — Vol. 353. — №. 1367. — Pp. 389–397.
220. Mace R., Sear R. Birth interval and the sex of children in a traditional African population: an evolutionary analysis //Journal of biosocial science. — 1997. — Vol. 29. — №. 4. — Pp. 499–507.
221. Manning C. J., Wakeland E. K., Potts W. K. Communal nesting patterns in mice implicate MHC genes in kin recognition //Nature. — 1992. — Vol. 360. — №. 6404. — Pp. 581–583.
222. Marlowe F. Paternal investment and the human mating system //Behavioural processes. — 2000. — Vol. 51. — №. 1–3. — Pp. 45–61.
223. Marlowe F. Showoffs or providers? The parenting effort of Hadza men //Evolution and Human Behavior. — 1999. — Vol. 20. — №. 6. — Pp. 391–404.
224. Marlowe F. W. A critical period for provisioning by Hadza men: Implications for pair bonding //Evolution and Human Behavior. — 2003. — Vol. 24. — №. 3. — Pp. 217–229.
225. Marlowe F. W., Berbesque J. C. The human operational sex ratio: Effects of marriage, concealed ovulation, and menopause on mate competition //Journal of Human Evolution. — 2012. — Vol. 63. — №. 6. — Pp. 834–842.
226. McKenna J. J. Parental Supplements and Surrogates Among Primates: Cross-Species and Cross-Cultural Comparisons //Parenting Across the Life Span. — Routledge, 2017. — Pp. 143–184.
227. MCNAMARA J. M. et al. A dynamic game-theoretic model of parental care //Journal of Theoretical Biology. — 2000. — Vol. 205. — №. 4. — Pp. 605–623.
228. Meehan C. L. Allomaternal investment and relational uncertainty among Ngandu farmers of the Central African Republic //Human Nature. — 2008. — Vol. 19. — №. 2. — Pp. 211–226.
229. Meehan C. L. Maternal time allocation in two cooperative childrearing societies //Human Nature. — 2009. — Vol. 20. — №. 4. — Pp. 375–393.

230. Mesa N. R. et al. Autosomal, mtDNA, and Y-chromosome diversity in Amerinds: pre-and post-Columbian patterns of gene flow in South America //The American Journal of Human Genetics. — 2000. — Vol. 67. — №. 5. — Pp. 1277–1286.
231. Messner S. F., Sampson R. J. The sex ratio, family disruption, and rates of violent crime: The paradox of demographic structure //Social Forces. — 1991. — Vol. 69. — №. 3. — Pp. 693–713.
232. Michalski R. L., Shackelford T. K. Grandparental investment as a function of relational uncertainty and emotional closeness with parents //Human Nature. — 2005. — Vol. 16. — №. 3. — Pp. 293–305.
233. Møller A. P., Cuervo J. J. The evolution of paternity and paternal care in birds //Behavioral Ecology. — 2000. — Vol. 11. — №. 5. — Pp. 472–485.
234. Montagu M. F. A. Time, morphology, and neoteny in the evolution of man //American Anthropologist. — 1955. — Pp. 13–27.
235. Moore J., Ali R. Are dispersal and inbreeding avoidance related? //Animal Behaviour. — 1984. — Vol. 32. — №. 1. — Pp. 94–112.
236. Morgan L. H. Systems of consanguinity and affinity of the human family. — Smithsonian Institution, 1871.— 656 p.
237. Motro U. Avoiding inbreeding and sibling competition: the evolution of sexual dimorphism for dispersal //The American Naturalist. — 1991. — Vol. 137. — №. 1. — Pp. 108–115.
238. Mulder M. B. Early maturing Kipsigis women have higher reproductive success than late maturing women and cost more to marry //Behavioral Ecology and Sociobiology. — 1989. — Vol. 24. — №. 3. — Pp. 145–153.
239. Murdock G. P. Ethnographic atlas. — 1967. — 143 p.
240. Murdock G. P. Social structure. — 1949. — 426 p.
241. Murdock G. P., White D. R. Standard cross-cultural sample //Ethnology. — 1969. — Vol. 8. — №. 4. — Pp. 329–369.
242. Murdock G. P., Wilson S. F. Settlement patterns and community organization: Cross-cultural codes 3 //Ethnology. — 1972. — Vol. 11. — №. 3. — Pp. 254–295.

243. Murrell D. J., Travis J. M. J., Dytham C. The evolution of dispersal distance in spatially-structured populations //Oikos. — 2002. — Vol. 97. — №. 2. — Pp. 229–236.
244. Nag M. et al. An anthropological approach to the study of the economic value of children in Java and Nepal [and comments and reply] //Current anthropology. — 1978. — Vol. 19. — №. 2. — Pp. 293–306.
245. Nakagawa S., Waas J. R. ‘O sibling, where art thou?’-a review of avian sibling recognition with respect to the mammalian literature //Biological Reviews. — 2004. — Vol. 79. — №. 1. — Pp. 101–119.
246. Nettle D. et al. Human behavioral ecology: current research and future prospects //Behavioral Ecology. — 2013. — Vol. 24. — №. 5. — Pp. 1031–1040.
247. Noë R. Biological markets: partner choice as the driving force behind the evolution of mutualisms //Economics in nature: Social dilemmas, mate choice and biological markets. — 2001. — Pp. 93–118.
248. Olupot W., Waser P. M. Correlates of intergroup transfer in male grey-cheeked mangabeys //International Journal of Primatology. — 2001. — Vol. 22. — №. 2. — Pp. 169–187.
249. Oota H. et al. Human mtDNA and Y-chromosome variation is correlated with matrilineal versus patrilineal residence //Nature genetics. — 2001. — Vol. 29. — №. 1. — Pp. 20–21.
250. Packer C. Inter-troop transfer and inbreeding avoidance in *Papio anubis* //Animal behaviour. — 1979. — Vol. 27. — Pp. 1–36.
251. Packer C., Pusey A. E. Intrasexual cooperation and the sex ratio in African lions //The American Naturalist. — 1987. — Vol. 130. — №. 4. — Pp. 636–642.
252. Page A. E. et al. Why care for someone else’s child? Testing adaptive hypotheses in Agta foragers //Nature human behaviour. — 2019. — Vol. 3. — №. 11. — Pp. 1154.
253. Parker G. A., Baker R. R., Smith V. G. F. The origin and evolution of gamete dimorphism and the male-female phenomenon //Journal of theoretical biology. — 1972. — Vol. 36. — №. 3. — Pp. 529–553.

254. Parr L. A., de Waal F. B. M. Visual kin recognition in chimpanzees //Nature. — 1999. — Vol. 399. — №. 6737. — Pp. 647–648.
255. Peccei J. S. Menopause: adaptation or epiphenomenon? //Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews. — 2001. — Vol. 10. — №. 2. — Pp. 43–57.
256. Pedersen F. A. Secular trends in human sex ratios //Human Nature. — 1991. — Vol. 2. — №. 3. — Pp. 271–291.
257. Pennington R. et al. Group differences in proneness to inflammation //Infection, Genetics and Evolution. — 2009. — Vol. 9. — №. 6. — Pp. 1371–1380.
258. Perrin N., Goudet J. Inbreeding, kinship, and the evolution of natal dispersal //Dispersal. Oxford University Press, Oxford. — 2001. — Vol. 452.— Pp. 123–142.
259. Perrin N., Lehmann L. Is sociality driven by the costs of dispersal or the benefits of philopatry? A role for kin-discrimination mechanisms //The American Naturalist. — 2001. — Vol. 158. — №. 5. — Pp. 471–483.
260. Perrin N., Mazalov V. Local competition, inbreeding, and the evolution of sex-biased dispersal //The American Naturalist. — 2000. — Vol. 155. — №. 1. — Pp. 116–127.
261. Pouget E. R. et al. Racial/ethnic disparities in undiagnosed infection with herpes simplex virus type 2 //Sexually transmitted diseases. — 2010. — Vol. 37. — №. 9. — Pp. 538.
262. Pusey A. E. et al. Primate societies //Dispersal and philopatry. Chicago: University of Chicago Press. p. — 1987. — Pp. 250–266.
263. Pusey A. E. Sex-biased dispersal and inbreeding avoidance in birds and mammals //Trends in ecology & evolution. — 1987. — Vol. 2. — №. 10. — Pp. 295–299.
264. Quinlan R. J., Quinlan M. B. Human lactation, pair-bonds, and alloparents //Human Nature. — 2008. — Vol. 19. — №. 1. — Pp. 87–102.
265. Radespiel U. et al. Patterns and dynamics of sex-biased dispersal in a nocturnal primate, the grey mouse lemur, *Microcebus murinus* //Animal Behaviour. — 2003. — Vol. 65. — №. 4. — Pp. 709–719.

266. Radespiel U. et al. Sociogenetic structure in a free-living nocturnal primate population: sex-specific differences in the grey mouse lemur (*Microcebus murinus*) //Behavioral Ecology and Sociobiology. — 2001. — Vol. 50. — №. 6. — Pp. 493–502.
267. Ragsdale G. Grandmothering in Cambridgeshire, 1770—1861 //Human Nature. — 2004. — Vol. 15. — №. 3. — Pp. 301–317.
268. Ramachandran S. et al. Robustness of the inference of human population structure: a comparison of X-chromosomal and autosomal microsatellites //Human genomics. — 2004. — Vol. 1. — №. 2. — Pp. 1–11.
269. Rankin D., Kokko H. Do males matter? The role of males in population dynamics //Oikos. — 2007. — Vol. 116. — №. 2. — Pp. 335–348.
270. Remeš V. et al. The evolution of parental cooperation in birds //Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2015. — Vol. 112. — №. 44. — Pp. 13603–13608.
271. Richard A. F., Rakotomanga P., Schwartz M. Dispersal by *Propithecus verreauxi* at Beza Mahafaly, Madagascar: 1984—1991 //American Journal of Primatology. — 1993. — Vol. 30. — №. 1. — Pp. 1–20.
272. Ricklefs R. E. Evolutionary theories of aging: confirmation of a fundamental prediction, with implications for the genetic basis and evolution of life span //The American Naturalist. — 1998. — Vol. 152. — №. 1. — Pp. 24–44.
273. Robert T. Parental investment and sexual selection //Sexual Selection & the Descent of Man, Aldine de Gruyter, New York. — 1972. — Pp. 136–179.
274. Robinson R. S., Lee R. D., Kramer K. L. Counting women's labour: A reanalysis of children's net production using Cain's data from a Bangladeshi village //Population studies. — 2008. — Vol. 62. — №. 1. — Pp. 25–38.
275. Romaniuk A. Increase in natural fertility during the early stages of modernization: Evidence from an African case study, Zaire //Population Studies. — 1980. — Vol. 34. — №. 2. — Pp. 293–310.

276. Ronce O. et al. Perspectives on the study of dispersal evolution. — 2001. — Pp. 93–101.
277. Rosseel Y. et al. Lavaan: Latent variable analysis. — 2014. — 105 p.
278. Rousset F., Gandon S. Evolution of the distribution of dispersal distance under distance-dependent cost of dispersal //Journal of Evolutionary Biology. — 2002. — Vol. 15. — №. 4. — Pp. 515–523.
279. Royle N. J., Alonzo S. H., Moore A. J. Co-evolution, conflict and complexity: what have we learned about the evolution of parental care behaviours? //Current opinion in behavioral sciences. — 2016. — Vol. 12. — Pp. 30–36.
280. Royle N. J., Smiseth P. T., Kolliker M. The evolution of parental care: summary, conclusions and implications. — 2012. — Pp. 327–345
281. Russell A. F. Mammals: comparisons and contrasts. In ‘Ecology and Evolution of Cooperative Breeding in Birds’, (Eds WD Koenig and JL Dickinson. — 2004. — Pp. 210–227.
282. Scelza B. A. Female choice and extra-pair paternity in a traditional human population //Biology Letters. — 2011. — Vol. 7. — №. 6. — Pp. 889–891.
283. Scelza B. A., Prall S. P., Starkweather K. Paternity confidence and social obligations explain men's allocations to romantic partners in an experimental giving game //Evolution and Human Behavior. — 2020. — Vol. 41. — №. 1. — Pp. 96–103.
284. Schacht R., Mulder M. B. Sex ratio effects on reproductive strategies in humans //Royal Society open science. — 2015. — Vol. 2 (140402). — №. 1. — Pp. 2–10.
285. Schacht R., Rauch K. L., Mulder M. B. Too many men: the violence problem? //Trends in Ecology & Evolution. — 2014. — Vol. 29. — №. 4. — Pp. 214–222.
286. Schacht R., Tharp D., Smith K. R. Marriage markets and male mating effort: violence and crime are elevated where men are rare //Human nature. — 2016. — Vol. 27. — №. 4. — Pp. 489–500.
287. Schaffner S. F. The X chromosome in population genetics //Nature Reviews Genetics. — 2004. — Vol. 5. — №. 1. — Pp. 43–51.

288. Schapiro L. B. The communist party of the Soviet Union. — Random House. — 1960.
289. Schlee J., Kirchengast S. Differential grandparental investment—the impact of phenotypic resemblance //Anthropologischer Anzeiger. — 2015. — Vol. 72. — №. 4. — Pp. 411–425.
290. Schneider B., Schiller K. S., Coleman J. S. Public school choice: Some evidence from the National Education Longitudinal Study of 1988 //Educational Evaluation and Policy Analysis. — 1996. — Vol. 18. — №. 1. — Pp. 19–29.
291. Schultz T. W. Investment in human capital //The American economic review. — 1961. — Vol. 51. — №. 1. — Pp. 1–17.
292. Schwagmeyer P. L. et al. Species differences in male parental care in birds: a reexamination of correlates with paternity //The Auk. — 1999. — Pp. 487–503.
293. Sear R. et al. The effects of kin on child mortality in rural Gambia //Demography. — 2002. — Vol. 39. — №. 1. — Pp. 43–63.
294. Sear R., Lawson, D. W., Kaplan, H., & Shenk, M. K. Understanding variation in human fertility: what can we learn from evolutionary demography?. — Vol. 371 (20150144). — 2016. — Pp.1–16.
295. Sear R. Family and fertility: does kin help influence women’s fertility, and how does this vary worldwide? //Population Horizons. — 2018. — Vol. 14. — №. 1. — Pp. 18–34.
296. Sear R., Lawson D. W., Dickins T. E. Synthesis in the human evolutionary behavioural sciences //Journal of Evolutionary Psychology. — 2007. — Vol. 5. — №. 1. — Pp. 3–28.
297. Sear R., Mace R., McGregor I. A. Maternal grandmothers improve nutritional status and survival of children in rural Gambia //Proceedings of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences. — 2000. — Vol. 267. — №. 1453. — Pp. 1641–1647.

298. Seielstad M. T., Minch E., Cavalli-Sforza L. L. Genetic evidence for a higher female migration rate in humans //Nature genetics. — 1998. — Vol. 20. — №. 3. — Pp. 278–280.
299. Semenova O., Apalkova J., Butovskaya M. Sex differences in spatial activity and anxiety levels in the COVID-19 pandemic from evolutionary perspective //Sustainability. — 2021. — Vol. 13 (1110). — №. 3. — Pp. 1–18.
300. Semenova O., Apalkova J., Butovskaya M. Spatial and Social Behavior of Single and Coupled Individuals of Both Sexes during COVID-19 Lockdown Regime in Russia //International Journal of Environmental Research and Public Health. — 2021. — Vol. 18 (94283). — №. 8. — Pp. 1–15.
301. Shenk M. K., Scelza B. A. Paternal investment and status-related child outcomes: Timing of father's death affects offspring success //Journal of Biosocial Science. — 2012. — Vol. 44. — №. 5. — Pp. 549–569.
302. Shkolnikov V. M. et al. Is the link between alcohol and cardiovascular death among young Russian men attributable to misclassification of acute alcohol intoxication? Evidence from the city of Izhevsk //Journal of Epidemiology & Community Health. — 2002. — Vol. 56. — №. 3. — Pp. 171–174.
303. Sibly R. M. et al. Energetics, lifestyle, and reproduction in birds //Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2012. — Vol. 109. — №. 27. — Pp. 10937–10941.
304. Silk J. B. Practicing Hamilton's rule: kin selection in primate groups //Cooperation in primates and humans. — Springer, Berlin, Heidelberg. — 2006. — Pp. 25–46.
305. Simmons L. W. et al. Human sperm competition: testis size, sperm production and rates of extrapair copulations //Animal Behaviour. — 2004. — Vol. 68. — №. 2. — Pp. 297–302.
306. Skutch A. F. et al. Helpers at birds' nests //Helpers at birds' nests. — 1987. — 318 p.

307. Smale L., Nunes S., Holekamp K. E. Sexually dimorphic dispersal in mammals: patterns, causes, and consequences // *Advances in the study of behaviour*. — 1997. — Vol. 26. — Pp. 181–251.
308. Smith A. et al. Building innovation capacity: the role of human capital formation in enterprises // *Fostering enterprise: the innovation and skills nexus—research readings*. — 2011. — Pp. 103.
309. Smith E. A., Mulder M. B., Hill K. Controversies in the evolutionary social sciences: A guide for the perplexed // *Trends in ecology & evolution*. — 2001. — Vol. 16. — №. 3. — Pp. 128–135.
310. Smith J. M. Group selection and kin selection // *Nature*. — 1964. — Vol. 201. — №. 4924. — Pp. 1145–1147.
311. Smith, E.L.J. ‘Tourism as an industry: debates and concepts’, in D. Ioannides and K. Debbage (eds) // *The Economic Geography of the Tourist Industry*. — New York: Routledge. — 1998. — Pp. 31–52.
312. Solomon N. G. et al. (ed.). *Cooperative breeding in mammals*. — Cambridge University Press, 1997. — 390 p.
313. Somel M. et al. Transcriptional neoteny in the human brain // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. — 2009. — Vol. 106. — №. 14. — Pp. 5743–5748.
314. Sorokowski P., Sorokowska A., Butovskaya M., Karwowski M., Groyecka A., Wojciszke B., & Pawłowski B. Love influences reproductive success in humans. *Frontiers in psychology*. — 2017. — №8. — Pp. 49–72.
315. Sotomayor-Peterson M., Card N. A., Wilhelm M. S. Fathers’ care-giving and nurturing: The role of ethnicity and acculturation in European-American and Hispanic-Americans // *Interamerican Journal of Psychology*. — 2013. — Vol. 47. — №. 3. — Pp. 449–455.
316. Starkweather K. E., Hames R. A survey of non-classical polyandry // *Human Nature*. — 2012. — Vol. 23. — №. 2. — Pp. 149–172.
317. Stearns S. C. et al. Measuring selection in contemporary human populations // *Nature Reviews Genetics*. — 2010. — Vol. 11. — №. 9. — Pp. 611–622.

318. Steelman L. C., Powell B. Sponsoring the next generation: Parental willingness to pay for higher education //American journal of Sociology. — 1991. — Vol. 96. — №. 6. — Pp. 1505–1529.
319. Stockley P., Hobson L. Paternal care and litter size coevolution in mammals //Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. — 2016. — Vol. 283. — №. 1829. — Pp. 20160140.
320. Strassmann B. I. et al. Religion as a means to assure paternity //Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2012. — Vol. 109. — №. 25. — Pp. 9781–9785.
321. Strassmann B. I., Clarke A. L. Ecological constraints on marriage in rural Ireland //Evolution and Human Behavior. — 1998. — Vol. 19. — №. 1. — Pp. 33–55.
322. Strassmann B. I., Kurapati N. T. Are humans cooperative breeders?: Most studies of natural fertility populations do not support the grandmother hypothesis //Behavioral and Brain Sciences. — 2010. — Vol. 33. — №. 01. — Pp. 35–39.
323. Stulp G. et al. Does natural selection favour taller stature among the tallest people on earth? //Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. — 2015. — Vol. 282. — №. 1806. — Pp. 20150211.
324. Stulp G. et al. Intralocus sexual conflict over human height //Biology Letters. — 2012. — Pp. rsbl20120590.
325. Stulp G. et al. The effect of female height on reproductive success is negative in western populations, but more variable in non-western populations //American Journal of Human Biology. — 2012. — Vol. 24. — №. 4. — Pp. 486–494.
326. Stulp G. et al. The reproductive ecology of industrial societies, part ii //Human Nature. — 2016. — Vol. 27. — №. 4. — Pp. 445–470.
327. Stulp G., Barrett L. Wealth, fertility and adaptive behaviour in industrial populations //Phil. Trans. R. Soc. B. — 2016. — Vol. 371. — №. 1692. — Pp. 20150153.
328. Stulp G., Sear R., Barrett L. The reproductive ecology of industrial societies, part I //Human Nature. — 2016. — Vol. 27. — №. 4. — Pp. 422–444.

329. Sussman R. W. Male life history and intergroup mobility among ringtailed lemurs (*Lemur catta*) // *International Journal of Primatology*. — 1992. — Vol. 13. — №. 4. — Pp. 395–413.
330. Tallamy D. W. Sexual selection and the evolution of exclusive paternal care in arthropods // *Animal Behaviour*. — 2000. — Vol. 60. — №. 5. — Pp. 559–567.
331. Thomas J. C., Thomas K. K. Things ain't what they ought to be: social forces underlying racial disparities in rates of sexually transmitted diseases in a rural North Carolina county // *Social Science & Medicine*. — 1999. — Vol. 49. — №. 8. — Pp. 1075–1084.
332. Thomese, Fleur, and Aart C. Liefbroer. "Child care and child births: The role of grandparents in the Netherlands." *Journal of Marriage and Family* 75.2 . — 2013. — Pp. 403–421.
333. Tooby J., Cosmides L. The theoretical foundations of evolutionary psychology // *The handbook of evolutionary psychology*. — 2015. — Pp. 1–85.
334. Travis J. M. J., French D. R. Dispersal functions and spatial models: expanding our dispersal toolbox // *Ecology Letters*. — 2000. — Vol. 3. — №. 3. — Pp. 163–165.
335. Turke P. Helpers at the Nest: Childcare Networks on Ifaluk. In *Human Reproductive Behavior: A Darwinian Perspective*, L. Betzig, M. Borgerhoff Mulder, and P. Turke, eds. — 1988. — Pp. 173–188.
336. Ugglå C., Mace R. Adult sex ratio and social status predict mating and parenting strategies in Northern Ireland // *Phil. Trans. R. Soc. B*. — 2017. — Vol. 372. — №. 1729. — Pp. 20160318.
337. Van Bavel J., Kok J. Birth spacing in the Netherlands. The effects of family composition, occupation and religion on birth intervals, 1820—1885 // *European Journal of Population/Revue européenne de démographie*. — 2004. — Vol. 20. — №. 2. — Pp. 119–140.
338. Van Tuijl C. et al. Parent—offspring similarity in personality and adolescents' problem behaviour // *European Journal of Personality: Published for the European Association of Personality Psychology*. — 2005. — Vol. 19. — №. 1. — Pp. 51–68.

339. Vehrencamp S. L. The adaptive significance of communal nesting in groove-billed anis (*Crotophaga sulcirostris*) //Behavioral Ecology and Sociobiology. — 1978. — Pp. 1–33.
340. Voland E. et al. Population increase and sex-biased parental investment in humans: evidence from 18th-and 19th-century Germany //Current Anthropology. — 1997. — Vol. 38. — №. 1. — Pp. 129–135.
341. Voland E., Beise J. Opposite effects of maternal and paternal grandmothers on infant survival in historical Krummhörn //Behavioral Ecology and Sociobiology. — 2002. — Vol. 52. — №. 6. — Pp. 435–443.
342. Voland E., Siegelkow E., Engel C. Cost/benefit oriented parental investment by high status families: the Krummhörn case //Ethology and Sociobiology. — 1991. — Vol. 12. — №. 2. — Pp. 105–118.
343. Von Rueden C. R., Jaeggi A. V. Men's status and reproductive success in 33 nonindustrial societies: Effects of subsistence, marriage system, and reproductive strategy //Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2016. — Vol. 113. — №. 39. — Pp. 10824–10829.
344. Voracek M., Haubner T., Fisher M. L. Recent decline in nonpaternity rates: a cross-temporal meta-analysis //Psychological reports. — 2008. — Vol. 103. — №. 3. — Pp. 799–811.
345. Vrba E. S. Species and speciation. Species concepts. Climate, populations, structure and speciation //Transvaal Museum Monographs. — 1985. — Vol. 4. — №. 1. — 178 p.
346. Wagley C. Welcome of Tears. The Tapirapé Indians of Central Brazil. — New York: Oxford University Press, 1977. — 328 p.
347. Walker R. S., Flinn M. V., Hill K. R. Evolutionary history of partible paternity in lowland South America //Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2010. — Vol. 107. — №. 45. — Pp. 19195–19200.
348. Waser P. M., Austad S. N., Keane B. When should animals tolerate inbreeding? //The American Naturalist. — 1986. — Vol. 128. — №. 4. — Pp. 529–537.

349. Waser P. M., Austad S. N., Keane B. When should animals tolerate inbreeding? //The American Naturalist. — 1986. — Vol. 128. — №. 4. — Pp. 529–537.
350. Watson A. et al. Kin landownership, differential aggression between kin and non-kin, and population fluctuations in red grouse //Journal of Animal Ecology. — 1994. — Pp. 39–50.
351. Weisfeld C. C. et al. Sex differences and similarities in married couples: Patterns across and within cultures //Archives of Sexual Behavior. — 2011. — Vol. 40. — №. 6. — Pp. 1165–1172.
352. Weisfeld G. E. et al. Do women seek humorousness in men because it signals intelligence? A cross-cultural test. — 2011. — Pp. 435–462.
353. Whiting B. B. et al. Children of different worlds: The formation of social behavior. — Harvard University Press, 1988. — 337 p.
354. Whitlock M. C., Mccauley D. E. Indirect measures of gene flow and migration: $F_{ST} \approx 1/(4Nm + 1)$ //Heredity. — 1999. — Vol. 82. — №. 2. — Pp. 117–125.
355. Whyte M. K. Cross-cultural codes dealing with the relative status of women //Ethnology. — 1978. — Vol. 17. — №. 2. — Pp. 211–237.
356. Wilbur H. M., Tinkle D. W., Collins J. P. Environmental certainty, trophic level, and resource availability in life history evolution //The American Naturalist. — 1974. — Vol. 108. — №. 964. — Pp. 805–817.
357. Wilder J. A. et al. Global patterns of human mitochondrial DNA and Y-chromosome structure are not influenced by higher migration rates of females versus males //Nature genetics. — 2004. — Vol. 36. — №. 10. — Pp. 1122–1125.
358. Wilkins J. F., Marlowe F. W. Sex-biased migration in humans: what should we expect from genetic data? //Bioessays. — 2006. — Vol. 28. — №. 3. — Pp. 290–300.
359. Williams G. C. Pleiotropy, natural selection, and the evolution of senescence //evolution. — 1957. — Pp. 398–411.
360. Wilson J. F. et al. Population genetic structure of variable drug response //Nature genetics. — 2001. — Vol. 29. — №. 3. — Pp. 265–269.

361. Wolff J. O. More on juvenile dispersal in mammals //Oikos. — 1994. — Pp. 349–352.
362. Wood E. T. et al. Contrasting patterns of Y chromosome and mtDNA variation in Africa: evidence for sex-biased demographic processes //European Journal of Human Genetics. — 2005. — Vol. 13. — №. 7. — Pp. 867–876.
363. Woodley M. A. et al. Holocene Selection for Variants Associated With General Cognitive Ability: Comparing Ancient and Modern Genomes //Twin Research and Human Genetics. — 2017. — Vol. 20. — №. 4. — Pp. 271–280.
364. Woolfenden G. E., Fitzpatrick J. W. The Florida scrub jay: demography of a cooperative-breeding bird. — Princeton University Press, 1984. — 406 p.
365. Wu J. J. et al. Communal breeding promotes a matrilineal social system where husband and wife live apart //Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. — 2013. — Vol. 280. — №. 1758. — Pp. 20130010.
366. Yamamura N., Tsuji N. Parental care as a game //Journal of Evolutionary Biology. — 1993. — Vol. 6. — №. 1. — Pp. 103–127.
367. Yu Q. et al. The more similar, the more warmth: the effect of parent-child perceived facial resemblance on parenting behavior //Personality and Individual Differences. — 2019. — Vol. 138. — Pp. 358–362.
368. Zeller A. Socioecology or tradition //Reviews in Anthropology. — 2004. — Vol. 33. — №. 1. — Pp. 19–41.
369. Zuk M. Paleofantasy: What evolution really tells us about sex, diet, and how we live. — NY.: WW Norton & Company, 2013. — 328 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ №1

Анкета на русском языке

1) Пол: муж. ☐ Жен. ☐							
2) Отметьте, пожалуйста, к какой возрастной группе Вы относитесь:							
18 – 22 ☐		23 – 27 ☐		28 – 33 ☐		34 – 40 ☐	
						41 - 47 ☐	
3) Национальность (этническая принадлежность):							
4) Укажите, пожалуйста, место Вашего рождения:							
А) Страна: <input type="text"/>		Б) Город: <input type="text"/>		В) Название поселка или села: <input type="text"/>			
5) Укажите, пожалуйста, место, где Вы провели большую часть детства и отрочества (до 18 лет):							
А) Страна: <input type="text"/>		Б) Город: <input type="text"/>		В) Название поселка или села: <input type="text"/>			
6) Укажите по порядку рождения, в каком возрасте Ваша мама родила каждого ребенка, включая Вас:				7) Укажите по порядку рождения, в каком возрасте у нашего отца родились дети, включая Вас:			
порядок рождения	Возраст матери, когда она родила	Пол ребенка	Укажите, пожалуйста, любым значком, кто из детей является Вам:	порядок рождения	Возраст отца, когда родились дети	Пол ребенка	Поставьте, любой значок, в графе ребенка, который является Вами:
1				1			
2				2			
3				3			
4				4			
8) Живы ли родители?		☐ Да	☐ Нет, один или оба родителя уже умерли:	8.а) А) Сколько лет Вам было, когда умерла мать?		<input type="text"/>	
				Б) Сколько лет Вам было, когда умер отец?		<input type="text"/>	
9) Полная /неполная семья?		☐ Полная	☐ Неполная:	9.а) Сколько Вам было лет, когда семья стала неполной?		<input type="text"/>	
				9.б) После распада семьи Вы жили с:		☐ матерью ☐ отцом ☐ другое	
10) Наличие повторных и предыдущих браков у матери?		Да ☐	10.а) Количество всех сводных братьев и сестер по отчиму (из других браков отчима, не включайте сюда детей биологической матери в др. браков)			<input type="text"/>	
		Нет ☐	Не знаю о других браках матери и детях отчима			<input type="text"/>	
11) Наличие повторных и предыдущих браков у отца?		Да ☐	11.а) Количество всех сводных братьев и сестер по мачехе (из других браков мачехи (не включайте сюда детей биологического отца)			<input type="text"/>	
		Нет ☐	Не знаю о других браках отца и детях мачехи			<input type="text"/>	
12) Сколько всего детей (включая Вас) преимущественно совместно жило в семье (например, кто-то из сестер/ братьев уже жил самостоятельной жизнью отдельно, или в семье были приемные дети) <input type="text"/>							
Как много взрослых людей мужского пола, не являющихся Вашими биологическими родственниками, последовательно проживали в семье?							
Как много взрослых людей женского пола, не являющихся Вашими биологическими родственниками, последовательно проживали в семье?							
В детстве в моей семье обычно хватало денег на основные нужды.	Абсолютно не согласен	Частично не согласен	Скорее не согласен, чем согласен	Нейтрально/ Я не знаю	Скорее согласен, чем не согласен	Частично согласен	Абсолютно согласен
Я чувствовал себя ребенком из достаточно обеспеченной семьи в сравнении с другими детьми в школе	Абсолютно не согласен	Частично не согласен	Скорее не согласен, чем согласен	Нейтрально/ Я не знаю	Скорее согласен, чем не согласен	Частично согласен	Абсолютно согласен
В детстве моя семья часто была не в состоянии позволить себе здоровое и сбалансированное питание.	Абсолютно не согласен	Частично не согласен	Скорее не согласен, чем согласен	Нейтрально/ Я не знаю	Скорее согласен, чем не согласен	Частично согласен	Абсолютно согласен
Моя семья вкладывала много денег в накопления.	Абсолютно не согласен	Частично не согласен	Скорее не согласен, чем согласен	Нейтрально/ Я не знаю	Скорее согласен, чем не согласен	Частично согласен	Абсолютно согласен

В детстве обычно я был вынужден носить поношенную одежду и пользоваться неновыми игрушками.	Абсолютно не согласен	Частично не согласен	Скорее не согласен, чем согласен	Нейтрально / Я не знаю	Скорее согласен, чем не согласен	Частично согласен	Абсолютно согласен
Моя семья никогда не выбиралась из долгов.	Абсолютно не согласен	Частично не согласен	Скорее не согласен, чем согласен	Нейтрально / Я не знаю	Скорее согласен, чем не согласен	Частично согласен	Абсолютно согласен
В детстве мы жили от зарплаты до зарплаты.	Абсолютно не согласен	Частично не согласен	Скорее не согласен, чем согласен	Нейтрально / Я не знаю	Скорее согласен, чем не согласен	Частично согласен	Абсолютно согласен
Мои родители старались, чтобы я ни в чем не нуждалась/лся.	Абсолютно не согласен	Частично не согласен	Скорее не согласен, чем согласен	Нейтрально / Я не знаю	Скорее согласен, чем не согласен	Частично согласен	Абсолютно согласен
Моя семья иногда занимала деньги чтобы свести концы с концами.	Абсолютно не согласен	Частично не согласен	Скорее не согласен, чем согласен	Нейтрально / Я не знаю	Скорее согласен, чем не согласен	Частично согласен	Абсолютно согласен
Мои родители не всегда могли оплачивать счета	Абсолютно не согласен	Частично не согласен	Скорее не согласен, чем согласен	Нейтрально / Я не знаю	Скорее согласен, чем не согласен	Частично согласен	Абсолютно согласен

Когда Вы были младенцем, кормила ли Вас мама грудью?

1. Не знаю
2. Нет
3. Да, кормила

Если Вы знаете, укажите, пожалуйста, как долго она Вас кормила?

месяцы _____ Недели _____ Дни _____

16) Бабушка со стороны матери жива:

Да Нет, умерла, когда мне было лет:

17) Бабушка со стороны отца жива:

Да Нет, умерла, когда мне было лет:

18) Дедушка со стороны матери жив:

Да Нет, умер, когда мне было лет:

19) Дедушка со стороны отца жив:

Да Нет, умер, когда мне было лет:

20) Пожалуйста, отметьте подходящие ответы:

20.1) Родители матери жили:

- а) С нами _____
- б) Отдельно, но в том же городе _____
- в) В другом городе, но не более 3 часов пути _____
- г) более 3 часов пути, _____
- д) в другой стране _____
- е) я жил(а) больше с бабушкой и/или бабушкой, нежели с родителями _____

20.2) Родители отца жили:

- а) С нами _____
- б) Отдельно, но в том же городе _____
- в) В другом городе, но не более 3 часов пути _____
- г) более 3 часов пути, _____
- д) в другой стране _____
- е) я жил(а) больше с бабушкой и/или бабушкой, нежели с родителями _____

20.3) Как часто Вы проводили с бабушкой и/или бабушкой по матери каникулы:

- а) Почти все каникулы _____
- б) Каждый год _____
- в) Один или 2 раза _____
- г) Никогда _____
- д) Не помню, затрудняюсь ответить _____

20.4) Как часто Вы проводили с бабушкой и/или бабушкой по отцу каникулы:

- а) Практически все каникулы _____
- б) Каждый год _____
- в) Один или 2 раза _____
- г) Никогда _____
- д) Не помню, затрудняюсь ответить _____

20.5) Как часто бабушка и/или бабушка матери сидела с Вами во время Вашей болезни:

- а) Почти всегда _____
- б) Регулярно _____
- в) Несколько раз _____
- г) Никогда _____
- д) Не помню, затрудняюсь ответить _____

20.6) Как часто бабушка и/или бабушка отца сидела с Вами во время Вашей болезни:

- а) Почти всегда _____
- б) Регулярно _____
- в) Несколько раз _____
- г) Никогда _____
- д) Не помню, затрудняюсь ответить _____

Оцените, пожалуйста, по шкале от 0 до 6 количество заботы и любви, которое уделила Вам мать? (где 0 – минимальная оценка (вообще не уделила), а 6 – максимальная оценка (мама была очень заботлива и внимательна ко мне))

0

1

2

3

4

5

6

Пожалуйста, ответьте на следующие вопросы, касающиеся Вашей биологической матери, используя баллы нижеприведенной шкалы. Если Вы не знали свою биологическую мать, пожалуйста, оставьте этот вопрос без ответа. Помните, что отвечать необходимо о периоде Вашего детства до того, как Вам стало 17 лет.

Я чувствовал(а), что моя мать эмоционально поддерживала меня.

- Абсолютно не согласен
 Частично не согласен
 Скорее не согласен, чем согласен
 Нейтрально/ Я не знаю
 Скорее согласен, чем не согласен
 Частично согласен
 Абсолютно согласен

Моя мама обычно помогала мне решать проблемы.

- Абсолютно не согласен
 Частично не согласен
 Скорее не согласен, чем согласен
 Нейтрально/ Я не знаю
 Скорее согласен, чем не согласен
 Частично согласен
 Абсолютно согласен

Моя мама позволяла мне учиться на своих ошибках.

- Абсолютно не согласен
 Частично не согласен
 Скорее не согласен, чем согласен
 Нейтрально/ Я не знаю
 Скорее согласен, чем не согласен
 Частично согласен
 Абсолютно согласен

Моя мама не особо позволяла мне поступать по- своему.

- Абсолютно не согласен
 Частично не согласен
 Скорее не согласен, чем согласен
 Нейтрально/ Я не знаю
 Скорее согласен, чем не согласен
 Частично согласен
 Абсолютно согласен

Я чувствовал, что моя мама контролировала меня.

- Абсолютно не согласен
 Частично не согласен
 Скорее не согласен, чем согласен
 Нейтрально/ Я не знаю
 Скорее согласен, чем не согласен
 Частично согласен
 Абсолютно согласен

Я чувствовал, что моя мама была зла на меня по причинам, которые я не мог/не могла контролировать

- Абсолютно не согласен
 Частично не согласен
 Скорее не согласен, чем согласен
 Нейтрально/ Я не знаю
 Скорее согласен, чем не согласен
 Частично согласен
 Абсолютно согласен

Я боялся/лась гнева моей матери

- Абсолютно не согласен
 Частично не согласен
 Скорее не согласен, чем согласен
 Нейтрально/ Я не знаю
 Скорее согласен, чем не согласен
 Частично согласен
 Абсолютно согласен

Моя мама, казалось, раздражалась из-за меня очень легко.

- Абсолютно не согласен
 Частично не согласен
 Скорее не согласен, чем согласен
 Нейтрально/ Я не знаю
 Скорее согласен, чем не согласен
 Частично согласен
 Абсолютно согласен

Иногда я чувствовал(а) себя бременем для своей матери.	☐ Абсолютно не согласен ☐ Частично не согласен ☐ Срее не согласен, чем согласен ☐ Нейтрально/ Я не знаю ☐ Скорее согласен, чем не согласен ☐ Частично согласен ☐ Абсолютно согласен
Оцените, пожалуйста, по шкале от 0 до 6 количество заботы и любви, которое уделил Вам отец? Где 0 – минимальная оценка (вообще не уделил), а 6 – максимальная оценка(отец был очень заботлив и внимателен ко мне)	
Пожалуйста, ответьте на следующие вопросы, касающиеся Вашего биологического отца, используя баллы нижеприведенной шкалы. Если Вы не знали своего биологического отца, пожалуйста, оставьте этот вопрос без ответа. Помните, что отвечать необходимо о периоде Вашего детства до того, как Вам стало 11 лет.	
Я чувствовал(а), что мой отец эмоционально поддерживал меня.	☐ Абсолютно не согласен ☐ Частично не согласен ☐ Срее не согласен, чем согласен ☐ Нейтрально/ Я не знаю ☐ Скорее согласен, чем не согласен ☐ Частично согласен ☐ Абсолютно согласен
Мой отец обычно помогал мне решать проблемы.	☐ Абсолютно не согласен ☐ Частично не согласен ☐ Срее не согласен, чем согласен ☐ Нейтрально/ Я не знаю ☐ Скорее согласен, чем не согласен ☐ Частично согласен ☐ Абсолютно согласен
Мой отец позволял мне учиться на своих ошибках.	☐ Абсолютно не согласен ☐ Частично не согласен ☐ Срее не согласен, чем согласен ☐ Нейтрально/ Я не знаю ☐ Скорее согласен, чем не согласен ☐ Частично согласен ☐ Абсолютно согласен
Мой отец не особо позволял мне поступать по- своему.	☐ Абсолютно не согласен ☐ Частично не согласен ☐ Срее не согласен, чем согласен ☐ Нейтрально/ Я не знаю ☐ Скорее согласен, чем не согласен ☐ Частично согласен ☐ Абсолютно согласен
Я чувствовал(а), что мой отец контролировал меня.	☐ Абсолютно не согласен ☐ Частично не согласен ☐ Срее не согласен, чем согласен ☐ Нейтрально/ Я не знаю ☐ Скорее согласен, чем не согласен ☐ Частично согласен ☐ Абсолютно согласен
Я чувствовал, что мой отец был зол на меня по причинам, которые я не мог/не могла контролировать.	☐ Абсолютно не согласен ☐ Частично не согласен ☐ Срее не согласен, чем согласен ☐ Нейтрально/ Я не знаю ☐ Скорее согласен, чем не согласен ☐ Частично согласен ☐ Абсолютно согласен
Я боялся(ась) гнева своего отца.	☐ Абсолютно не согласен ☐ Частично не согласен ☐ Срее не согласен, чем согласен ☐ Нейтрально/ Я не знаю ☐ Скорее согласен, чем не согласен ☐ Частично согласен ☐ Абсолютно согласен
Мой отец, казалось, раздражался из-за меня очень легко.	☐ Абсолютно не согласен ☐ Частично не согласен

	☐ Скорее не согласен, чем согласен ☐ Нейтрально/ Я не знаю ☐ Скорее согласен, чем не согласен ☐ Частично согласен ☐ Абсолютно согласен
Иногда я чувствовал(а) себя бременем для своего отца.	☐ Абсолютно не согласен ☐ Частично не согласен ☐ Скорее не согласен, чем согласен ☐ Нейтрально/ Я не знаю ☐ Скорее согласен, чем не согласен ☐ Частично согласен ☐ Абсолютно согласен
Вы выглядите как Ваша мама?	
Отметьте правильный ответ, где 0 - минимум , а 5 - максимум	
в общем похож(а)	0 ☐ 1 ☐ 2 ☐ 3 ☐ 4 ☐ 5 ☐
похож чертами характера	0 ☐ 1 ☐ 2 ☐ 3 ☐ 4 ☐ 5 ☐
похожи черты лица	0 ☐ 1 ☐ 2 ☐ 3 ☐ 4 ☐ 5 ☐
похожа фигура	0 ☐ 1 ☐ 2 ☐ 3 ☐ 4 ☐ 5 ☐
похожа структура и цвет волос	0 ☐ 1 ☐ 2 ☐ 3 ☐ 4 ☐ 5 ☐
Вы выглядите как Ваш отец?	
Отметьте правильный ответ, где 0 - минимум , а 5 - максимум	
в общем похож(а)	0 ☐ 1 ☐ 2 ☐ 3 ☐ 4 ☐ 5 ☐
похож чертами характера	0 ☐ 1 ☐ 2 ☐ 3 ☐ 4 ☐ 5 ☐
похожи черты лица	0 ☐ 1 ☐ 2 ☐ 3 ☐ 4 ☐ 5 ☐
похожа фигура	0 ☐ 1 ☐ 2 ☐ 3 ☐ 4 ☐ 5 ☐
похожа структура и цвет волос	0 ☐ 1 ☐ 2 ☐ 3 ☐ 4 ☐ 5 ☐
В каком возрасте Вы больше не нуждались в помощи родителей? <input type="text"/>	
Как часто вы общались со своей матерью посредством телефонных звонков или текстовых сообщений за последний год	☐ 365 раз (Ежедневно) ☐ 52 раз (Еженедельно) ☐ 12 раз (Ежемесячно) ☐ 6 раз ☐ 1 раз ☐ Никогда
Как часто вы общались со своей матерью посредством телефонных звонков или текстовых сообщений за последний год	☐ 365 раз (Ежедневно) ☐ 52 раз (Еженедельно) ☐ 12 раз (Ежемесячно) ☐ 6 раз ☐ 1 раз ☐ Никогда

Подумайте о родительских обязанностях и функциях, которые в период Вашего детства и юности Ваш биологический отец выполнял и совершал для Вас, а также для Ваших братьев и сестер. Ответьте на представленный список вопросов и обведите соответствующее число, расположенное в строке после каждого из вопросов. Пожалуйста, выберите число, наиболее точно отражающее Ваше восприятие того, как часто Ваш отец совершал указанные действия, направленные на заботу о детях в период вашего детства и отрочества.

Повседневные родительские обязанности	Никогда	Раз в неделю	Дважды в неделю	Ежедневно	Два раза в день	Пять раз в день
--	---------	--------------	-----------------	-----------	-----------------	-----------------

7. Интересовался нашей успеваемостью в школе	0	1	2	3	4	5
33. Учил соблюдать правила поведения в школе	0	1	2	3	4	5
34. Утешал и успокаивал нас, когда мы были расстроены	0	1	2	3	4	5
35. Разговаривал с нами о наших личных проблемах	0	1	2	3	4	5
37. Утешал нас, когда мы чувствовали себя плохо	0	1	2	3	4	5
22. Вместе занимался выполнением домашних дел	0	1	2	3	4	5
27. Следил за тем, чтобы нам было физически тепло	0	1	2	3	4	5
40. Устанавливал правила нашего поведения	0	1	2	3	4	5
41. Обеспечивал соблюдение правил внутри семьи	0	1	2	3	4	5
42. Распределял наши домашние обязанности	0	1	2	3	4	5

Менее регулярные родительские функции	Никогда	Раз в месяц	Дважды в месяц	Раз в неделю	Дважды в неделю	Пять раз в неделю
50. Занимался с нами зарядкой и/или физическими упражнениями	0	1	2	3	4	5
51. Ходил на прогулки с нами	0	1	2	3	4	5
54. Водил нас в кино	0	1	2	3	4	5
56. Занимался с нами игровыми видами спорта	0	1	2	3	4	5
57. Водил нас в интересные места	0	1	2	3	4	5
47. Выбирал нам литературу для чтения	0	1	2	3	4	5
48. Направлял нашу деятельность (карьеру)	0	1	2	3	4	5
52. Интересовался, чем мы занимались со своими друзьями	0	1	2	3	4	5
58. Оплачивал счета	0	1	2	3	4	5
59. Следил за исправностью нашей машины	0	1	2	3	4	5

Вневременные родительские функции	Нет	Да
95. Разговаривал с нами о событиях и фактах, происходящих в мире	0	5
101. Разъяснял и обучал, принципам взаимодействия с людьми	0	5
102. Помогал нам находить цели и ориентиры в жизни	0	5
105. Повышал нашу самооценку	0	5
106. Помогал справляться с нашими страхами	0	5
68. Учил нас читать	0	5
87. Обучал нас манерам	0	5
88. Рассказывал нам о вреде наркотиков и алкоголя	0	5
97. Рассказывал нам о том, что такое быть настоящим мужчиной или женщиной	0	5
109. Планировал наше будущее (образование, курсы)	0	5

Список работ автора, опубликованных по теме исследования

Публикации автора в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий *ВАК* РФ:

1. Семенова О.В., Бутовская М.Л. — Рождаемость в современном российском обществе: роль экономических и культурных факторов в условиях растущей урбанизации // *Урбанистика*. — 2019. — № 2. — С. 49–63. DOI: 10.7256/2310-8673.2019.2.28966.

URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28966

2. Семенова О.В., Бутовская М.Л. — Теоретические и практические следствия дисбаланса в количестве мужского и женского населения в современной России. Влияние фактора соотношения полов в регионе на индивидуальный уровень материального благополучия // *Социодинамика*. — 2020а. — № 3. — С. 30–45. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.3.29974.

URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29974

3. Семенова О.В., Бутовская М.Л. — Урбанизация и усиление полового отбора среди мужчин в современном российском обществе // *Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология*. — 2020б. — № 1. — С. 98–107. DOI: 10.32521/2074-8132.2020.1.098-107

URL: <https://www.bulletin.antropos.msu.ru/en/article.php?id=782>

4. Семенова О.В., Бутовская М.Л. — Связь родственной помощи бабушек и дедушек с удаленностью домохозяйств на примере России, США и Бразилии // *Человек и культура*. — 2021а. — № 4. — С. 10–33. DOI: 10.25136/2409-8744.2021.4.36197.

URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36197

5. Семенова О.В., Бутовская М.Л. — Зависимость родственной помощи в заботе о внуках от дистанции проживания: сравнительный анализ России, США и Бразилии // *Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология*. — 2021б. — № 2. — С. 139–152. DOI: 10.32521/2074-8132

Статьи, опубликованные в журналах, индексируемых в международной реферативной базе *Scopus*:

1. Semenova O., Apalkova J., Butovskaya M. — Sex differences in spatial activity and anxiety levels in the COVID-19 pandemic from evolutionary perspective //Sustainability. — 2021a. — Vol. 13. — №. 3. — Pp. 1110. DOI:10.3390/su13031110.

URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/13/3/1110>

2. Semenova O., Apalkova J., Butovskaya M. — Spatial and Social Behavior of Single and Coupled Individuals of Both Sexes during COVID-19 Lockdown Regime in Russia //International Journal of Environmental Research and Public Health. — 2021b. — Vol. 18. — №. 8. — Pp. 4283. DOI: 10.3390/ijerph18084283.

URL: <https://www.mdpi.com/1660-4601/18/8/4283>

3. Семенова О.В., Бутовская М.Л. — Теоретические репродуктивные следствия конфликта полов у человека //Доклады Российской академии наук. Науки о жизни. — 2021с. — № 5.— Т. 500. — С. 41–48. DOI: 10.31857/S2686738921050267

Принято к публикации:

1. Семенова О.В., Бутовская М.Л. — Матрилатеральный родственный вклад во внуков в современной российской семье. Дискриминация потомков женского пола со стороны бабушек и дедушек // Сибирские исторические исследования.